

Библиотека историка

В. Е. Майер

Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма

• ВЫСШАЯ ШКОЛА • 1985

В. Е. Майер

Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма

МОСКВА

• ВЫСШАЯ ШКОЛА • 1985

Рецензенты:

кафедра истории средних веков исторического факультета
Ленинградского государственного университета
им. А. А. Жданова
(зав. кафедрой профессор Г. Л. Курбатов);
доктор исторических наук Е. В. Гутнова
(Институт всеобщей истории АН СССР)

Рекомендовано к изданию Министерством высшего
и среднего специального образования СССР

Майер В. Е.

**М14 Крестьянство Германии в эпоху позднего феода-
лизма: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся
по спец. «История». — М.: Высш. шк., 1985. —
191 с. — (Б-ка историка).**

35 коп.

В книге излагается история крестьянства Германии в эпоху раз-
ложения феодальных отношений и развития элементов капитализма.
Особое внимание уделяется специализации земледелия, распростране-
нию наемного труда и «второму закрепощению». Анализируются прог-
раммные требования крестьян в ходе Крестьянской войны и особен-
ности антифеодальной борьбы после 1525 г.

М 0504020000—093 27—85
001(01) — 85

ББК 63.3 (0) 4
9(М)1

© Издательство «Высшая школа», 1985

Эпоха позднего феодализма в Германии длилась с начала XVI в. до конца XVIII в. Решающее влияние на социально-экономический и политический облик страны оказывало становление и развитие элементов капитализма внутри существовавших феодальных отношений. Первые ростки капитализма в промышленности, торговле и земледелии появились уже в конце XV в. Они были весьма слабыми и долгое время сохраняли обратимый характер. К концу XVIII в., однако, капиталистический уклад настолько окреп во всей Германии, что все более неотложной становилась задача коренного переустройства всей социально-экономической и политической системы.

Три века, отделяющие конец эпохи позднего феодализма от его начала, не были временем непрерывного прогрессивного развития. В земледелии после заметных успехов наступали периоды застоя и регресса, когда особенно сильно страдали ростки нового. Однако каждый новый шаг в земледелии происходил при все более прогрессивных изменениях в экономике и при более обширном рыночном спросе на сельскохозяйственные продукты.

В течение всей эпохи позднего феодализма крестьянство являлось главной производительной силой страны. Оно составляло 85—90% всего трудового населения и производило почти все необходимые продукты питания и сырье. Для значительной части сельского населения ремесло и промыслы становились основным или побочным занятием. Их продукция в большом количестве поступала на рынок, где конкурировала с изделиями городских ремесленников.

На сельскохозяйственное производство и положение крестьян огромное, а порой и решающее влияние оказывали любые сдвиги внутри страны и в ее международном положении: социальные конфликты, междоусобные войны, неблагоприятные природные условия и т. п. Бы-

стро развивалось земледелие и менялось положение крестьян в мирные годы, когда крестьянин настойчивым и самоотверженным трудом восстанавливал потери, нанесенные его хозяйству войной и старался путем расширения своего хозяйства и внедрения новых орудий труда и агрономических приемов добиться более высокого уровня производства.

В эпоху позднего феодализма земледельческое производство Германии трижды переживало заметный подъем. Первый раз это происходило в начале XVI в. даже в обстановке усиливавшейся феодальной реакции. Тогда подъем сельскохозяйственного производства был приостановлен поражением Крестьянской войны. В условиях феодального террора, направленного против самой смелой и деятельной части крестьян, и непрерывных войн между католическими и протестантскими князьями сельское хозяйство в течение 30—35 лет не поднялось до прежнего уровня. Вторая волна более быстрого подъема земледельческого производства относится к самому концу XVI в. и первым восемнадцати годам XVII в. В это время был превзойден уровень земледельческого производства начала XVI в. Однако удар сельскому хозяйству, нанесенный Тридцатилетней войной, наиболее разорительной из войн средневековья, привел земледелие и крестьянство Германии в столь же плачевное состояние, в каком оно было в первые десятилетия после заключения Вестфальского мира. Наибольший урон крестьянскому хозяйству нанесли остальбские феодалы, которые ни в ходе войны, ни после нее не уменьшили свои рентные и иные поборы и все более настойчиво добивались полного закрепощения крестьян. Сельское хозяйство, не достигнув в своем развитии довоенного уровня, с первого года нового, XVIII века, было ввергнуто в тяжелые условия Северной войны. Только к 40-м годам XVIII в. земледельческое производство в Германии достигло уровня начала XVII в. В третий раз сельское хозяйство Германии переживало подъем с 50-х годов XVIII в. К этому времени сложились особо благоприятные условия для его успешного развития: сильно возросла агрономическая наука, в большом количестве издавалась разнообразная сельскохозяйственная литература на немецком языке. Дворяне и правители страны, заинтересованные в развитии сельскохозяйственного производства, поощряли его интенсивное развитие. Широкое применение получали капиталистические формы произ-

водства и новые технические средства и методы. Поскольку повсюду преобладали крестьянские хозяйства, за счет и при помощи которых велись и хозяйства феодалов, наиболее широко новые тенденции проникали именно в них.

В течение всей эпохи позднего феодализма крестьяне вели антифеодальную борьбу: они выступали против любой попытки отдельных феодалов, групп или всего класса феодалов ухудшить их положение; в ходе Крестьянской войны в ряде районов на непродолжительное время прекращали выполнять свои феодально-рентные повинности; опираясь на общинную организацию, бойкотировали господские распоряжения и требования. Десятками лет они судились из-за поправания феодалами их обычаев и прав.

После поражения в 1525—1526 гг. крестьяне не сложили оружия, хотя на протяжении всей эпохи позднего феодализма им больше не удалось подняться до вершины Крестьянской войны.

Крестьянство было слишком разобщенным классом. Территориально его разъединяло не только то, что в Германии существовала чрезвычайная раздробленность, но и различие в развитии Остэльбии и территории к западу от Эльбы. Социально крестьянство делилось на несколько имущественных групп, из которых наиболее богатая часть все более усердно эксплуатировала беднейшую часть, составлявшую уже во второй половине XVI в. большинство сельского населения. Кроме того, во всей Остэльбии существовали суровые формы крепостничества, доходившие местами до продажи крепостного вместе с землей.

Свободному развитию товарного производства и капиталистической формы эксплуатации в деревне мешала 6-дневная барщина в неделю, принудительный наемный труд крестьянских детей, крепостная зависимость наемных людей и т. п.

Хотя монопольное право на землю принадлежало феодалам, фактически земля находилась в руках обрабатывавших ее крестьян. (Если это для земель к западу от Эльбы давно было доказано и не вызывало никаких возражений, то относительно Остэльбии это впервые удалось установить марксистским историкам ГДР.) Но и там, где существовало множество рыцарских фольварочных хозяйств, они полностью содержались трудом крепостных крестьян.

По размерам хозяйства зажиточных крестьян в Ост-эльбии были крупнее, чем к западу от Эльбы. Это объясняется тем, что дворяне, владевшие фольварочными хозяйствами, были заинтересованы иметь возле своего хозяйства достаточно зажиточных крестьян, которые могли бы своим инвентарем и тягловой силой обрабатывать их поля. К западу от Эльбы крестьянские хозяйства были весьма незначительных размеров. Дробление их наделов местами продолжалось. Однако и здесь крестьяне находились под феодальным гнетом: они платили князю многочисленные прямые и косвенные налоги, были вынуждены соблюдать банналитеты — мельничный, винный и пекарский, ограничивались в общинных правах.

Историю крестьянства изучаемого времени невозможно понять и нельзя оторвать от предшествующего этапа развития феодализма. Тем более ее нельзя понять, не изучив работы К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные разным вопросам истории средних веков, в которых основоположники марксизма, рассматривая феодализм как социально-экономическую формацию, проанализировали специфику ее производственных отношений, основанных на сочетании господства крупной земельной собственности с мелким хозяйством крестьян, владеющих орудиями труда и обрабатывающих землю¹.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 352, 353; т. 21, с. 349.

§ 1. Источники

По истории крестьянства в эпоху позднего феодализма имеются самые различные источники, которые могут быть разделены на юридические, экономические и социально-политические. К юридическим относятся вейстюмы, полицейские распоряжения, юридические акты и постановления, княжеские законы. Вейстюмы являются настоящей энциклопедией крестьянской жизни для XIV—XVI вв., меньше информации они содержат для XVII—XVIII вв. Особенно важно отметить их содержание по развитию производительных сил, а также по состоянию полеводства, скотоводства, луговодства, зернового хозяйства, виноградарства, льноводства и т. п. Они дают также представление об участии крестьян в составлении различных общинных правил и вообще о жизни как остатков общин-марок, так и деревенских и дворовых общин. В комплексе с другими источниками они составляют исключительно ценный материал для всестороннего изучения жизни крестьянства. За любым вейстюмом видна община, крестьянство малых и больших деревень. Наиболее полные издания вейстюмов Германии принадлежат Я. Гримму, К. Динклагге, В. Вейцзекеру, Г. Лершу¹. Полицейские распоряжения и полицейские распоряжки издавались на протяжении всего средневековья, однако особенно много с XVI в. Постепенно полицейские распоряжки вытесняли из деревенской жизни вейстюмы. По содержанию они рассматривают тот же круг вопросов, что и вейстюмы, однако с уклоном в сторону обязанностей крестьян и наказаний их за про-

¹ См.: Grimm J. Weistümer. B., 1957, Bd. I—VII; Loersch H. Die Weistümer der Rheinprovinz. Bonn, 1900, Bd. I; Dinklage K. Fränkische Bauernweistümer. Würzburg, 1954; Weizsäcker W. Pfälzische Weistümer. Speyer, 1957.

винности. Если вейстюмы в какой-то мере отражали интересы крестьян, выдвигали их даже на первое место, то в полицейских распорядках говорится почти исключительно об интересах сеньоров и феодальных властей. Крестьянская жизнь отражается в них в форме повинностей. Юридические акты и постановления носят конкретный характер по какому-нибудь делу, в которое замешаны крестьяне. Для суждения о закономерных явлениях требуется проверка большого числа однотипных документов, относящихся к определенному отрезку времени². Немало конкретного материала по истории крестьян содержится и в княжеском законодательстве.

Большое место в изучении истории крестьянства занимают документы с преобладанием экономического содержания. К ним относятся уркунден, или грамоты; урбарии, или счетные книги; земельные описи и др. Уркунден, или грамоты, сообщают о различных сделках, главным образом между светскими и духовными феодалами, а также с городами. Крестьяне непосредственного отношения к сделке не имели, однако их жизнь довольно хорошо показана. В них отражены прогрессивные тенденции в развитии агротехники, появление новых форм хозяйств, арендные отношения, положение различных юридических категорий крестьян, продажа леса общиной, развитие огородничества, садоводства, виноградарства, продажа десятины и рент. Самое большое число уркунден посвящено купле и продаже земли, что дает возможность представить общую картину земельной собственности и землепользования, размеры рентных плат и т. п. Уркунден позволяют исследовать проникновение в деревню ростовщического капитала. Швабские уркунден дают наглядное представление об усилении личного закрепощения крестьян. В них говорится о беглых крестьянах, о прикреплении крестьян к феодалу и земле, выкупе крепостных их родственниками и т. п. Уркунден о продаже крестьянских держаний содержит сведения о размерах и видах ренты, об обязательных сроках ее сбора, о требуемом качестве сдаваемой продукции, особенно зерна, о различных штрафах за нарушение держа-

² См.: Würzburger Polizeisätze. Gebote und Ordnungen des Mittelalters (1125—1499), hg. v. H. Hoffmann. Würzburg, 1965; Nürnberger Polizeifordnungen aus dem 13. bis 15. Jh., hg. v. J. Bader. Stuttgart, 1866; Reyscher A. H. Vollständige historisch und kritisch bearbeitete Sammlung der württembergischen Gesetze. Tübingen, 1871, Bd. 12.

тельских условий. В настоящее время издано наибольшее количество уркунден по Саксонии, Тюрингии, Баварии, Вюртембергу, Гессену, Рейнланду, Вестфалии и Нижней Саксонии³.

Счетные книги, или урбарии, как и земельные описи, начали в Германии составляться с XIV в., когда крупные феодалы, ликвидировав свое собственное доменальное хозяйство, стали нуждаться в более точном учете своих доходов, а затем и расходов. Первый издатель урбарий К. О. Мюллер уделял главное внимание господским хозяйствам, оставляя крестьян совершенно в стороне от производства. Урбарии конкретно о крестьянах содержат больше всего фактов о методах эксплуатации крестьян и размерах их повинностей. Поскольку издатель далек от того, чтобы характеризовать крестьянское хозяйство, он обходит все острые социальные проблемы. Очень важным источником, помещенным в урбариях, являются налоговые списки, которые позволяют выявить социальные группы в деревне и городе. Земельные списки с конца XIV в. содержат огромное количество конкретных фактов о владельцах хозяйств, размерах и типах хозяйств, их составе, доходах, рентах и т. п.

К социально-политическим источникам относятся крестьянские диалоги, акты, или жалобы, крестьянские статьи-требования, обращения крестьян, распоряжки воинских отрядов крестьян. Все эти документы тесно связаны с Реформацией и Крестьянской войной. Широко известны сборники актов, изданные Ф. Л. Бауманном, О. Мерксом, Г. Францем и В. П. Фуксем. В них содержатся обширные сведения о хозяйственной жизни крестьян, обременении их оброками и барщинной службой, борьбе крестьян за смягчение феодальной эксплуатации. Крестьянские статьи публиковались Г. Францем, а в последнее время историком ГДР В. Ленком, которому принадлежит и первая публикация диалогов⁴. С 1520 по 1525 г. ряд прогрессивных деятелей Германии, имена которых в большинстве случаев остались неизвестны, издавали памфлеты в форме диалогов. Эти со-

³ Об уркунденах специально см.: Майер В. Е. Источники по истории развития производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений в Германии XIV—XVI вв.— Античная древность и средние века. Свердловск, 1975, сб. 12.

⁴ См.: Lenk W. Die Reformation im zeitgenössischen Dialog. 12 Texte aus den Jahren 1520 bis 1525. B., 1968; Lenk W. Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg. Leipzig, 1980.

чтения играли выдающуюся пропагандистскую и организаторскую роль. Они воспитывали в народных массах, прежде всего в крестьянах, чувство собственного достоинства, самоутверждения и самосознания, диалоги готовили низы к активным действиям в предстоящем общественном перевороте. На страницах диалогов крестьянин впервые в литературной форме выступает как человек с такими же способностями, умом и силой, как и представители других сословий. Более того, крестьянин впервые показан как активная и инициативная сила. Он готов решать важнейшие идеологические и политические вопросы времени с помощью цепа и мотыги. В диалогах остро ставится вопрос об отношении крестьянина к власти. Особенно четко это отношение прослеживается в крестьянских статьях и военных распорядках крестьянских отрядов в 1525 г. Папа и император, князья и епископы — все феодальные власти объявляются богом низложенными. Крестьяне приступают к созданию своей власти. Ярко и последовательно вопрос о власти отстаивается в анонимном памфлете «К собранию рядового крестьянства», критическое издание текста которого появилось только в 1975 г. (*An die versammlung gemayner pawerschaft. Leipzig*). По вопросам отношения крестьян к феодальным властям и попыткам создания своей власти важными источниками являются письма и выступления Томаса Мюнцера. Его знаменитая «Княжеская проповедь» и «Письмо князю Эрнсту Мансфельдскому» дают об этом наиболее полное и яркое представление. Отношение крестьян к власти отражено также в памфлете «О новом преобразовании христианской жизни», приписываемом Г. Герготу и опубликованном уже после поражения крестьян.

В пособии мы не рассматриваем положение крестьян за пределами чисто германских территорий, т. е. в пределах Швейцарии, Тироля, Штирии, Каринтии и западной части Эльзаса. Следует, однако, сказать, что все эти области дали прекрасный материал по действиям крестьян во время Реформации и Крестьянской войны. Широко известно «Земское устройство» М. Гайсмайера (*Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg*), в котором он отстаивает власть, сформированную народом. Защита им крестьян особо видна из того, что в будущем вся страна должна быть покрыта одними деревнями, замки и всякие укрепления должны быть разрушены полностью.

Таким образом, источники позволяют осветить историю крестьян в эпоху позднего феодализма всесторонне, т. е. охватывая хозяйственную жизнь, быт и нравы, положение в феодальном мире, степень угнетения и эксплуатации, борьбу против феодального произвола, за личное освобождение и изменение форм власти и т. п.

§ 2. Историография

По истории крестьянства Германии в эпоху позднего феодализма нет специальных исследований. Это, однако, не значит, что она неизвестна или мало исследована. В целом о немецком крестьянстве позднего феодализма написано много, хотя и не все проблемы, связанные с ним, освещены одинаково. История немецкого крестьянства интересующего нас времени рассматривается в общих работах по аграрной и социально-экономической проблематике. В конце XIX — начале XX в. она освещалась в фундаментальных трудах по хозяйственной истории К. Т. Инамы-Штернега, К. Лампрехта, В. Виттиха, А. Допша, Г. Кнаппа, Г. Белова, Р. Кэчке и др. Все эти историки собрали огромный фактический материал, который они трактовали согласно своим общим историческим концепциям. Крестьянство для них никогда не представляло самостоятельной социально-экономической категории. Оно характеризовалось ими малоинициативным в хозяйственной жизни и ничего не значившим в политике сословием. Весьма мало они уделяли внимания вопросам классовой борьбы крестьян. Они были далеки от того, чтобы говорить об антагонизме между феодально-зависимым крестьянством и классом феодалов. Все столкновения рассматривались ими как следствие недоразумений, а сама борьба крестьян с господами объявлялась бесцельной и совершенно ненужной.

Историки ФРГ о крестьянстве позднего феодализма. В 60—70-х годах нашего столетия все то, что ранее писалось буржуазными историками о немецком крестьянстве, было обобщено, дополнено новыми материалами и далее исследовано историками ФРГ в 5-томной «Аграрной истории Германии»⁵. История крестьянства позднего феодализма входит во 2-й, 3-й и 4-й тома этого объемного издания.

⁵ См.: Deutsche Agrargeschichte. Stuttgart, 1962—1970, Bd. I—V.

Во 2-м томе В. Абель рассматривает проблемы сельскохозяйственного производства⁶; в 3-м — Ф. Лютге освещает вопросы аграрной конституции⁷; а в 4-м — Г. Франц характеризует крестьянство как сословие⁸. Взгляды этих историков на историю крестьянства оформились в специфических условиях германской истории, когда буржуазная историческая наука ФРГ нуждалась в новых методологических установках, которые дали бы ей возможность дальнейшего существования и развития.

Выполняя социальный заказ правящих буржуазных кругов ФРГ, В. Абель и Ф. Лютге первыми из немецких медиевистов занялись всерьез созданием новых методологических установок для исторических исследований в целом и по крестьянско-аграрной проблематике в частности. Позднее к ним присоединился и Г. Франц, который, однако, и в дальнейшем придерживался прежних взглядов. Первоначально Абель и Лютге говорили о своих методологических принципах только применительно к аграрной истории Германии XIV—XV вв., но подчеркивали, что на основе этих установок историкам необходимо будет пересмотреть всю историю человечества «от шумеров и аккадов до современности». Позднее они пытались это намерение претворить в жизнь на примере истории Германии.

В рассмотрении Абелем, Лютге и Францем аграрной истории в трех аспектах — развитии сельскохозяйственного производства, аграрного строя и социально-политического статуса крестьянства — отразилось стремление буржуазных историков найти альтернативу марксистской историографии развития производительных сил, производственных отношений и политической надстройки. Марксизму они противопоставляют прежде всего два принципа. Во-первых, все коренные исторические сдвиги они объясняют колебаниями в количестве народонаселения, вынося вслед за Мальтусом причинно-следственные связи за рамки социально-экономической сферы деятельности человека. Во-вторых, все изменения локального и временного характера они связывают с политикой и даже только с именами императоров, королей, князей,

⁶ См.: Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1962.

⁷ См.: Lütge F. Geschichte der deutschen Agrarverfassung vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1963.

⁸ См.: Franz G. Geschichte des deutschen Bauernstandes vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1970.

высших церковных деятелей, игнорируя полностью роль классовой борьбы.

Приверженность к двум изложенным принципам проявляется у них по-разному. Наиболее ревниво оберегает неомальтузианские воззрения на историю Абель. Для него народонаселение является решающим фактором на каждом этапе развития. Катастрофическое сокращение населения в результате «черной смерти» и последующих эпидемий объявляется причиной всех исторических сдвигов XIV—XV вв., рост населения с конца XV в. — решающей причиной прогресса в XVI в. и до Тридцатилетней войны и т. д. Для Лютге народонаселение выступает определяющим фактором исторического прогресса только до IX—X вв. Во всей остальной истории он находит достаточно политических, а иногда и социальных причин для объяснения прогресса. У Франца народонаселение как дежурная причина выступает везде, где речь ведется о причинно-следственных связях. Однако фактор народонаселения в его книге не связан органически с развитием истории, как это наблюдается у Абеля.

Второй принцип — вечная инициатива господствующего класса — настойчиво проводят все трое — Лютге, Абель и Франц. Конкретно по отношению к крестьянству эпохи позднего феодализма их взгляды тоже не всегда совпадают. Для Абеля характерна противоречивость между его методологией и исследовательским методом. Его неомальтузианство не позволяет ему замечать творческой, прогрессивной роли крестьянства. В то же время его методика сбора и показа всего, что написано о деятельности крестьянства, а также привлечение для общей характеристики значительного количества архивного материала невольно содействуют созданию объективной картины о деятельном и инициативном крестьянине, его роли в производстве, положении, размерах хозяйства, рентных обязанностях.

С точки зрения Абеля, в период «аграрного кризиса» XIV—XV вв. катастрофическое сокращение народонаселения привело к опустошению полей: сокращалась пашня, разрастались леса и пастбища. Но это только одна сторона происходивших изменений. Абель показывает, как в это же время успешно развиваются скотоводство, огородничество, садоводство, виноградарство и выращивание технических культур. Он оценивает это как проявление «энергии и жизнеутверждающей силы». Однако он нигде не говорит, что это дело рук рядовых крестьян.

Инициатором всех прогрессивных изменений в сельском хозяйстве он рассматривает вотчинников. И только изредка намекает на успешную хозяйственную деятельность зажиточных крестьян и богатых арендаторов-швайгеров. От катастрофы XIV в., подчеркивает Абель, выиграло крестьянство, так как одновременно повысились цены на хлеб. В выигрыше оказались и наемные сельскохозяйственные труженики, так как после чумы якобы наступил «золотой век наемных рабочих». В то же время огромные затруднения испытывали только феодалы высшего ранга. В наступлении феодалов на общинные леса и пастбища Абель видит заботу о «бедственном положении земли» и шаг в сторону создания земельного фонда для дальнейшего прогресса.

Для эпохи позднего феодализма Абель создал представление о среднем крестьянине как главном «носителе сельскохозяйственного производства и общественного строя». В «среднем крестьянине» он усматривает своеобразного сельского предпринимателя. С его точки зрения, «средний крестьянин» выплачивал себе «заработную плату», ему поступала рента, и он, возможно, получал предпринимательскую прибыль. Несмотря на все это, однако, лучше всех, оказывается, жилось беднейшей, полупищенской части деревенского населения. Это он объясняет тем, что повсюду был большой спрос на наемную силу, беднякам при желании было легко захватить пустующую землю, которой было везде много. Но эти сельские жители якобы устремлялись в другие места, что заставляло богатых крестьян и феодалов с целью удержания их обильно кормить мясной пищей и даже забавлять «музыкой и танцами». Когда Абелю встречается сообщение хрониста о том, что архиепископ Альбрехт III Магдебургский за 3 года разорил и пустил по ветру не менее 3000 крестьян, он выражает ему недоверие, так как это противоречит его представлениям о роли народонаселенческой катастрофы.

О влиянии Реформации и Крестьянской войны на положение крестьян Абель совершенно умалчивает. В XVI — начале XVII в., подчеркивает Абель, идет процесс рекультикации «потерянных земель», поднятия целины, интенсификации земледелия. Он сопровождается социальной дифференциацией крестьянства — появляются новые коттеры, огородники, хэуслеры, «штюмплеры» и др. В Остэльбии крестьян сгоняли с земли и отказывались давать им документы о свободном уходе, т. е. их

просто прикрепляли к помещику⁹. Много верного видит Абель в деятельности и положении крестьян после Тридцатилетней войны. Однако и относительно этого времени он считает, что крупные хозяйства дворян были носителями всего нового. Агрономическая литература, по Абелю, подтверждает, что помещичье хозяйство играло решающую роль в сельском хозяйстве.

Абель совершенно отрицает наличие эксплуатации крестьян. Даже само слово «эксплуатация» ни разу не встречается в его работах. Отрицательно он относится и к классовой борьбе крестьян. Он о ней совершенно не упоминает. Оригинальность труда Абеля заключается в том, что в нем впервые исключительно полно дана история сельского хозяйства и вместе с нею показана хозяйственная жизнь крестьянина.

Другой западногерманский историк Ф. Лютге, исследуя аграрную конституцию, проявляет большую гибкость в оценке многочисленных исследований в этой области и пересмотре собственных воззрений. Лютге дает глубокий анализ законодательства о крестьянстве, что позволяет довольно рельефно видеть крестьянина в системе аграрного строя.

Лютге выдвигает свое определение сеньории, подчеркивая, что она является «господством над людьми, живущими на земле, над которой верховные права принадлежат сеньору»¹⁰. Он полностью отрицает ее происхождение от древних германцев. Крестьяне, живущие в пределах сеньории, по его мнению, не обязательно были экономически связаны с барским двором, они могли только сдавать туда свои оброки. Высоко оценивает он роль деревенской общины до XVI в. включительно, подчеркивая ее самостоятельность в решении отдельных вопросов. По его мнению, в XVI—XVII вв. ведется наступление на деревенскую общину со стороны князей. Постепенно полицейские распоряжки князей заменяют вейстюмы, в составлении и хранении которых участвовали крестьяне. Община становится административно-судебной инстанцией княжества. После XVI в. князья, как говорит Лютге, одни устанавливают аграрные законы.

В то же время Лютге считает всякий прогресс в развитии аграрных отношений проявлением инициативы

⁹ См.: Abel W. Op. cit., S. 110—116, 118, 119, 128, 131, 132, 133—136, 140—173.

¹⁰ Lütge F. Op. cit., S. 45. (В своей основе это определение напоминает подход Г. Белова и Г. Зелингера.)

светских и духовных феодалов. Благодаря им устанавливаются повсюду лучшие порядки. Он совершенно ничего не говорит о борьбе общин против сеньориального гнета и реакции. Для периода до XVI в. Лютге преувеличивает представление о количестве свободных крестьянских хозяйств с земельной собственностью, независимой от феодалов. Значительное внимание он уделяет влиянию реорганизации сеньории в XIII—XV вв. на положение крестьян. Лютге подчеркивает, что полностью были коммутированы плужная барщина и всякие продуктовые поборы с крестьян (за вступление в брак, посмертный побор и т. д.), денежные оброки были фиксированы и владельческие права крестьян на гуфу закреплены. Повсюду к XV в. побеждают наследственные права крестьян. Признавая дробление крестьянских наделов, Лютге вопреки действительному положению считает, что оно шло на пользу крестьянам, так как мелкие наделы теперь могли быть использованы для посевов специальных культур. В отличие от ряда буржуазных историков Лютге не отрицает феодальную реакцию в конце XV — начале XVI в. и указывает, что она приводила к ухудшению положения крестьян. Но тут же он предупреждает, что нельзя преувеличивать эти явления и нельзя считать, что превращение свободных в крепостных, наблюдаемое на юге Германии, ухудшило их положение, наоборот, только крепостное состояние обеспечивало южногерманского крестьянина работой¹¹.

По вопросам крепостных отношений в Остэльбии Лютге излагает давно устоявшиеся в буржуазной историографии позиции, считая фольварочную систему весьма прогрессивным явлением. В целом Лютге подчеркивает прогрессивную роль крестьянства в истории Германии, его творческое участие в экономической и юридической жизни страны. Классовый антагонизм и классовую борьбу он, однако, также полностью отрицает.

Франц в своей книге, посвященной специально истории крестьянства, впервые в буржуазной немецкой историографии пытался обобщить все то, что до него было известно об этом классе. Но при отсутствии единой и прочной концепции он не сумел дать правильную картину истории крестьянства Германии. Крестьянство он рассматривает не классом, а сословием, которое, по его мнению, оформилось в XII в. вслед за рыцарским, ду-

¹¹ См.: Lütge F. Op. cit., S. 45, 52, 84, 86, 92.

ховным и бюргерским сословиями¹². Не имея точного представления о крестьянстве как социальном явлении, он тут же заявляет, что «настоящее крестьянство существует с каменного века». Иногда Франц говорит о крестьянстве как «профессиональном сословии». Однако это название встречается и у других историков, которые так называют только крестьян, наделенных гуфной землей. Малоземельных тружеников земли Франц исключает из понятия крестьянства. По мнению Франца, крестьяне никогда не беднели, они от века к веку становились все более зажиточными, и им в XVII в. жилось значительно лучше, чем во все предыдущие времена. Ему совершенно непонятна социально-экономическая связь между различными категориями крестьян. Беднейшее крестьянство, по его мнению, выросло с конца XV в. в результате быстрого роста народонаселения. Франц во всех своих статистических данных отделяет «крестьян» от «огородников», «хэуслеров» и других малоземельных жителей деревни. Исключение составляет только таблица о социальной дифференциации крестьянства в Северо-Западной Германии ок. 1800 г., взятая из книги Ф.-В. Хеннинга¹³, но сам Франц не понял ее, так как по ее поводу заявляет: «А количество крестьянских дворов оставалось неизменным. Крестьянство заметно превратилось в сельское меньшинство»¹⁴. В подходе к крестьянству как узкой деревенской прослойке Франц делает шаг назад по сравнению с Абелем и Лютге, которые относят сельскую бедноту к низшему слою крестьянства.

В книге Франца рассказывается о большом количестве крестьянских волнений и восстаний. Однако совершенно напрасно мы стали бы искать в ней объяснения причин и последствий их. По поводу термина «классовая борьба» в книге встречаются только иронические замечания. Сельская община, по мнению Франца, возникла из дворовой общины, которая была творением вотчинников. Общину-марку изобрели Ю. Мёзер и Г. Л. Маурер. Совершенно запутал Франц вопрос о взаимоотношении феодалов с крестьянами. Он считает их партнерами. Свободные крестьянские общины, существовавшие в Рейнгауе, Дитмарше, между Везером и Эль-

¹² См.: Franz G. Op. cit., S. 13, 220, 223, 224 etc.

¹³ См.: Henning F.-W. Die Verschuldung westfälischer Bauernhöfe in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Hannover, 1964.

¹⁴ Franz G. Op. cit., S. 215.

бой, а также в Швейцарии, Тироле, Каринтии и Фризландии, Франц объявляет «крестьянскими государствами».

В главе, посвященной Крестьянской войне, Франц, который считается крупнейшим специалистом по ней, делит все крестьянские движения на два типа, из которых первый характеризуется борьбой за «старое право», а второй — за «божественное право». Движение за «старое право» объявляется им реакционным, ибо «оно шло против попытки установления современного государства». Следовательно, никакого представления о формальной стороне лозунгов и действительном содержании движения крестьян у него нет. Вся борьба крестьян рассматривается им как политическое явление, направленное на создание единой империи с единым «божественным правом». Именно оно, по его мнению, содержало «созидательно» начало, оно было направлено на создание идеальных правовых отношений.

О Мюнцере Франц утверждает, что этот «светский проповедник» выработал собственное «духовное учение», по которому «он чувствовал себя избранником и пророком, сильным словом». Мюнцер, по его утверждению, был обманщиком, пожелавшим «быть для несведущего народа новым Иоанном». Также и все остальные крестьянские вожди действовали из одного честолюбия и ради обмана. По Францу, «носителем восстания была не сельская беднота, а почтенные крестьяне, прежде всего шульцы, владельцы гостиничных дворов и кузницы». Тогда сельская верхушка, как он утверждает, добивалась равновесия между своим хозяйственным положением и политическими правами. Рассматривая Крестьянскую войну исключительно как политическое явление, Франц мало говорит о социально-экономическом содержании крестьянских требований.

Франц категорически отрицает возможность ухудшения положения крестьян в результате поражения Крестьянской войны. Он ставит под сомнение сообщение Себастьяна Франка, Гейнриха Мюллера и других современников о бедственном положении крестьян. Франц утверждает, что о бедственном положении крестьян не может быть и речи, так как все штрафы и контрибуции за участие в Крестьянской войне были своевременно уплачены князьям, а через 5 лет после поражения крестьянам жилось настолько хорошо, что имперским полицейским распоряжением им запрещается одсваться в «дорогостоя-

щую одежду», которая для них стала обычной. Правовое положение крестьян, по его мнению, тоже не ухудшилось. «Крестьянская война, — говорит он, — была предупредительным знаменем, которое удерживало господ от того, чтобы возложить произвольные тяготы на крестьян».

Франц совершенно не характеризует социально-экономическое положение крестьян в период между Крестьянской войной и Тридцатилетней войной, хотя и заявляет, что крестьянам жилось не хуже прежнего. Влиянию Тридцатилетней войны на положение крестьян Франц посвящает отдельную главу, но подчеркивает, что она меньше воздействовала на них, чем эпидемии, посетившие крестьян в это голодное и бедственное время. Для него эпидемии в ходе войны чисто природные явления, не зависящие от хода самой войны. Пустующие вследствие войны хозяйства оставались долгое время в запустении не из-за того, что крестьянство убегало в другие места, а только потому, что население катастрофически сократилось по чисто природным причинам. Тридцатилетняя война без всяких оговорок объявляется движущей силой крестьянских восстаний¹⁵. Желая быть объективным, Франц рассказывает о большом количестве крестьянских выступлений в XVII—XVIII вв. Однако в отличие от историков ГДР, на которых он ссылагается, Франц совершенно не интересуется причинами крестьянских волнений.

Франц считает, что главные сдвиги в крестьянстве за период с XIII по XVIII в. заключаются в постепенном исчезновении крестьянства, в поглощении его городом. И это он заявляет при совершенном отсутствии у него анализа процесса социальной дифференциации крестьянства. По мнению Франца, вся борьба крестьян на протяжении всей эпохи феодализма и до реформ в начале XIX в. была излишня. Если бы крестьяне проявляли больше терпения, то и реформы были бы проведены раньше.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что в обобщающих трудах Абеля, Лютге и Франца содержится большой фактический материал, характеризующий историю крестьянства в эпоху позднего феодализма многогранно, в этом достоинство их книг. В то же вре-

¹⁵ См.: Franz G. Op. cit., S. 21, 50, 80, 132—134, 141, 143, 145—146, 179.

не оправдалась надежда этих историков на то, что их методология, основанная на неомальтузианстве, привлечет историков других европейских стран и что в ФРГ ее безоговорочно примет молодое поколение. Не успели воззрения Абеля, Лютге и Франца прочно внедриться в буржуазную историческую науку ФРГ, как часть молодых историков начала критический пересмотр отдельных сторон их теории. Отдельные положения их исследований были подвергнуты резкой критике со стороны молодых историков ФРГ в связи с празднованием 450-летия Крестьянской войны. Это относится прежде всего к вопросам, связанным с Крестьянской войной. Х. Бусцелло, Г.-У. Вслер, Р. Вольфейль, Х. Вундер, Р. Постель, И. С. Стальнакер, Р. Эндрес и П. Бликле¹⁶, который среди них занимает ведущее положение, не отрицают, что их попытка нового осмысления истории крестьянства до и во время Крестьянской войны вызвана успехами в этой области марксистской историографии¹⁷. В своих статьях и книгах они подвергают резкой критике взгляды Франца о чисто политическом содержании Крестьянской войны, о бесперспективности крестьянской борьбы против феодалов. В отличие от Франца и его школы они требуют выявления социально-политических причинно-следственных связей, реалистического подхода к историческим явлениям, чтобы на этой основе более действенно выступать против воззрений марксистской историографии. И. С. Стальнакер выразился относительно позиции Франца и его школы так: «Школа Франца показывает... мятежников, у которых есть идеи, но нет материальных потребностей, у них полные головы, но совершенно нет желудка»¹⁸. А. Р. Эндрес подчеркивает, что Крестьянскую войну «следует рассматривать в контексте глубоких изменений экономических, социальных, политиче-

¹⁶ См.: Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526, hg. v. H.—U. Wehler.—In: Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft, Sonderheft I. Göttingen, 1975. Der Bauernkrieg 1524—1526. Bauernkrieg und Reformation, hg. v. R. Wohlfeil.—In: Nymphenburger Texte zur Wissenschaft. München, 1975, Bd. 21: Revolte und Revolution in Europa. Referate und Protokolle des Internationalen Symposiums zur Erinnerung an den Bauernkrieg 1525 (Memmingen, 24—28. März 1975), hg. v. P. Blicke.—Historische Zeitschrift, Beiheft 4 (Neue Folge). München, 1975.

¹⁷ См.: Reformation oder frühbürgerliche Revolution, hg. v. R. Wohlfeil-Nymphenburger Texte zur Wissenschaft, Bd. 5, S. 24.

¹⁸ Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526, hg. v. H.—U. Wehler.—Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. Sonderheft I, S. 46, 19.

ских, религиозно-церковных и общественных условий, которые не так уж без основания дали всему отрезку времени название «большой перемены» или «раннебуржуазной революции»¹⁹. В книге «Революция 1525 г.» П. Бликле внимательно рассматривает хозяйственные жалобы крестьян. «12 статей» швабских крестьян он оценивает как «жалобы, реформационную программу и политический манифест в одно и то же время»²⁰. По заявлению Бликле, «12 статей» отражают кризис феодального общества и политического порядка, они имеют революционное значение, так как в них содержатся статьи, направленные против крепостной зависимости, десятины и требующие выборов священника, они полностью отрицают феодальное законодательство тем, что ставят над всем правом евангелие. Бликле внимательно исследовал вопрос о наступлении феодальной реакции и приходит к выводу, что крепостная зависимость распространялась на все большее количество крестьян. Она была не только более жесткой формой зависимости, но и инструментом, «при помощи которого господа в большей мере, чем прежде, присваивали себе доходы сельского хозяйства»²¹. Придя к такому выводу, Бликле считает своим научным долгом отметить, что «убедительная интерпретация» этого вопроса М. М. Смириным соответствует действительности больше, чем «неряшливые суждения Лютге»²². Бликле, говоря о причинах Крестьянской войны, подчеркивает, что в результате наступления феодальных господ на крестьян начался период длительного ухудшения положения крестьян. Экономические затруднения повлияли на социальное положение, они вызывали широко идущую дифференциацию и процесс деклассирования крестьянства. «Социальные противоречия и усиливавшаяся зависимость от феодальных господ...» создали «кризисную и наполненную конфликтами ситуацию в такой форме, в какой она не наблюдалась ни в одном из прошедших столетий»²³. Крестьянскую войну оценивает Бликле как попытку «простого человека» преодолеть «кризис феодализма». При всех положительных сторонах концепции Бликле о крестьянах и Крестьянской войне необходимо подчеркнуть, что

¹⁹ Ibid., S. 90.

²⁰ Blickle P. Die Revolution 1525, S. 21.

²¹ Blickle P. Op. cit., S. 48.

²² Ibid., S. 39, 151.

²³ Ibid., S. 87.

его понятие «революция простого человека» не совпадает с марксистским воззрением на буржуазную или раннебуржуазную революцию, которая должна привести к смене одной формации другой. Для Бликле революция является понятием абстрактным, без классового и исторического содержания.

Критика молодых, как видим, не выходит за рамки буржуазных взглядов. И все же признание ухудшения социально-экономического положения крестьян в качестве решающей причины Крестьянской войны, объявление последней революцией, требование глубокого и всестороннего анализа социально-экономических условий деревни и ряд других признаний довольно определенно свидетельствует о том, что, не отказываясь от присущего буржуазной историографии плюрализма, часть историков ФРГ считает необходимым внимательнее изучать марксистскую историографию, реагировать на все те проблемы, которые рассматриваются ею.

Среди буржуазных историков, занимающихся историей крестьянства, нельзя не отметить Ф.-В. Хеннинга, которому принадлежит локальное исследование по завершающему этапу позднего феодализма в Вестфалии, и В. А. Бельке, занимающегося крестьянством на раннем этапе проникновения капитализма в деревню²⁴. Хеннинг, привлекая исключительно большой статистический материал, наглядно показывает, как крестьянство во второй половине XVIII в. обросло долгами, тянувшими его на социальное дно. Дифференциация крестьянства происходила так, что образовались две социальные группировки, из которых одна была способна эксплуатировать другую. Главное в его исследованиях заключается в показе процесса вырастания из зажиточных крестьян предпринимателей, которые успешно ведут свое хозяйство на началах расширенного воспроизводства.

Таким образом, буржуазная историография крестьянства позднего средневековья неравномерно по времени и этапам освещает историю крестьян. Более обстоятельно освещаются события, связанные с историей крестьянства в XV — начале XVI вв., и роль крестьянства в период оформления капитализма в сельском хозяй-

²⁴ См.: Henning F.-W. Op. cit.; Boelcke W. A. Bäuerlicher Wohlstand in Württemberg Ende des XVI Jhs.—Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 176, II. 3, 1964; Boelcke W. A. Zur Entwicklung des bäuerlichen Kreditwesens in Württemberg vom späten Mittelalter bis Anfang des 17. Jhs.—Ibidem.

стве в XVIII в. Большие этапы, особенно XVI—XVII вв., освещаются значительно слабее. Объясняется это тем, что от этого времени сохранилось значительно меньше документов, а также тем, что после Крестьянской войны крестьянство долгое время не выступало на общественной арене как большая социально-экономическая сила.

Буржуазные историки-аграрники за послевоенное время переживают уже второй этап развития своей историографии. Если на первом (50—60-е гг.) они пытались опираться на неомальтузианскую методологию, чтобы отстоять свои взгляды от влияния марксизма, то с середины 70-х годов под влиянием успехов марксистской исторической науки вынуждены пересматривать те положения, которые были разработаны их непосредственными предшественниками и учителями. Они вынуждены заниматься социально-экономическими вопросами, искать причинно-следственные связи в экономике и социальных отношениях, признавать революционный характер Реформации и Крестьянской войны, уделять внимание истории «простого народа», куда они включают и крестьянство. Если буржуазная историография прежде игнорировала вопросы классовой борьбы, то в последнее время она вынуждена заняться ими. Хотя взгляды буржуазных историков и противостоят марксистским, они признают, что успехи в этих вопросах марксистских историков заставили их заниматься классовой борьбой. Для марксистских историков крестьянин в классовой борьбе и в развитии производительных сил всегда были центральными вопросами исследования.

Марксистская историография СССР и ГДР о крестьянах позднего феодализма. С марксистских позиций история крестьянства Германии в эпоху позднего феодализма исследуется историками СССР и ГДР. Для марксистских историков крестьянство в это время объединяет сельских жителей, связанных непосредственно с аграрным производством. Крестьянство антагонистически относится к классу феодалов, с которым ведет непрерывную борьбу. В крестьянстве происходит все более глубокая имущественная и социальная дифференциация. Богатая крестьянская верхушка, обуржуазиваясь, все более интенсивно эксплуатирует малоземельных и безземельных крестьян. В целом, однако, все крестьянство ведет активную борьбу с феодальным строем. Марксистские историки интересуются всеми сторонами экономической, социальной, политической и культурной жизни

крестьян. Они рассматривают классовую борьбу как решающий фактор общественного развития. В советской историографии история крестьянства Германии в эпоху позднего феодализма наиболее полно отображена в специальном труде по истории западноевропейского крестьянства С. Д. Сказкина²⁵. Не исследуя новых источников, Сказкин критически пересматривает материалы о немецком крестьянстве, собранные буржуазными учеными, и использует результаты других советских исследователей. В работе С. Д. Сказкина дается характеристика крестьянского хозяйства, вотчины и второго закрепощения крестьянства. История крестьянства Юго-Западной Германии исследована в ряде работ М. М. Смирин²⁶, который опирается на широкую источниковедческую базу. Смирин внес главный вклад в изучение сущности феодальной реакции и бедственного положения крестьян накануне Крестьянской войны. Он раскрыл историческую роль крестьянства в ходе раннебуржуазной революции и показал ряд аспектов жизни крестьян в течение всего позднего средневековья. Социально-экономические проблемы истории крестьянства на территории к западу от Эльбы в XIV—XVI вв. и остэльбских крестьян в XVII—XVIII вв. рассматриваются автором настоящей работы²⁷. А. Н. Чистозвонов в своих трудах об анабаптизме в широком плане показывает и анализирует классовую борьбу немецких крестьян в эпоху позднего феодализма²⁸.

Историки ГДР до последнего времени изучали историю крестьянства только той территории, которая является составной частью их государства, области к западу от Эльбы они почти не изучали, хотя и высказывались по поводу работ западногерманских и вообще буржуазных историков. В фундаментальном коллективном труде «Иллюстрированная история раннебуржуазной револю-

²⁵ См.: Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

²⁶ См.: Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

²⁷ См.: Майер В. Е. Деревня и город Германии в XIV—XVI вв. Л., 1979; его же. «Прусский путь» развития капитализма в Заэльбской Германии: историография проблемы (ГДР, 50—60-е годы). — В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1979.

²⁸ См.: Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1979.

ции в Германии»²⁹ рассматривается в общих чертах положение крестьянства Германии накануне Крестьянской войны, при этом подчеркивается его тяжелое положение, сложившееся в результате феодальной реакции (А. Лаубе). Крестьянское хозяйство, разнообразные категории крестьян, их социально-экономическая дифференциация получили весьма незначительное освещение в этом разделе книги. Крестьянство в период Реформации и Крестьянской войны освещает во второй части труда М. Штейнмец, который подробно и последовательно рассматривает весь ход классовой борьбы за 8—10 лет ее обострения. Г. Фоглер обстоятельно характеризует последствия поражения Крестьянской войны для крестьян. В отличие от буржуазных историков он показывает бедственное положение крестьян. В книге охарактеризована также роль крестьянства в последующее время. Особо следует подчеркнуть, что в этом коллективном труде впервые в немецкой историографии показан крестьянин в качестве основной творческой силы на протяжении всей эпохи позднего феодализма.

В центре внимания историков ГДР — вопросы классовой борьбы крестьянства. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что большое место они отводят публикации источников, по которым можно судить о роли крестьянских движений с XIV по XVIII в. Однако больше всего документов относится к периоду раннебуржуазной революции. Так, А. Лаубе издал памфлеты Крестьянской войны, В. Ленк — документы этого же времени и диалоги с 1520 по 1525 г.³⁰ К этим и другим сборникам издатели написали весьма обстоятельные вводные статьи и комментарии к самим документам. Это дает возможность более глубоко вникать в историю немецкого крестьянства до и во время самых крупных классовых боев в период позднего феодализма. В публикации документов по Крестьянской войне М. Кобуха и Э. Мюллера содержится немало уже ранее опубликованных документов, которые к тому же не комментируются³¹. За послед-

²⁹ См.: *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution*. A. Laube, M. Steinmentz, G. Vogler. B., 1974.

³⁰ См.: *Flugschriften der Bauernkriegszeit*, hg. unter Leitung von A. Laube. B., 1975; *Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg*, hg. von W. Lenk. B., 1980; *Lenk W. Die Reformation im zeitgenössischen Dialog. 12 Texte aus den Jahren 1520 bis 1525*. B., 1968.

³¹ *Kobuch M., Müller E. Der deutsche Bauernkrieg in Dokumenten*. Weimar, 1975.

нее десятилетие опубликовано несколько трудов и много статей З. Гойером. В них обстоятельно охарактеризованы ранее малоисследованные крестьянские движения — так называемое движение армледеров и восстание Г. Бегайма. Кроме того, этому историку принадлежит замечательный труд, посвященный военным действиям крестьян, и статья о роли крестьян в ходе раннебуржуазной революции³². Гойер первый обстоятельно исследовал историю крестьянского ополчения, его роль в защите местных интересов, организационные начала крестьянского ополчения, его вооружение и тактику. Все это дало ему возможность полнее, чем кому-либо до него, показать организацию крестьянских отрядов в ходе Крестьянской войны, выделить те новые качественные стороны, которые характеризовали крестьянскую армию как начало новой военной организации народных масс. Гойеру впервые удалось на основе анализа всех крупных сражений в ходе Крестьянской войны показать, на что было способно крестьянство, какие были у него трудности и слабые стороны. Он подтверждает их героизм и отвагу большим количеством данных об успешных наступательных и оборонительных операциях. Гойер дает меткую и объективно верную оценку причинам военного поражения крестьян. В статьях Х. Кёдиц содержится интересный материал об участии крестьян в анабаптистском движении после Крестьянской войны³³. Классовую борьбу крестьян от Крестьянской до Тридцатилетней войны исследовала Х. Шульц, а участие крестьян в народных движениях княжеской Саксонии показали П. Штульц и А. Опиц³⁴.

Историки ГДР успешно исследуют развитие сельского хозяйства и роль крестьянства в XVIII в., когда Германия шла по пути к реформам. До появления специальных исследований Э. Лаугелюддеке, И. Штрейзанд и Ю. Кучинский считали, что сельское хозяйство

³² Hoyer S. Das Militärwesen im deutschen Bauernkrieg B., 1975; Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg im Zyklus der bürgerlichen Revolution.—Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. Leipzig. Gesellschafts- u. sprachwissenschaftliche Reihe, 1974, N 6.

³³ См.: Кёдиц Х. К истории народного движения в Мюльхаузене (Тюрингия) в 1525—1575 гг. — СВ, вып. 21 и 22.

³⁴ См.: Schultz H. Bauerliche Klassenkämpfe zwischen frühbürgerlicher Revolution und Dreißigjährigem Kriege.—ZfG, 1972, N 2; Stulz P., Opitz A. Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der Französischen Revolution. B., 1956.

Остэльбии в XVIII в. переживало стагнацию. Буржуазные историки конца XIX — начала XX в. Х.-Э. Лангеталь, Кржимовский и Т. Гольц, допуская прогрессивное развитие перед реформами, полностью приписывали его юнкерам. И только в 60—70-х годах историки ГДР на основе документов показали истинное положение в сельском хозяйстве. Г.-Г. Мюллер доказал для Бранденбурга, что там на протяжении XVIII в. крестьяне фактически владели от 50 до 73% полезной площади, хотя юридически земля принадлежала феодалам. Именно крестьяне проявляли инициативу в освоении новых площадей, введении новых высокоурожайных культур, применении новой техники и научных достижений. Судя по Мюллеру, в Германии был возможен не только «прусский путь» развития, при котором владельцы рыцарских фольварков становились эксплуататорами капиталистического типа, но и «американский», который приводит к радикальным социально-экономическим сдвигам внутри крестьянства и теснейшим образом связан с революционным развитием всего общественно-экономического и политического строя. Развитию капитализма по революционному, «американскому» пути мешала политика реакционного прусского государства. Мюллер убедительно показал, что крестьянство «содействовало подготовке капиталистического способа производства»³⁵.

Шагом вперед в изучении социально-экономической роли крестьянства на протяжении с XIV до XIX в. является книга Г. Гарниша³⁶, в которой рассматривается история одного поместья в Бранденбурге. Полученные автором данные постоянно сопоставляются с данными из других областей и всего Бранденбурга, что дает возможность шире представить себе общий процесс развития в этой части Германии. Как и Мюллер, Гарниш показывает, что феодалы не были теми легендарными «организаторами прогресса», какими их изображают буржуазные историки. Конкретно в исследованном Гарнишем поместье Бойценбург помещики не принимали никакого участия в сельскохозяйственном производстве. Земля

³⁵ Müller H.-H. Märkische Landwirtschaft vor den Agrarreformen von 1807. Veröffentlichungen des Bezirksheimatsmuseums. Potsdam, 1967, H. 13, S. 166.

³⁶ См.: Harnisch H. Die Herrschaft Boizenburg: Untersuchungen zur Entwicklung der sozialökonomischen Struktur ländlicher Gebiete in der Mark Brandenburg vom 14. bis zum 17. Jahrhundert. Weimar, 1968.

здесь была сосредоточена почти полностью у крестьян, и именно они по своей инициативе совершенствовали сельскохозяйственное производство. Гарниш последовательно прослеживает, как на протяжении веков крестьяне дифференцируются и из их среды возникают grossbauэры и сельские батраки. Расслоение сельского крестьянского населения на две эти социальные группы рассматривается им в качестве решающего признака развития капитализма в сельском хозяйстве. В книге подчеркивается, что урожаи в крестьянских хозяйствах были везде выше, чем в фольварках. В то же время уже в XVIII в. grossbauэры сближаются по материальному положению с владельцами фольварков.

Данные Мюллера и Гарниша в значительной мере подтверждаются фактами, собранными и проанализированными Р. Гроссем по Саксонии³⁷. Историки ГДР уделяют особо пристальное внимание изучению классовой борьбы в XVIII в. Они на основе фактов показывают обострение классовой борьбы крестьян против феодального гнета. Крестьянство самоотверженно боролось за самые скорые и полные преобразования. Объективно это была борьба за «американский путь» развития, т. е. за полнейшее очищение сельского хозяйства от феодализма, в первую очередь от феодальной земельной собственности. Эта борьба крестьян не задерживала сроки проведения реформы, как утверждает Франц, а ускоряла их приближение.

ГЛАВА II. ПРОИЗВОДСТВО И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ГЕРМАНИИ (КОНЕЦ XV — НАЧАЛО XVIII В.)

К концу второго этапа средних веков сельское хозяйство Германии развивалось неравномерно. Все более рельефно вырисовывались две линии его развития. К западу от Эльбы серьезные успехи достигались крестьянскими держательскими и арендаторскими хозяйствами. Крупные барские и домниальные хозяйства были почти полностью ликвидированы, рыцарство не очень настойчиво создавало свое хозяйство. Иное наблюдалось к востоку от Эльбы — в Остэльбии. Здесь крестьянские хозяйства, отличавшиеся со времени колонизации своими

³⁷ См.: Groß R. Die bürgerliche Agrarreform in Sachsen in der ersten Hälfte des 17. Jhs. Weimar, 1968.

большими размерами, переживали застой из-за отсутствия достаточного количества тягловой и рабочей силы и денежных средств, необходимых для улучшения сельскохозяйственного производства. Рыцари, наделенные за воинскую службу и выполнение административных функций землей, начали создавать свои собственные хозяйства, притесняя крестьян и постепенно присваивая себе княжеские регальные права на землю. Экономическим стимулом наступления рыцарей на крестьян и княжеские привилегии служила все более успешно развивавшаяся внешняя торговля. Серьезные различия имелись и в развитии борьбы крестьян против притязаний феодалов. На западе и юге Германии крестьянская борьба шла вглубь и вширь, создавались заговорщические организации со своими антифеодальными программами, нередко происходили открытые выступления крестьян, в то время как в Остэльбии преобладали низшие формы антифеодальной борьбы крестьян. Все это заставляет нас рассматривать каждый из двух регионов отдельно.

§ 1. Сельское хозяйство и аграрные отношения к западу от Эльбы в конце XV в.

С XII—XIII вв. в Германии происходила реорганизация вотчинного строя, главные тенденции которой характеризовались ликвидацией барской запашки и связанной с нею плужной барщины, с одной стороны, и укреплением держательских и арендаторских крестьянских хозяйств — с другой. В результате этого процесса повсеместно крестьянские хозяйства стали играть значительно большую роль в экономическом развитии и особенно в товарном производстве, чем господские, барские хозяйства. Вотчина, хотя и не потеряла свои экономические функции, видоизменяла и ограничивала их. Сократив собственное производство, она увеличивала свои доходы за счет изменения условий держаний и аренды, коммутации отработочной ренты, введения новых видов отработок и т. п. В каждой области для этого складывались свои особые условия, которые привели к возникновению различных типов вотчин.

Северо-западная вотчина к концу XV в. характеризовалась полным отсутствием барской запашки. Повсюду преобладали мейерские и коттерские хозяйства крестьян. И те и другие регулировали свои отношения с вотчинником арендным договором. Земля чаще всего была леном

вотчинника, иногда и аллодом. Как и повсюду, феодальная земельная монополия здесь не была нарушена. Мейерские хозяйства были значительно крупнее, чем коттерские. Предполагают, что мейерское хозяйство имело здесь 3—4 гуфы земли, считая гуфу по 10 га, в то время как коттерские хозяйства насчитывали всего лишь 2—4 моргена пашни, т. е. около 0,1 га. Малоземельные коттеры были вынуждены за определенную плату натурой и деньгами трудиться у мейеров. Рассчитываясь с феодалами на договорных началах, которые действовали продолжительное время, мейеры были в состоянии использовать рыночные связи для укрепления своих экономических позиций. Серьезной преградой на этом пути становились новые притязания господ: со второй половины XV в. усиливается нажим на мейеров со стороны княжеской власти. Ставшие в результате реорганизации вотчины лично свободными от своих непосредственных феодалов, владельцев вотчин, мейеры подвергаются все большему притеснению со стороны территориального князя.

В Юго-Западной Германии (Вюртемберге), Алемании, Франконии, Эльзасе и южной части Гессена не наблюдалось такой полной реорганизации вотчины. Крестьянские держательские хозяйства здесь оставались в почти неизменном виде. Барские земли, отдаленные от центральной усадьбы, отдавались по частям в аренду мейерам. Вместо одного барского хозяйства возникало несколько мейерских хозяйств. По размерам эти хозяйства были равны самым крупным соседним держательским хозяйствам либо были больше их. Центральные усадьбы вотчины сдавались в аренду мейерам вместе с правом сбора ренты, поступавшей в это хозяйство с зависимых от вотчинника крестьян. Таким образом, здесь так же, как на северо-западе, не сохраняется барщинное хозяйство. В исторической науке за вотчиной типа двух рассмотренных районов закрепилось название «чистая».

Другое дело в Юго-Восточной Германии (Баварии). Здесь укоренилась «окаменевшая» вотчина, которая характеризуется наличием барского хозяйства, правда, в несколько урезанной форме, и барщинного труда на пашне. Одновременно здесь увеличилась продуктовая и денежная рента, а также плата при переходе надела из рук в руки.

В области Рейнланд—Пфальц наблюдалась иная картина. Светские вотчины сдавали только часть своей

барской земли в аренду, коммунтируя полностью плужную барщину. Остававшиеся в составе собственного вотчинного хозяйства земли обрабатываются при помощи наемного труда. Крестьяне обязываются внести выкуп за личную свободу. Не изменяя размеров держательских хозяйств, их переводят на аренду. В церковных вотчинах производится полная коммутация барщинных работ, крестьяне выкупаются. В оставшихся церковных хозяйствах применяют наемный труд.

В Тюрингии, Саксонии и некоторых районах к северу и западу от них доменальное хозяйство сохраняется и содержится за счет наемного труда. Полевая барщина коммунтировалась и выкупалась. Обычно тюринго-саксонская форма вотчины называется «смешанной». В целом для Германии к западу от Эльбы оставалась характерной большая пестрота форм вотчины. Повсюду вместе с преобладающей формой вотчины встречались и другие. Следует помнить, что ни одна из них не облегчала положения крестьян, напротив, преследовала одну цель — максимальное присвоение прибавочного труда крестьянина.

К концу XV в. сложились и разные формы крестьянского землевладения. Мейеры и гессенские арендаторы земли — ландзидель — оформляли свое право на землю договором с вотчинником. При смене владельцев оформлялся новый договор либо возобновлялся старый. Хотя официально существовал обычай не увеличивать обязательства арендатора, фактически договорные условия ухудшались при частой смене арендаторов.

В Саксонии вотчинник, взимая с крестьянских держаний определенную ренту, редко изменял ее при передаче надела из рук в руки и не брал особой платы при смене владельцев. Эта форма крестьянских держаний считается лучшей. Часть историков даже считает, что здесь существовало крестьянское «право собственности» (*Eigentumsrecht*) на землю. В Прирейнской Германии, Баварии и Франконии крестьяне владели землей по наследственному цензовому праву (*Erbzinsrecht*), т. е. из поколения в поколение платили с определенного участка земли ренту по составу и размерам одинаковую. Однако это не мешало вотчиннику дробить наделы и в связи с этим устанавливать новые размеры ренты для каждой составной части надела с тем, чтобы увеличить сумму ее, а также он мог увеличивать плату за наследование. Часть крестьян в этих районах владела так назы-

ваемыми наследственными ленами (Erbleben). В целом в конце XV в. наблюдалась тенденция вотчинников к изменению условий держаний. Поскольку в обстановке постоянного усиления крестьянского сопротивления было невозможно повсеместно перейти к коренному ухудшению условий крестьянских держаний, вотчинники, как правило, не изменяли размеры постоянно взимаемой ренты. Зато они все чаще превращали наследственные держания в пожизненные (Leibgeding) и даже в срочные (Ereistift). Это давало им при более частой смене владельцев возможность чаще взимать плату за смену владельцев. В Юго-Западной и Юго-Восточной Германии срочные держания к концу XV в. стали преобладающей формой, что получило широкое отражение в крестьянских жалобах на произвол вотчинников.

Несмотря на феодальную земельную монополию, в конце XV в. встречались крестьяне, которые считались собственниками своей земли. Наиболее характерно это было для горных районов, где имелись однодворные поселения, и там, где крестьяне на договорных началах осваивали новь. Для территории к западу от Эльбы имело значение то, что князья запрещали крестьянам продавать свои владельческие права на землю дворянам, церкви и горожанам. Почти повсеместно существовавшее предпочтительное право купли земли давало в первую очередь возможность соседям купить владельческие права. Если же никто из соседей не пожелал приобрести надел или часть его, земля уходила феодальному господину-вотчиннику согласно «праву на возврат» (Heimfall). На северо-западе Германии и по Среднему Рейну крестьянские наделы были крупнее, так как они при наследовании не дробились. На юге страны, наоборот, земли разбивались между наследниками, что увеличивало количество мелких наделов.

Если в XIV в. крестьяне Германии во многих местах пользовались личной свободой или большими личными льготами, то в конце XV в. повсюду появляются различные новые формы зависимости, в первую очередь так называемое территориальное подданство. При нем крестьянин обязывался платить поземельный налог и выполнять разные военно-гужевые и иные барщинные повинности в пользу князя. Притеснения личной свободы вызвали сильнейший протест со стороны крестьян, которые рассматривали любое нарушение своей свободы как закрепощение. В документах крестьяне постоянно под-

черкивают, что феодалыне господа превращают их в крепостных. В Юго-Восточной Германии в конце XV в. большая часть крестьян находилась в крепостном состоянии. Здесь крестьян покупали и продавали вместе с землей.

Как и всюду, материальным проявлением феодальной земельной собственности являлась рента. Размеры ренты невозможно привести к какому-то количественному знаменателю, так как исторически составные части ренты сложились разными путями. В одних случаях учитывались первоначально размеры и качество земельных участков, в других — личный статус владельца участка. Поэтому для конца XV в. и более позднего времени нельзя точно определить, какая рента бралась в среднем с земельного надела определенных размеров. Можно констатировать, что каждый вид платы крестьянина феодалам является составной частью ренты, так как в любом случае основанием для взимания платы служило то обстоятельство, что крестьянин пользовался землей, которая принадлежала феодалу.

В структуре феодальной ренты первое место занимали денежный ценз и продуктовый оброк. Рента вносилась различным представителям господствующего класса: вотчинник взимал ренту с надела, ему же или кому-нибудь другому вносилась десятина, фогту платили за право судиться, территориальный князь собирал налог, феодальному суду платили штрафы, церкви — пожертвования, повсюду в конце XV в. требовались взносы за пользование общинными угодьями, местами существовала или вводилась плата личному господину, устанавливались новые виды отработочной ренты (на мельнице, винодавильне, по извозу и т. п.), если выкуп отработочной ренты не был сразу внесен, крестьяне вынуждались платить ежегодную плату за барщину — «плужные деньги».

Споры из-за общинных угодий, размеров и качества пашни, ренты и личной свободы занимают главное место во взаимоотношениях крестьян и феодалов.

Экономическое и социальное положение крестьян все больше определялось не только степенью феодальной эксплуатации, но и связью крестьянских хозяйств с рынком. Усилилось воздействие на них конкуренции, которая была результатом отношений обособленных производителей, работающих на рынок, общий для них. Размеры хозяйств, их производительность и направленность стали играть более заметную роль, чем прежде.

В таких условиях выгодным преимуществом отличались арендаторские хозяйства, сложившиеся на помещичьих землях. Как правило, часть из них начала специализироваться на производстве какого-нибудь одного продукта, отправляемого на рынок. В одних местах это могли быть зерновые, в других — скотоводческие продукты, в третьих — виноград или фрукты. В целом в земледелии к западу от Эльбы в конце XV в. шел процесс отделения от хлебопашества новых отраслей — овцеводства, виноградарства, садоводства, огородничества и выращивания технических (торговых) культур. Изменилась структура скотоводства. На первое место выдвинулось овцеводство, которое еще за полтора-два века до этого не было отдельной отраслью сельскохозяйственного производства. Теперь решающую роль в овцеводстве играли крупные фермы, в среднем насчитывавшие 300 голов овец; имелись фермы и в 500 и более голов овец. Они были неразрывно связаны с рынком. В крестьянских хозяйствах снизилась роль свиноводства, основанного на пастьбе свиней в лесу, так как во многих местах феодалы ограничивали либо вовсе запрещали этот вид откорма свиней. Зато начала возрастать роль стойлового содержания крупного рогатого скота и лошадей. К концу XV в. усиливается стремление к улучшению пород скота и налаживанию луговодства и пастбищного хозяйства.

Вокруг городов, расположенных вдоль Рейна, к концу XV в. существовали зеленые зоны садов, огородов и виноградников. Агротехника возделывания винограда достигла высокого уровня. Успехи наблюдаются в виноделии, бондарном производстве, строительстве складов и погребов, транспортировке и торговле вином.

Лен, который раньше выращивался в малых масштабах на приусадебных хозяйствах, теперь возделывался на полях. На его производстве специализируются отдельные хозяйства и целые районы. В северных районах Германии широко распространилось хмелеводство. В Тюрингии успешно специализировались крестьянские хозяйства на производстве вайды, которая целиком поставлялась на рынок.

Заметные изменения происходили и в зерновом хозяйстве. В конце XV в. уже имел распространение легкий плуг с лемехом и ножом из железа. В отличие от рала, сохи и тяжелого плуга он отбрасывал землю в одну сторону, что избавило крестьянина от дополнительной

работы, связанной с поперечной пахотой, и содействовало улучшению структуры почвы. Повсюду поле до посева перепаживали 3 раза. Солому собирали с полей и использовали как корм скоту.

Возрос интерес к агрономической литературе. Наибольшим спросом пользовалась работа К. Мегенберга «Книга природы», написанная в середине XIV в. на немецком языке. После изобретения книгопечатания она издавалась с 1475 по 1499 г. семь раз. Книга Мегенберга практически не содержит сведений о зерновом хозяйстве. Она целиком посвящена достижениям и советам в области огородничества, садоводства и виноградарства. До 1494 г. в Германии одиннадцать раз была издана известная книга болонского сенатора Пьетро Крешенцы «О выгодах сельского хозяйства». В ней также на первом месте стоят вопросы огородничества, садоводства и виноградарства. Этим же вопросам посвящены книга «О достоинствах трав» (1483), «Книга о фруктах, деревьях и травах» (1498), «Книжечка путешествий Иоганна Буцбаха» (начало XVI в.) и многочисленные агрономические советы, печатавшиеся в календарях.

Изменения в хозяйственной жизни — выдвижение на первый план овцеводства, специализация и интенсификация в зерновом хозяйстве, количественный рост и улучшение производства огородных, садовых и виноградных продуктов, успехи производства вайды и т. п. — повлекли за собой и определенные передвижения населения. Увеличивалось население городов, виноградных и садово-огородных мест, промысловых и промышленных местечек. И уменьшилось население в районах бурного развития овцеводства, так как рядом с фермами разорялись крестьянские хозяйства, а их владельцы вытеснялись. Рост населения в конце XV в. признают все историки, однако, данных, касающихся всей Германии, по этому вопросу нет. Полные и разнообразные данные о численности населения имеются только по Саксонии, где этому вопросу посвятил свое исследование К. Блашке. По его данным, с 1300 до 1500 г. население Саксонии выросло на 157 722 (28%) человека и составило 552 911 человек, из общего числа городское население составляло 167 679 (30,4%) человек, а в деревне проживало 385 232 человека (69,6%)¹.

¹ Подробнее см.: Майер В. Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV—XV вв. в освещении буржуазных историков ФРГ. — В сб.: Средние века. М., 1964, вып. 26, с. 122.

К западу от Эльбы при наличии больших успехов в развитии сельскохозяйственного производства и аграрных отношений в конце XV в. все более ощутимой преградой дальнейшего успешного развития выступала феодальная реакция — наступление непосредственных феодальных господ и князей.

§ 2. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Остэльбии в конце XV в.

Земли на восток от Эльбы — Бранденбург, Мекленбург, Пруссия и Померания в процессе завоевания их немецкими феодалами были конфискованы у местного славянского населения и полностью стали собственностью феодалов, которые выступали инициаторами создания новых форм хозяйств. К 1300—1350 гг., когда закончилась колонизация, в Остэльбии установились вотчинные отношения, внешне мало отличавшиеся от их западного прототипа. На территориях вотчин имелись разные хозяйства. Прежде всего князья имели свои барские хозяйства (домениальные хозяйства), обрабатывавшиеся преимущественно челядью. В последующие века этот вид хозяйства не получил здесь развития. Это объясняется тем, что князья пользовались источниками богатств, которые делали излишними большие собственные хозяйства. Почти во всех частях Остэльбии имелись хозяйственные дворы ленных рыцарей, церковные хозяйства — грангии, свободные от феодальных повинностей дворы деревенских старост, или локаторов, крестьянские надельные хозяйства и участки огородников. В Померании и части Мекленбурга, как и в Силезии, славянская феодальная знать сохраняла в своих руках аллоды в 100—150 га земли, обрабатываемой зависимыми крестьянами, сидевшими на небольших наделах.

Размеры хозяйств колонистов намного превосходили западно-эльбские. В руках рыцарей, предки которых пришли с запада, имелись в Брандербурге в среднем 18,5 гуф², в Мекленбурге — 4—8 гуф, в Пруссии — от 10

² Остэльбская немецкая гуфа содержала от 24 до 46 га, фламандская (распространенная среди выходцев из нидерландских провинций и славян) — от 16 до 24 га. На западе от Эльбы гуфа равнялась в среднем 10 га земли.

до 40 гуф. Крупнее были и крестьянские наделы: в Пруссии они равнялись 2—4 гуфам (от 48 до 92 га), в других местах крестьяне также держали не менее 1 гуфы, т. е. не менее 24 га. Огородникам (так назывались малоземельные) повсюду давалось от 2 до 4 моргена земли.

Непосредственно в руках крестьян в конце XV в. оставалось значительно больше земли, чем у рыцарей и крупных феодалов. При этом, однако, нельзя забывать, что крестьяне были только держателями феодальной земли. Количество зерна, собранного вотчинниками с оброчных крестьян, повсюду во много раз было больше валового сбора зерна в доменальном хозяйстве. В то время как немецкие крестьяне-колонисты первоначально были лично свободны и к земле не прикреплялись, местное, по преимуществу славянское население, независимо от размеров земли, прикреплялось к земле и феодалу. Кое-где, очевидно, создавались деревни из одних огородников, которые вместе с челядью трудились в доменных хозяйствах. Часть огородников принуждалась трудиться на земле господина в страдное время. С конца XV в. немецкие крестьяне обязывались один день в неделю вместе с инвентарем и тягловой силой трудиться на барщине.

Колонисты повсеместно распространили передовой для того времени трехпольный севооборот. Однако обширность пахотных полей, отсутствие свободной для найма рабочей силы, малое количество тягловой силы, прекращение потока переселенцев с запада, отсутствие стимула со стороны городов, которых было немного со времени окончания колонизации, являлись причинами экстенсивного характера сельского хозяйства. Удобрялась меньшая часть полей, пар почти нигде не поднимался, земли истощались. Урожай шли на убыль. С ржаных посевов получали сам-3, сам-4, в то время как на западе — не менее, чем сам-6, сам-8, т. е. в два раза больше.

Труд был мало дифференцирован. Наемные работники использовались преимущественно в домашнем хозяйстве вотчинников. Обычно это были сыновья и дочери зависимых крестьян. С ними рассчитывались преимущественно натурой.

В медленно развивавшейся хлебной торговле участвовали почти одни вотчинники, продававшие часть собранной с крестьян продуктовой ренты.

С XV в. усиливалась тенденция создания рыцарских хозяйств-фольварков. Этот процесс стимулировался растущим спросом на хлеб на внешнем рынке.

Процесс создания фольварков с самого начала шел таким образом. Рыцарь, владевший со времени колонизации наследственно рыцарским наделом (в 8—10 и более гуф, т. е. от 190 до 460 га) и раздававший раньше часть своей земли крестьянским держателям, которые трудились как барщинники на земле, составлявшей личное хозяйство рыцаря, теперь расширяет свое личное хозяйство за счет земли крестьянских держателей, заставляя их за оставшуюся в их руках землю дополнительно трудиться на своей земле. Наиболее успешно ему удавалось это делать в том случае, когда в его руках находилась не только земля (рыцарский надел), но и судебные права над крестьянами. С этой целью рыцари нередко становились старостами деревни, что давало им судебную власть над всем крестьянством и тем самым возможность вести наступление на крестьянство в более широких масштабах, официально, не нарушая законы.

Таким образом, в Остэльбии рыцарям удалось в конце XV в. найти ключ к созданию фольварков, т. е. хозяйств крупных по размерам, рассчитанных на рыночную продукцию и опирающихся на барщинный труд своих держателей и судебно зависимых крестьян. Таковы были исходные данные для второго издания крепостного строя в Остэльбии. В ходе колонизации здесь полностью были нарушены общинные традиции, которые на западе были исключительно развиты и решающим образом влияли на сплочение крестьян в борьбе с феодальной реакцией. В Остэльбии главной фигурой в деревне был староста — шульц. Со времени колонизации он стал здесь потомственным. Ему принадлежала практически неограниченная власть над крестьянами своей деревни. В каждой деревне имелся старостинский надел. Во многих местах старосте при заселении давалась каждая 4-я гуфа земли. В процессе создания фольварков нередко рыцари начинали с присвоения хозяйства старосты. Обман и насилие с самого начала сопровождали путь второго издания крепостничества. Однако до поражения Крестьянской войны в Германии нельзя было определить, каким путем пойдет развитие деревни к востоку от Эльбы.

§ 3. Сельское хозяйство и аграрные отношения к западу от Эльбы в XVI в. и до начала Тридцатилетней войны

30—40-х годов XVI в. в развитии сельского хозяйства к западу от Эльбы наблюдаются те же тенденции укрепления позиций крестьянских держательских и арендаторских хозяйств. В результате того, что Крестьянская война нанесла невиданный удар по мелкому и среднему дворянству, здесь не было того сильного социального слоя, который в Остэльбии именно с XVI в. вел успешное наступление на крестьян и их земли. Немного раньше середины XVI в. условия для развития сельского хозяйства и аграрных отношений к западу от Эльбы ухудшились. Это было связано с формированием новых рыночных отношений и лежавшего в их основе общественного разделения труда. Торговый путь постепенно передвигался на побережье Атлантического океана и ближайшие к нему порты. Страны, расположенные вдоль нового торгового пути, увеличивали свое участие в за-океанской торговле. Сильно возрастало количество городского населения, что содействовало росту спроса на сельскохозяйственные продукты, в первую очередь на хлеб. Остэльбия стала одним из поставщиков хлеба на формировавшиеся общеевропейский и мировой рынки. Германия к западу от Эльбы не могла конкурировать с дешевым восточногерманским хлебом на международном рынке. Однако она и не уступила Остэльбии внутренний хлебный рынок к западу от Эльбы. В то время как товарный хлеб из Остэльбии отправлялся на мировой рынок, в Германии к западу от Эльбы он отправлялся к ближнему, внутреннему потребителю.

Говоря о сдвигах в сельском хозяйстве к западу от Эльбы, следует в первую очередь отметить, что в первой половине XVI в. успешно развивалось крупное арендаторское овцеводство. В начале века этот процесс поощрялся князьями, в руках которых имелись регалии, т. е. единственные права на развитие овцеводства и использование пастбищ. Однако опасаясь, что дешевый восточный хлеб может завоевать внутренний рынок, князья начинают противодействовать созданию новых овцеводческих ферм и расширению старых. Такую решительную политику против роста овцеводства начали князья Вюртемберга уже в 40-х годах XVI в. Затем за ними следовали и остальные князья. Только в окрестностях Осна-

брюка, где и без того бюргерам принадлежало до 50 тыс. овец, количество овцеводческих хозяйств продолжало расти до начала XVIII в.

Существенно изменяются формы овцеводства: на юге прокладывает себе путь отгонное овцеводство, на севере — стойловое, связанное с большими капиталовложениями. Этим и объясняется проникновение в овцеводство Северной Германии большого числа бюргерских предпринимателей. Благодаря улучшению пород овец, улучшению их содержания удалось увеличить настриг шерсти с овец. На севере ежегодно со ста овец получали во второй половине XVI в. 150—180 кг шерсти, на юге — 211—230 кг.

Повсюду распространяется стойловое содержание крупного рогатого скота, лошадей и свиней. Появляются новые, более продуктивные породы скота: из Фландрии и Англии импортировались породистые бараны, с севера — фризские быки. Мелкая «лесная» корова постепенно вытесняется крупной «стойловой», молочной коровой, путем селекции выводят породу «белоснежных» свиней.

Особое значение приобретают поливные пастбища в низовьях ряда северных рек, на которых откармливается молодняк, пригнанный из Юго-Восточной Европы и с Ютландского полуострова.

Интенсивно развивается луговодство (снимали 2 урожая сена), травосеяние, выращивание корнеплодов, сбор и хранение сена и соломы, торговля и транспортировка кормов. В Гольштинии оформляется выгонное хозяйство (вся земля одного хозяйства делится на 11 частей; вокруг каждой из которых сажаются живые изгороди, 4—5 частей из них использовались ежегодно под посевы ржи, остальные — в качестве пастбищ).

Происходит перерайонирование скотоводства: на юге растет поголовье овец и значительно сокращается поголовье крупного рогатого скота, на севере, наоборот, увеличивается количество крупного рогатого скота и сокращается поголовье овец.

К началу XVI в. площади, засаженные виноградом, достигали невиданных в истории Германии размеров. Этому, очевидно, содействовали благоприятные климатические условия. Быстрому и широкому продвижению виноградарства на север Германии способствовали также изменения в сельском хозяйстве и аграрных отношениях. Вытесняемый из сельского хозяйства слой малоземельных и безземельных крестьян находил себе приме-

ние там, где развивалось виноградарство, садоводство и огородничество. Северная граница распространения винограда доходила до окрестностей Мюнстера, Магдебурга и Берлина. Но с 30—40-х годов XVI в. в связи с ростом спроса на более качественные вина и дешевое пиво, а также возросшей потребностью в местном хлебе сокращаются виноградные плантации на севере, в Тюрингии, Саксонии и Франконии вдоль Майна. На юге, однако, площади под виноградники расширяются и в дальнейшем. С 1550 до 1620 г. в районе Штутгарта заново было освоено под виноградники свыше 1000 моргенов земли. Искусство выращивания винограда в Юго-Западной Германии находилось на самом высоком уровне: почва удобрялась каждые 5—6 лет, ежегодно выполнялись до 12 видов работ (в XV в. — до 10, в XIV в. — 7—8). Широко применялся труд наемных работников, женщин и подростков. Работы распределялись на круглый год.

Города коллективными усилиями осваивали болотистые, засушливые, овражистые земли под огороды и сады. Славилась своими зелеными зонами огородов, садов, виноградников города Тюрингии и Саксонии, Гессена и Рейнланда, Баварии и Вюртемберга. Округи ряда городов специализировались на производстве рыночных сельскохозяйственных продуктов: округа Веймара — лука, Нюрнберга — чеснока, Кельна — лекарственных трав, в окрестностях Регенсбурга выращивалась шелковица.

На возделывании и предварительной обработке льна специализировались крестьяне Саксонии, Вестфалии, Пфальца. Льноткачество, которое раньше было неразрывно связано с крестьянским хозяйством, выращивавшем лен, теперь отделяется от производства льна и окончательно становится занятием сельских ремесленников.

В северных районах Германии, а также Тюрингии и Саксонии широкое распространение получает хмелеводство. В это время Тюрингия экспортировала хмель, сушеный и упакованный в мешки.

Большая часть крестьянских хозяйств вокруг пяти городов Тюрингии (Эрфурт, Гота, Лангензальца, Теннштедт и Ариштедт) специализировались на производстве самой трудоемкой культуры — вайды. Для некоторых деревень она стала в XVI в. монокультурой. Вайда производилась также в других местах Тюрингии и в других княжествах, но в меньших масштабах. Технология выращивания и обработки вайды была для средних веков доволь-

но сложна. Вайде отводилась лучшая по качеству земля, которая тщательно удобрялась и обрабатывалась. Сеяли вайду осенью или весной, три-четыре раза ее пололи и почти столько же раз снимали урожай листьев. На вайдовых плантациях трудились сезонные рабочие из близлежащих деревень и городов, а также приходившие большими группами из Силезии и Франконии. Вайда сильно истощала почву, поэтому, очевидно, поля после снятия с них урожая забрасывались на некоторое время. Это было возможно при наличии в одном хозяйстве большого количества земли. В вайдовых хозяйствах существовало разделение труда между теми, кто обрабатывал почву под посевы, и теми, кто ухаживал за вайдовыми плантациями. До 70-х годов XVI в. продолжался расцвет производства и торговли вайдой. Но потом рыночный спрос на краску из вайды сокращается в связи с тем, что возрастал ввоз в Европу дешевой краски из индиго. С 1579 г. (когда только в 49 деревнях Эрфурта насчитывалось 4344 акра вайдовых плантаций) постоянно сокращается площадь вайдовых посевов. В 1615 г. вокруг Эрфурта сохранился всего 1731 акр вайды. С конца XVI в. и особенно в первой половине XVII в. князья издают многочисленные распоряжения о необходимости развития производства вайды, в которых говорится о достоинствах краски из нее и об отрицательных качествах индиго. Однако все это не в состоянии приостановить общий спад вайдового производства. Окончательный удар был ему нанесен в ходе Тридцатилетней войны, когда преднамеренно разрушались хозяйства, занимавшиеся производством вайды. К 1629 г. в деревнях Эрфурта, где эта культура дольше всего держалась, оставалось всего 645 акров вайды.

К концу XVI в. завершается процесс районирования сельскохозяйственных культур. Полба, преобладавшая раньше в Швабии, Гессене, Рейнланд-Пфальце, постепенно вытесняется твердой пшеницей. В других местах пшеница теснит посевы овса. Юго-Западная Германия (Вюртемберг) становится зоной зернового хозяйства и виноградарства. Известную роль в развитии зернового хозяйства играло законодательство: со второй половины XVI в. князья Юго-Западной Германии, обеспокоенные проникновением иностранного хлеба на рынок, издают законы, поощряющие расширение посевных площадей под зерновые. В связи с этим также запрещается использовать пашню с целью расширения пастбищ для

овес и площадей под виноград, сады, огороды и хмельники. Для посевов ржи осваиваются низменные земли вдоль побережья Нижней Саксонии (в одной восточной части было взято под плуг до 44 000 га), лесистые, горные и болотистые места других районов. Нередко пастбища возвращаются под пашню. Значительно улучшается агротехника возделывания зерновых: устанавливаются нормы внесения навоза в почву (10—12 двухколесных тачек на morgen), в севооборот включается травосеяние, пар засеивается травами, свеклой и чаще всего бобовыми. Урожай ржи в Вюртемберге достигали высокого уровня и колебались в пределах от 7,5 до 13—12 центнеров с гектара. Успешно распространялась гречиха, которая впервые появилась в конце XIV в. в районе Зигена, где она затем получила самое широкое распространение. В конце XVI в. появляется картофель, который в XVII в. завоевал значительные просторы Вестфалии. Таким образом, к началу XVII в. и затем до XIX в. к западу от Эльбы (на севере) наблюдается преобладание ржи. Хотя еще большие площади отводятся под овес, они сокращаются в результате наступления разных зерновых культур, а также картофеля и гречихи. В этом регионе и южнее, где имеются заливные луга и пастбища, развивается скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота. На сухих пастбищах Нижней Саксонии и Вестфалии расширяется овцеводство, которое занимает также значительное место в Саксонии и Вюртемберге. На юге Германии усиливаются позиции пшеницы. Несмотря на сильное сокращение площадей под полбу, она полностью не вытесняется. По всей Германии были распространены также посевы ячменя.

Поскольку к западу от Эльбы повсюду преобладали небольшие крестьянские хозяйства (на юге от 0,25 до 2 гуф, на севере — 4 гуфы), каждое хозяйство, специализировавшееся на производстве какого-нибудь главного продукта (зерновых, скота, винограда, вайды и т. д.), было вынуждено также производить все другие сельскохозяйственные продукты, в которых оно само нуждалось. Для такого хозяйства один какой-нибудь продукт (зерно, мясо, шерсть, виноград, вайда, фрукты и т. д.) становился товаром, который отправлялся на рынок. Все остальные сельскохозяйственные продукты, производившиеся только для собственного потребления, оставались в самом хозяйстве. Поэтому в сельском хозяйстве сочетались 2 формы производства — товарная и натуральная. В изу-

чаемое время товарность крестьянских хозяйств постоянно росла, а натуральное производство сокращалось, но не исчезало.

В течение XVI в. к западу от Эльбы оформляются типы хозяйств, которые затем остаются характерными на протяжении ряда веков. Определенное место занимали рыцарские хозяйства (фольварки) в Восточном Лüneбурге и Падерборне, а собственные хозяйства сеньоров встречались везде, кроме северо-западной части Германии. Рыцарские хозяйства, как и на востоке, использовали барщинный труд лично зависимых крестьян и труд крестьянских детей, по закону обязанных паниматься к господину. Собственные хозяйства сеньоров существенно отличались от подобных хозяйств в Остэльбии и рыцарских фольварков тем, что барщинный труд использовался меньше. В Швабии, Бадене и других районах юга, где барщинный труд применялся шире, сеньоры почти всегда оплачивали часть труда барщинников либо кормили всех выходивших на барщину. Крупные сеньориальные хозяйства, как правило, сдавались в аренду. Нередко арендаторами были горожане. Эксплуатация наемного труда, производство части продуктов на рынок, большие капиталовложения со стороны арендатора — все это увеличивало возможность развития таких хозяйств по капиталистическому пути. Однако полному превращению такого хозяйства в капиталистическое мешали различные феодальные предписания, которыми регламентировалось, сколько продуктов данное хозяйство обязано было поставлять на стол земельного собственника, какой и какого качества инвентарь должен быть в таком хозяйстве, как следует содержать жилье и хозяйственные сооружения и т. п. Арендатору не хватало свободы, особенно в его отношениях с рынком, чтобы стать капиталистическим предпринимателем в собственном смысле слова. Если хозяйство велось управляющими, то и последние пользовались наемной рабочей силой, при этом они нередко добивались значительных успехов: управляющий герцога Брауншвейгского, используя только наемную рабочую силу, получил за 17 лет (1584—1600) 40 000 гульденов чистой прибыли. Подобные результаты достигались и в некоторых других хозяйствах.

Во второй половине XVI в. часть прогрессивных хозяйств под влиянием рыночной конъюнктуры и других причин переживает определенный застой. При этом они

либо теряют свои новые качества и превращаются в обыкновенные феодальные хозяйства, либо, сохраняя прогрессивные черты, составляют исключение из общего хода развития. Это особенно характерно для различных форм мейерских хозяйств.

В Северо-Западной Германии мейеры и коттеры в течение XVI в. теряют свою прежнюю свободу. Они становятся наследственными держателями сеньориальной земли и наследственными подданными князей. Мейерские и коттерские хозяйства попадают под строгий контроль сеньора-вотчинника и княжеской администрации, что сужает возможности разорения мелких хозяйств и возрастания наемной рабочей силы. Мейеры обязывались в пользу князя выполнять барщину (обычно военно-гужевую и строительную), платить налоги и нести чрезвычайные военные расходы. В XVII в. мейерские держания приобретают публично-правовой характер, платежи и повинности мейеров становятся неизменными. На юге Нижней Саксонии мейеры платили сеньору крупный земельный чинш — $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$ урожая; на севере он был значительно меньше, зато крестьяне обязывались здесь трудиться на барщине от 1 до 3 дней в неделю. Если мейер по каким-либо причинам плохо хозяйничал или в течение 2—3 лет не вносил чинша, его в судебном порядке лишали земли. При уходе с надела по собственному желанию мейер обязывался найти себе достойную замену, т. е. нового зажиточного держателя, чаще всего такими становились сыновья других мейеров. Положение мейерских хозяйств, установившееся к концу XVI — началу XVII в., остается характерным и в последующие столетия.

В Вюртемберге, Саксонии, Гессене, Рейнланд-Пфальце и некоторых других местах мейерские хозяйства сложились только на доменальных землях, поэтому они существовали здесь рядом с держательскими хозяйствами. На юге Германии в XVI в. и последующие века мейерские хозяйства, рассматриваемые при расчетах как единые, фактически дробятся на субаренды. При общем размере арендаторских хозяйств в 40—50 га на них располагается один ответственный арендатор и множество субарендаторов, иногда до 16 человек. Субарендаторам сдавались участки в 1,5—5 га на различных условиях. На этих участках они строили землянку, занимались огородничеством и хлебопашеством. Субарендаторы были вынуждены подрабатывать сезонными работами или заниматься каким-нибудь ремеслом.

Судя по наиболее исследованным условиям аренды в аббатстве Эбербах (Рейнгау), около 1600 г. арендаторы-испольщики платили $\frac{1}{3}$ урожая за арендованную землю, обязывались иметь инвентарь и определенное количество скота, содержать в исправности жилье и хозяйственные помещения, заборы, изгороди, рыть канавы и выполнять барщину 24 дня в году на своей телеге и четырех лошадях вместе с двумя своими работниками.

Несмотря на различные преграды на пути капиталистического развития, еще до Тридцатилетней войны к западу от Эльбы встречаются довольно крупные мейерские хозяйства с расширенным воспроизводством. В отдельных из них насчитывалось 100—150 га арендованной и собственной земли, а арендаторы успешно занимались хлебопашеством, овцеводством, выращиванием крупного рогатого скота на продажу, практиковали различные промыслы — мельничный, винодельческий, пивоваренный, извозный и др. Эксплуатируя в значительной мере наемный труд, они поставляли на рынок зерно, мясо, молочные продукты, сырье и т. д. По своему характеру это были капиталистические хозяйства с расширенным воспроизводством. В Вюртемберге с 1525 до 1607 г. имущество богатых крестьян-арендаторов увеличилось в среднем в десять раз и достигло средней стоимости 5000 гульденов.

Во второй половине XVI в. успешно развивались и крупные овцеводческие хозяйства мейеров в Тюрингии. Разными путями они смогли перейти от испольной арендной платы к денежной, и все расходы по хозяйству ложились на них самих: оборудование, инвентарь, поголовье овец, расчеты с наемными работниками — все находилось теперь в их руках и велось за их счет. Это придавало им хозяйственную независимость по отношению к вотчинникам, освобождало их от контроля и опеки. Возрастала заинтересованность арендаторов в хозяйстве, особенно в земле. Прежние размеры овцеводческих хозяйств, не превышавшие 300—350 голов, оказались для таких целей слишком малыми — создаются хозяйства с 2000 и более голов. В Тюрингии, однако, мейерами выступали не зажиточные крестьяне, а горожане, ибо только им было под силу вести дела на широкой основе. Они становятся настоящими капиталистическими предпринимателями в сельском хозяйстве, которые ведут от своего имени наступление на общинные угодья и пашни крестьян. Во многих местах противоречия между ними и крестья-

янами отодвигают противоречия между крестьянами и феодалами на второй план. Крестьяне нередко обращаются к феодалам за помощью против притеснений со стороны арендаторов-овцеводов.

До 50 000 овец принадлежало в арендных хозяйствах бюргерам Оснабрюка в конце XVI в. Большое количество овцеводческих ферм принадлежало и бюргерам Кельна. Вопрос об овцеводстве и торговле шерстью в XVI—XVII вв. не сходил с повестки дня заседаний городских советов, не только защищавших интересы своих бюргеров-овцеводов перед феодалами и крестьянами, но и выступавших в качестве крупных собственников земли, сдаваемой в аренду бюргерам-овцеводам.

В отличие от арендаторов для держателей общим было то, что они обязывались по традиции вносить в срок денежный чинш и продуктовый оброк, выполнять в зависимости от размеров хозяйства и от состава держания барщину (ручную или с упряжкой), строго соблюдать процедуру «возвращения» (феодалу) и «вручения» (держателю) земельного держания, платить десятину, многочисленные поборы и т. п. Все держатели платили налоги, в то время как арендаторы доменiallyной земли в основном были от них свободны. Вотчинники превращали большинство держаний в срочные и пожизненные, что давало им право по истечении срока взимать соответствующие поборы. Однако, как правило, крестьянская семья, державшая землю, при соблюдении всех требований вотчинника удерживала в своих руках хозяйство из поколения в поколение. С крестьян-держателей строго взимались баналитеты. Состав ренты был сложный и точных ее размеров выяснить почти невозможно, так как отдельные компоненты в каждом хозяйстве возникали в разное время и при различных обстоятельствах. Единых норм ренты не наблюдалось даже в пределах одной сеньории.

Широко распространилась межкрестьянская аренда, зажиточные крестьяне арендовали землю у своих мало-земельных односельчан. Кроме того, во многих деревнях существовали так называемые священнические дворы, в которые входило до 30 моргенов земли (ок. 10 га), они сдавались по частям или целиком в аренду зажиточным крестьянам. Благодаря таким новым возможностям, наблюдается рост хозяйств зажиточных крестьян в Баварии, частично в долине Неккара, Саксонии и других районах. Здесь появляются хозяйства с 20—40 га земли,

что сближает их с мейерскими хозяйствами Нижней Саксонии и Вестфалии, которые в среднем насчитывали 40—45 га. Крупные крестьянские хозяйства создавались и на прежних церковных землях Гессена, секуляризованных в ходе реформационного движения. Однако за исключением Нижней Саксонии и Вестфалии к западу, от Эльбы крупные крестьянские хозяйства встречались редко. Основную массу составляли мелкие и карликовые держательские хозяйства в несколько гектаров земли.

Еще до Тридцатилетней войны шел процесс разорения мелких крестьянских хозяйств. Повсюду имелись пахотные земли и усадьбы, оставленные мелкими держателями. Соседи использовали эти земли под пастбища и пашню. Но даже если покинутые участки занимались соседями, они числились за ушедшими до ста лет. Хотя редко кто возвращался в течение такого срока на покинутый участок, статус его не менялся. Это объясняется, очевидно, нежеланием изменить крестьянский статус участка.

С 20-х годов XVI в. и до Тридцатилетней войны наблюдалась благоприятная рыночная конъюнктура — цены на продукты зернового и животноводческого хозяйства почти непрерывно росли. Только в 1541—1550 гг. и в некоторых частях Германии в 1581—1590 гг. наблюдалось замедление и приостановление роста цен. За 120 лет до Тридцатилетней войны цены на зерно выросли в 3,5 раза. Одновременно, хотя и не настолько, росли цены на бобовые, овощи, хмель, лен, сено и солому. До середины XVI в. цены на крупный рогатый скот были ниже, чем в конце XV в., но к началу Тридцатилетней войны они поднялись в 5,5 раз по сравнению с началом XVI в. Значительно вырастали также цены на овечью шерсть, хотя в Германии на протяжении всего этого периода они оставались на 30% ниже, чем в Англии. Эта «революция цен» содействовала дифференциации в деревне и увеличению возможностей эксплуатации малоземельных и безземельных.

На протяжении всего XVI в. усиливается процесс дифференциации крестьян. В деревне оформляются две противоположные группы: небольшое число зажиточных крестьян и большое количество малоземельных и безземельных, которые вынуждены заниматься ремеслом, наниматься на постоянную и сезонную работу к своим богатым односельчанам.

Если к западу от Эльбы на протяжении веков размеры крестьянских хозяйств не превышали одной гуфы, то в XVI в. появились почти в каждой деревне одно или несколько крестьянских хозяйств в 2, 3, 4 и 7 гуф, т. е. в 20, 30, 40 и 70 га. Пахотный ареал деревни, так называемая гуфная земля, теперь находился в руках меньшего числа крестьян, чем раньше. Среди землевладельцев встречалось сейчас немалое количество таких, которые владели 0,5, 0,6, 0,8 гуф и меньше. Это были преимущественно соарендаторы и субарендаторы. Одновременно увеличилось количество деревенских жителей, не имевших вообще гуфной земли. К ним относились «огородники», «зельднеры», «хэуслеры», «хаусгеноссен» и т. п. Часть из них владела небольшими участками пахотной земли за пределами гуфного ареала. Обычно это были индивидуально освоенные участки. У некоторых имелись небольшие огороды. Однако большинство вообще не имело земли. Так, в 1547 г. в 253 деревнях Мейссенского округа насчитывалось безземельных 6019 человек, что на 3547 человек превышало количество глав семейств, державших пахотные земли в гуфном ареале. В деревнях Саксонии во второй половине XVI в. на 34,8% крестьян, владевших землей, приходилось 65,2% безземельных жителей, из которых нанимались в качестве прислуги около 36%, остальные состояли из хаусгеноссен — приживалов (25%) и прочих (35%). В XVI в. сильно увеличилось количество сельских ремесленников. Во второй половине XVI в. в 189 деревнях Саксонии числилось 668 ткачей, в среднем 3,5 в каждой деревне, а в отдельных деревнях имелось до 20.

Сильно возрастало количество нищих, бродяг и работников. Об этом свидетельствуют многочисленные законы, изданные против них князьями, городами и императором. В законах подчеркивалось, что эти люди занимаются грабежами, кражами, убийствами, поджогами, составляют заговорщические группы и т. п. На заседании саксонского ландтага в 1543 г. отмечалось: «Ныне каждый готов попрошайничать, а не трудиться». В законодательстве Вюртемберга с 1531 г. различают бедных, которым следует помогать (для этого, в частности, создавались хлебные амбары), и нищих, к которым необходимо принимать жесткие меры.

В княжеском законе 1536 г. говорится о ворах, опустошающих поля, «уравнителях», оправдывающих воровство на том основании, что господь бог создал всех рав-

ными, и, наконец, о «злых и подлых» людях, которые убивают, грабят и поджигают. Особую тревогу вызывала возможность организации заговоров бродягами. Вопрос о нищих и бродягах остается в законах второй половины XVI в. наиболее тревожным³.

В XVI—начале XVII в. крестьянство к западу от Эльбы сохранило некоторые формы сословной самостоятельности. Это относится прежде всего к праву самостоятельного крестьянского ополчения. Сразу после поражения Крестьянской войны во многих местах князья запрещали крестьянам носить оружие. Но в критических ситуациях они сами созывали крестьянские ополчения, как это делалось и до Крестьянской войны. В 1542 г. герцог Мориц Саксонский поставил под ружье 6000 крестьян, в 1545 г. половину княжеских армий Гессена и Саксонии составляли крестьяне. В 1572 г. крестьяне были призваны под боевые знамена эльзасских сословий. До конца XVI в. сохранились крестьянские ополчения в Пфальце, Юлихе, Падерборне, Оснабрюке и всей Нижней Саксонии. С 1594 г. созывались крестьянские ополчения в Баварии. В первые годы Тридцатилетней войны продолжали по традиции созывать крестьянские ополчения. Однако здесь выявилось нежелание крестьян бороться за совершенно чуждые им интересы, и кроме того, крестьянское ополчение оказалось плохо вооруженным и почти необученным. Все это привело к тому, что после ряда поражений уже в начальный период Тридцатилетней войны князья совершенно отказались от крестьянских ополчений.

В XVI—XVII вв. в ряде территориальных княжеств крестьяне имели право созывать свои сословные представительства. Хотя этот вопрос еще достаточно не исследован, необходимо отметить, что в ходе революционного подъема конца XV—начала XVI в. и во время Крестьянской войны появились сословные представительства крестьян, которые назывались по-разному — ландшафтен, ландштанден, ландтаген и ландштандшафтен.

В Швабии, например, сословное представительство крестьян оформилось около 1500 г. и просуществовало до 1810—1820 гг. В других местах оно уже в конце XVII в. перестало функционировать. Главную причину его исчезновения видят в том, что сословное представи-

³ См.: Reyscher. 1841, Bd. 12, S. 19 etc.

тельство стало слишком дорогостоящим для крестьян. Дальнейшее исследование этого феномена, бесспорно, позволит выявить и другие причины.

Ландштанден были наиболее распространены в тех областях Германии, где еще до Крестьянской войны имелись значительные общинные традиции и где в конце XV — начале XVI в. происходили наиболее острые конфликты между общинниками и феодальными собственниками земли. Во время Крестьянской войны ландштанден между Фрейбургом и Базелем составляли свое ополчение, которому они придавали стройную военную организацию. В Вюртемберге сословное представительство крестьян приобрело такую силу, что князь был вынужден считаться с ним и после поражения Крестьянской войны. Обычно князь испрашивал у ландштанден согласие на взимание налогов. Около 1600 г. крестьянское сословие Вюртемберга согласилось оплатить долги князя, получив взамен этого право на вмешательство в хозяйственную деятельность князя. В Вюртемберге и Швабии ландштанден принимали активное участие в выработке княжеской конституции.

Для Швабии типичным было сословное представительство во владениях монастыря Кемптена. Впервые оно дало о себе знать в 1491 г., когда вступило в активную борьбу со Швабским союзом дворян. Уже через год феодальные власти объявили его мятежным и разогнали, однако в ходе Крестьянской войны оно вновь начало функционировать. Более того, в 1526 г., когда крестьяне во всей Швабии уже были разгромлены, ландштанден Кемптена при посредничестве города Меммингена заключил с аббатом Кемптена договор, в котором содержался ряд пунктов, констатирующих некоторое смягчение положения крестьян. В последующее время договор продолжал действовать. Чтобы узаконить свое положение, крестьяне Кемптена передали этот договор на хранение городу Меммингену. Крестьяне при каждой новой попытке аббатов изменить положение в свою пользу либо ссылались на этот договор, либо показывали его. В начале XVII в. сословное представительство Кемптена, опираясь на хранившийся в Меммингене договор, пыталось независимо от аббата создать свою систему налогообложения и выработать собственную конституцию Кемптена. При Кемптенском ландштандене оформились собственные крестьянские финансовые и налоговые комиссии, которые, с согласия аббата, продолжали функ-

ционировать до начала XIX в.; существовало также несколько комиссий, в составе которых имелись один-два представителя от каждого церковного прихода. Подобные крестьянские сословные представительства в Швабии существовали в Оксенхаузене, Шуссенриде, Роте. Как правило, в Швабии они представляли крестьян, находившихся в зависимости от одного феодала.

В XVI—XVII вв. на юге Германии имелись случаи, когда крестьянские сословные представительства ряда территориальных княжеств объединялись и действовали как единый орган. В Вюртемберге существовал общий ландштанден Реттельна, Зауссенберга, Гехберга и Баденвейлера, который активно выступал еще в XVII в.⁴

В разных районах Западной Германии в XVI—XVII вв. существовали и другие крестьянские представительства, преследовавшие цели, аналогичные тем, которые выдвигались ландштанденами. Подобные представительства не имеют единого названия. Однако время от времени они упоминаются в документах, которые не оставляют сомнения в том, что речь идет о крестьянских представительных органах, признанных не только крестьянами, но и феодалами. Их находят в Ансбах-Бейрейте, Вюрцбурге, Оберпфальце, Шпейере, а также имперских графствах Сайне, Вальдеке, Рейсе и Шварцбурге, в Рейнгау и других местах.

Главное значение сословных крестьянских представительств полностью не выяснено. Тем не менее, уже теперь можно констатировать, что крестьянство Германии во многих районах выступало не только как класс, антагонистический классу феодалов, но и пыталось оформиться в феодальном обществе в качестве сословия. Крестьянский ландштанден как сословное представительство свидетельствует об определенных государственных и юридических воззрениях крестьян, иногда о наличии у них вооруженной силы. В феодально-раздробленной Германии такие представительства держались из-за слабости отдельных феодалов. Можно также отметить, что подобные представительства тесно связаны с борьбой крестьян против господства феодалов. Они стоят в одном ряду со стремлением крестьян действовать пошвейцарски и образовать свои крестьянские государства. Крестьянское сословное представительство — одна из попыток реализовать утопию о крестьянском государстве.

⁴ О крестьянских представительствах см.: Franz G. Geschichte des Bauernstandes, S. 151—167.

ве при феодализме. В то же время нельзя не видеть, что сама борьба крестьян за свое представительство спланивала их и давала им возможность иногда участвовать в решении важных государственных проблем. Отстаивая при этом свои интересы, крестьяне держали феодалов в определенных рамках, ограничивали произвол и беззаконие феодалов.

В целом класс феодалов не сумел в XVI — начале XVII в. к западу от Эльбы ввести неограниченную форму эксплуатации и полностью лишить крестьян общественно-демократических традиций, сложившихся в вековой борьбе между крестьянами и феодалами. Причины такого положения следующие: 1. Крестьяне своей продолжительной и ожесточенной борьбой против феодального произвола и реакции заставили феодалов согласиться с княжеской политикой «защиты крестьян» и отказаться от многих своих требований в отношении крестьян. 2. Внутри класса феодалов в ходе Реформации и Крестьянской войны произошли серьезные структурные изменения: в протестантских княжествах совершенно исчезло духовное сословие феодалов, в других оно было лишено значительной части своих земельных владений; рыцарство, потерпевшее поражение во время собственного восстания, сильнее других светских феодалов пострадало от крестьян. Оно было в результате всего этого настолько ослаблено и напугано, что не решилось идти по пути своих остэльбских классовых братьев, предпочитая хозяйственной деятельности службу при дворах и в армиях князей. 3. Как особенно подчеркивает Ф. Энгельс, в итоге Крестьянской войны в выигрыше остались одни князья, рассматривавшие крестьян в качестве своих подданных⁵. Подданство стало политической формой личной зависимости крестьян от князей. Она была значительно менее тяжелой формой зависимости крестьян, чем крепостное состояние, победившее окончательно к середине XVII в. в Остэльбии. Следует отметить, что до сих пор не только не исследовалась, но и не поднималась проблема о влиянии на крестьян Германии длительных войн между католиками и протестантами до 1555 г. и так называемого «Аугсбургского религиозного мира».

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 432—434.

§ 4. Сельское хозяйство и аграрные отношения к западу от Эльбы в ходе и после Тридцатилетней войны

Этот период остается наименее исследованным. Поэтому мы вынуждены опираться на общие работы, которые не могут дать ответа на ряд возникающих вопросов.

Тридцатилетняя война наносила сельскому хозяйству огромный ущерб, хотя в разных местах он проявлялся в разной степени. Там, где длительное время пребывали враждовавшие между собой феодальные немецкие и иностранные войска, оказались полностью разрушенными не только деревни, но и их полевая система. Приходили в полную непригодность пашни, зарастали сорняками, кустарниками и даже лесом. То же самое из-за отсутствия стад животных происходило с пастбищами. Исчезали культурные качества земли, приобретенные в результате деятельности человека. Отсутствие людей, которые либо были перебиты, либо бежали из родных мест, приводило к тому, что и после окончания военных действий ничего не предпринималось для устранения их последствий.

Как показали весьма осторожные подсчеты, в ходе Тридцатилетней войны сельское население Германии сократилось не менее, чем на 40%, что составляет от 5 до 7 млн. человек. Приблизительно 1 млн. крестьянских дворов остался без хозяев. Из той площади земли, которая до Тридцатилетней войны находилась под плугом, даже в начале XVIII в. не обрабатывалось $\frac{1}{3}$. В 1642 г. в герцогстве Веймаре $\frac{3}{4}$ пашни лежали праздно. Около 1700 г. в Шлезвиг-Гольштейне пустовала треть крестьянских дворов, а в некоторых местностях — даже половина⁵.

В ходе Тридцатилетней войны и после ее окончания в большинстве районов к западу от Эльбы наблюдается такое положение, когда феодальные собственники земли, пострадавшие также в ходе войны, не были склонны считаться с невероятно тяжелыми страданиями крестьян. Они не делали им никаких скидок, требуя довоенные оброки и барщинные работы, устанавливая круговую ответственность крестьян, в результате которой оставшиеся в деревне крестьяне принуждались выполнять обязательства не только с собственных хозяйств, но и с

⁵ См.: Berthold R. Entwicklungstendenzen der spätfеудalen Getreidewirtschaft in Deutschland.— Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. B., 1982, Sonderband, 1982, S. 16.

обезлюдивших наделов. Поэтому нередко оставшиеся в живых крестьяне в знак протеста или в силу невыносимых размеров притеснения уходили из деревни, оставляя свои хозяйства на произвол судьбы или продавая их за бесценок. Все это приводило к дальнейшему запущению крестьянских хозяйств.

Длительное время после Тридцатилетней войны пашни возделывались на исключительно низком уровне, так как повсеместно были уничтожены промыслы и промышленные предприятия, выплавлявшие металл и изготовлявшие сельскохозяйственные орудия труда. Не сеялись травы на паровом поле и не производились мелиоративные работы по осушению болот и обводнению лугов и пастбищ. Очень низки были цены на сельхозпродукты, что объясняется разрушением городов, где оставшееся население обеспечивало себя натуральным способом всем необходимым. Разрушены были дороги и торговые связи.

Восстановление пашни происходило весьма медленно. В целом для этого понадобилось 100—150 лет. Однако в отдельных районах к западу от Эльбы процесс возрождения хлебопашества шел быстрее. В герцогстве Брауншвейге, например, несмотря на тяжелые военные последствия, уже к 1685 г. был восстановлен прежний объем обрабатываемой посевной площади. К концу XVII в. довоенный уровень был достигнут в княжествах Гальберштадте и Шаумбург-Липпе. Приблизительно также быстро были восстановлены посевные площади в районе Верхнего Рейна.

Легче обстояло дело в животноводстве, где не так ощущалось отсутствие людей и где известным стимулом служили сравнительно высокие цены на мясные продукты, так как скота оставалось очень мало. Наличие большого количества пастбищ, низкая квалификация и дешевизна труда при экстенсивном хозяйстве и высокие цены на мясо содействовали более быстрому восстановлению скотоводства, а это последнее позволяло затем перейти к более интенсивной обработке и более обильному удобрению полей.

До середины XVIII в. сельское хозяйство к западу от Эльбы в целом оставалось на уровне, который не во многом отличался от состояния сельского хозяйства в начале и самом конце XVII в. Некоторые прогрессивные тенденции стали наблюдаться в северо-западной части Германии и Средней Франконии. Повсюду не был разорван порочный круг — плохое содержание и малое количество

скота из-за отсутствия корма, плохие урожаи из-за отсутствия удобрения, отсутствие удобрения из-за малого количества скота.

Изменения наступили только со второй половины XVIII в.

§ 5. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Остэльбии (XVI—XVII вв.)

Для всей Остэльбии в XVI—XVII вв., несмотря на большое местное своеобразие, наиболее характерным был рост дворянских (рыцарских) имений за счет крестьянских наделов. Одновременно рыцарями создавались свои хозяйства — фольварки, в которых применялся труд крепостных крестьян и принудительный наемный труд взрослых детей крепостных крестьян. По существу, следовательно, фольварки возникали не в результате прогрессивного развития производительных сил: в них не применялись ни новые орудия труда, ни новые, более совершенные, агрономические приемы, ни более совершенная форма организации труда. Крепостные крестьяне трудились в фольварках своими орудиями и тягловой силой не лучше, а чаще хуже, чем в своем собственном хозяйстве. Смысл создания фольварков заключался единственно в том, что их большие размеры при использовании почти даровой рабочей силы давали возможность рыцарям получить больше дешевого товарного хлеба.

Подобная реорганизация сельского хозяйства в обстановке сравнительно низкого уровня развития производительных сил и отсутствия заинтересованности в ней крестьян, основной производительной силы страны, не была бы возможна без применения самого грубого насилия. У инициаторов ее — рыцарей — не было достаточно продуманного плана и власти, чтобы добиться цели. Поэтому процесс перedelки происходил медленно и стихийно. Если его начало можно отнести к последним десятилетиям XV в., то конец его захватил часть XVIII в. Поражение крестьян в 1525—1526 гг. послужило стимулом усиления наступления рыцарей на условия жизни крестьян и на их владельческие права. Еще в большей мере содействовали активизации деятельности рыцарей Тридцатилетняя и Северная войны, в результате которых

крестьяне массами оставляли свои наделы. Сказывались также эпидемии и неурожайные годы.

По законам князей Бранденбурга и других частей Остэльбии, сгон крестьян с надела разрешался только в особых случаях, когда крестьянин вел свое хозяйство совсем плохо и не выполнял своих государственных обязанностей. Только князь мог давать разрешение на сгон такого крестьянина. Если же дворянин самовольно сгонял крестьянина с надела, чтобы за счет его увеличить свое имение, он вынуждался платить с захваченного надела налог князю в тех размерах, в которых он взимался с крестьянина. Поэтому, как подчеркивает историк ГДР Р. Бертхольд, дворянин старался спровоцировать уход крестьянина с надела, чтобы затем захватить обезлюдевший надел, с которого не полагалось платить налог князю⁶.

Хронист XVII в. Томас Канцов с тревогой сообщает об уходе с надела крестьян, доведенных до отчаяния. Наибольшее количество крестьянских наделов обезлюдело с 1575 по 1655 г., т. е. накануне, в ходе и сразу после Тридцатилетней войны. Особенно много крестьян оставляло свое хозяйство в Мекленбурге, где дворянство больше чем где-либо наступало на крестьян. Одной из причин ухода крестьян был перевод их из разряда наследственных владельцев в разряд срочных держателей земли. Там, где дворянину удавалось перевести крестьянина в срочные держатели земли, он приобретал законное право на перемещение крестьянина с земли лучшего качества на землю менее качественную и надел, меньший по размерам. Он мог почти полностью лишить крестьянина земли, превратив его в огородника.

Наиболее наглядное представление о состоянии крестьянского хозяйства в переходный период от самостоятельного существования к полному господству над ним дворянского имения и фольварка дает инвентарная опись, произведенная в 1620 г., т. е. в самом начале Тридцатилетней войны, в округе Рыбнице (Мекленбург)⁷. На этой территории имелось 13 деревень и 5 господских дворов. В деревнях проживали 103 крестьянских и 62 семей-

⁶ См.: Berthold R. Feudales Bauernlegen im Spiegel der westdeutschen Geschichtsschreibung.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1961, N 6, S. 1307.

⁷ См.: Baumgarten K., Bentzien U. Hof und Wirtschaft der Ribnitzer Bauern. B., 1963.

ства коссетов⁸. На трех крупных господских дворах — Нейгофе, Петерсдорфе, Боокхоорсте — и двух мелких — Дирхагене и Марице — не было ни сельскохозяйственного инвентаря, ни тяглового скота. Хозяйство на этих дворах, следовательно, целиком велось крестьянами и коссетами в барщинные дни.

В этом районе крестьянский надел в среднем насчитывал одной пашни 26 га (самый большой надел имел 46,8 га), надел коссета — 8—10 га. На исключительно низком уровне находилось полеводство. В 5 деревнях вообще не соблюдался какой-либо севооборот, 6 деревень придерживались трехпольной системы севооборота, 1 — четырехпольной и 1 — шестипольной. У них соответственно каждый 3-й, 4-й и 5-й год поле лежало под паром. Все делалось по старинке. Среди посевов преобладал овес (39,8% от общей площади), за ним шла рожь (32,2%). На последнем месте стоял ячмень (28%). Во всей округе только один крестьянин сеял гречиху. Почти не сеяли горох. Большое место в каждом хозяйстве занимали огороды, в которых выращивалась капуста. Только в 14 хозяйствах возделывался хмель, которым давно торговали крестьяне северо-запада и который выращивался здесь позднее в изобилии.

Количество барщинных дней в инвентарной описи не указано. Однако о нем можно судить по следующим данным. Крестьяне в своих хозяйствах высевали всего 7040 шеффелей зерна, а на господских дворах — 2354. Судя по этим цифрам, труд крестьян в своем хозяйстве и на господских дворах соотносился как 3 : 1. Следовательно, крестьяне Рыбница в самом начале Тридцатилетней войны тратили $\frac{1}{4}$ часть своего трудового времени на хозяйство господина. Это было во много раз больше, чем в начале XVI в., когда они трудились на помещика всего несколько дней в году, но это значительно меньше, чем им приходилось трудиться с конца XVII — начала XVIII в., когда дворяне повсюду с них требовали 6 дней барщины в неделю. За XVII в. барщинный труд вырос в 4 раза — от 1,5 до 6 дней в неделю.

В связи с увеличением количества барщинных дней крестьяне были вынуждены держать много тягловых животных. У 103 крестьян имелось 1195 лошадей, считая

⁸ Коссет — мелкий крестьянин, надсленный преимущественно землями менее плодородными, лежащими за пределами деревенского пахотного ареала. К западу от Эльбы ему соответствовал коттер.

и жеребят, а у 62 коссетов — 224 лошади. Соответственно в хозяйствах в среднем имелось 10 и 4 лошади. В телегу и плуг запрягали четверку лошадей, что свидетельствует о небольшой их силе. Еще в конце XVI в., когда количество барщинных дней было меньше, на господских дворах барщинников прилично кормили, вознаграждая их таким образом в какой-то мере за труд. В 1620 г. барщинникам в рабочие дни давали только пиво и масло. В других местах крестьян уже с 1600 г. не кормили на господских дворах. Со второй половины XVII в. перестали кормить в дни барщины и рыбацких крестьян.

Еще больше, чем лошадей, имелось у крестьян крупного рогатого скота — всего 1534 головы, из которых было 826 голов молочного скота. Продуктивность его была мала. Так, в 1620 г. с 6 коров ожидали получить 224 фунта масла, т. е. 37,3 фунта с коровы. Свиней было 1350 голов, а овец приходилось в среднем не больше 6 голов на хозяйство. На господских дворах было 806 овец, больше, чем у всех крестьян вместе. 27 крестьян, проживавших рядом с господской фермой, вообще не держали овец. Домашней птицы было совсем мало.

Оброки (в денежном исчислении) были относительно барщины меньшего размера. Полные крестьянские хозяйства платили от 105 до 461 шиллинга, коскеты — от 45 до 244 шиллингов. Для сравнения можно указать, что корова стоила в том же году 192 шиллинга. Однако вполне возможно, что инвентарная опись не содержит полной информации об оброках. Иначе неясно, почему почти на каждом крестьянском хозяйстве числился долг, который по размерам превышал оброки в денежном исчислении.

О том, что инвентарная опись составлена в переходный период и отражает состояние крестьянского хозяйства в начальный этап самого мощного наступления дворян на крестьян, свидетельствуют следующие факты. В инвентаре не записаны люди, числившиеся крепостными, и нет сведений о принудительно наемных детях крепостных. Уже со второй половины XVII в. при составлении подобных инвентарных описей вносятся все крепостные и все принудительно наемные люди. Поскольку они составляют все сельское население, можно заключить, что во второй половине XVII в. полностью побеждает «второе закрепощение».

Далее в описи указывается, что два крестьянина, хозяйства которых расположены рядом с господской фермой, содержат свое хозяйство так, что их следует оттуда

убрать. В ходе Тридцатилетней войны деревня Вильмсхаген полностью обезлюдела. На ее землях была основана новая господская овечья ферма.

Наконец, при сопоставлении фамилий крестьян двух описей — 1599 и 1620 гг. — удалось установить, что за 21 год в среднем исчезло 25% фамилий, но поскольку встречаются и новые фамилии, можно прийти к выводу, что за это время уходило до 17% населения. В деревне Поппендорф за это время исчезло 57% фамилий, а в деревне Кульраде — 70%.

Интересна еще одна деталь, характеризующая божьню крестьян перед дальнейшим ухудшением своего положения. Во время составления описи коссеты деревни Дирхагена утаили четверть своей пашенной земли, а крестьянин Генрих Дозе из Фельксхагена говорил, что у него имеется долг в 20 гульденов, при проверке, однако, оказалось, что он сам отдал бюргеру Рыбница в рост 100 гульденов.

Сельское хозяйство за время с XVI до конца XVII в. не обнаружило каких-либо существенных успехов. Даже в начале Тридцатилетней войны, когда сельское хозяйство за весь этот период достигло наивысшего уровня своего развития, положение в целом было плачевным: никаких заметных сдвигов в развитии полеводства, орудий труда, урожайности не наблюдалось. Шел только процесс укрупнения хозяйств дворян за счет крестьян, увеличивалась барщина, крестьяне убегали со своих наделов, их прикрепляли к земле.

В ходе Тридцатилетней войны, особенно после вторжения шведских войск, сельское хозяйство сильно деградировало. В обследованных 28 восточно-прусских поместьях в 1683 г. из 96 081 га земли, составлявших крестьянские держания, обрабатывались только 43 211 га или всего 45%. К концу войны и в первые десятилетия после нее сельское хозяйство выглядело в Остэльбии не лучше, чем к западу от Эльбы. Пользуясь исключительно тяжелым положением крестьян и усиливая их притеснение, дворяне присоединяли к своим землям обезлюдевшие крестьянские наделы, создавали фольварочные хозяйства и заставляли в них трудиться крепостных крестьян.

В результате этого процесса в Остэльбии к концу XVII — началу XVIII в. сложились следующие типы хозяйств. Во-первых, доменальные хозяйства светских и духовных князей. По размерам они были невелики, обрабатывались дворовыми людьми и государственными кре-

стьянами. Во-вторых, хозяйства государственных крестьян и косцетов, более или менее равные по размерам и не отличавшиеся между собой особым богатством. В помещичьих владениях существовали порядки, совпадавшие с теми, которые характерны для грундгерршафта. Этим объясняется и то, что государственные крестьяне и косцеты значительно меньше были заняты барщинным трудом, их основную повинность составляли продуктовая и денежная ренты и налоги. В-третьих, образовалось большое количество фольварков. Несколько фольварков одного дворянина вместе с наделами зависимых от него крестьян составляли его имение. Фольварки полностью содержались трудом крестьян-барщинников и их взрослых детей, вынужденных трудиться по найму за пониженную плату. В-четвертых, в имениях существовали хозяйства крепостных крестьян, обязанных на своей упряжке и со своим инструментом выполнять барщину на фольварках. По мере того как крестьяне богатели, они сами переставали выходить на барщину. Вместо себя они посылали своих работников, специально для этого нанимавшихся, и держали сверх общего количества инвентаря и тягловой силы упряжку лошадей и все необходимые инструменты. В-пятых, в каждом имении проживало большое число малоземельных косцетов (от 0,5 до 5 га), которые на барщине трудились вручную. К началу XVIII в. в остэльбской деревне увеличилось количество безземельных — хэуслеров, ставивших свой домик на земле крестьян или феодалов, инсассов, проживавших на квартире у крестьян и т. п.

§ 6. Подъем сельскохозяйственного производства в Германии в XVIII в.

В XVIII в. в сельском хозяйстве всей Германии происходят значительные прогрессивные сдвиги, которые свидетельствуют о проникновении капитализма в земледелие. В результате этого процесса в конце XVIII — начале XIX в. все острее ощущается необходимость уничтожения феодальных отношений, тормозивших дальнейшее развитие.

Время от конца Тридцатилетней войны до 30—40-х годов XVIII в. полностью ушло на восстановление сельского хозяйства в довоенных размерах. Раньше всего ожила отрасль, которая меньше всего требовала капиталовложения и рабочих рук, — скотоводство. На восста-

новление хлебопашества отрицательно влияло, во-первых, значительное ухудшение жизненных и трудовых условий в деревне в связи со «вторым изданием крепостного строя». Владельцам имений и государственным властям приходилось насильно возвращать на наделы наследников тех крестьян, которые бежали из родной деревни либо были согнаны с земли. Такой крестьянин не имел ни тягловой силы, ни инвентаря. Он был мало заинтересован в хозяйстве. Во-вторых, с того времени, когда сложились благоприятные условия для подъема (рост спроса на сельскохозяйственные продукты, увеличение количества новых орудий труда, наличие агрономической литературы и т. п.), аграрное производство тормозили унаследованные методы полеводства и общинные порядки: трехполье и связанный с ним принудительный севооборот, чересполосица, выпас по жнивью, круговая порука и др. Если кто из крестьян пытался увеличить объем своей продукции за счет использования пара под посевы клевера или других кормовых растений, то общинный обычай использовать под пастбище все поле после снятия урожая приводил к полному уничтожению результатов труда такого прогрессивно настроенного сельского жителя. Кроме того, как говорят источники, над ним еще смеялась вся деревня.

Восстановлению сельского хозяйства с конца XVII в. способствовало распространение агрономической литературы. Раньше всего появились сочинения по домоводству. Опираясь на опыт и всемирно известные агрономические произведения античных и средневековых авторов, составители домоводческих сочинений давали дельные советы по улучшению сельскохозяйственного производства и ведению домашних дел вплоть до ухода за детьми и домашней утварью. Наибольшим спросом пользовались книги Иоганна Колера, Фрейгерра фон Гохберга, Франциско Флорини, Юлиуса Бернгарда фон Рора, Иоганна Иоахима Бехера, Готфрида Августа Гофманна, Отто фон Мюнххаузена, Христиана Фридриха Гермерсхаузена и др. Книга Колера за короткий период издавалась 14 раз. Домоводческая литература пробуждала интерес к сельскохозяйственному занятию, показывала его профессиональное значение и содействовала более рациональному подходу крестьян к своему труду.

Общий интерес к сельскому хозяйству усилился в первой половине XVIII в. В Тюрингии, Ганновере, Лейпциге, Баварии, Мекленбурге, Кёнигсберге, Потсдаме и

других местах создавались общества, ставившие себе задачу поощрения земледельческого производства. Князья и короли, города и университеты, рыцари и крестьяне — все проявляли повышенный интерес к земледелию. Именно к этому времени относится создание агрономической науки, которая начала играть роль новой производительной силы.

В середине XVIII в. был создан первый учебник по сельскому хозяйству. Его автор, Иоганн Бекманн, использовал всю доступную ему литературу и собственный опыт. С 1770 г. ежегодно печаталось до 100 агрономических книг разных названий. При университетах стали создаваться специальные кафедры камералистики, на которых изучались проблемы развития земледелия. Переиздавались сочинения домоводческой литературы.

Большим спросом пользовались произведения сельскохозяйственных экспериментаторов. В них содержались научно обоснованные предложения и рекомендации. И. фон Юсти первым систематизировал сельскохозяйственные работы и приемы. Он предлагал коренную перестройку земледелия: ликвидацию принудительного севооборота, чересполосицы, трехполья, введение травосеяния, внесение удобрений согласно научным советам, увеличение кормовой базы и интенсивное развитие скотоводства. Он первым выступил за разумное капиталовложение в сельскохозяйственное производство и в связи с этим подробно рассматривал доходы и расходы разных типов хозяйств. Христиан Рейхарт — практик, занимавшийся земледельческим производством и торговлей, Иоганн Готлиб Экхарт, управлявший в течение многих лет различными имениями, а затем ставший придворным советником и камерарием прусского короля, и Иоганн Георг Леопольд, проработавший свыше 30 лет в разных имениях, опубликовали свои наблюдения и советы, предназначенные крестьянам.

Появились произведения тех, кто непосредственно наблюдал за развитием сельского хозяйства. Священники Фроммель из Беттберга возле Фрейбурга, И. Ф. Майер из Купферцелля возле Нюрнберга, Блок из деревни Нутав Ангальт-Цербе и дворянин Карл Фридрих фон Бенекендорф свои произведения посвящают прежде всего крестьянскому хозяйству. Фридрих Б. Вебер проанализировал огромное количество литературы и первым классифицировал знания в области сельскохозяйственного производства. Знаменательно и то, что с 70-х годов

XVIII в. систематически печатались обзоры издаваемой агрономической литературы.

Литература адресовалась всем, в том числе и крестьянам. Она давала советы по всем отраслям сельскохозяйственного производства, по скотоводству, льноводству, хлебопашеству, виноградарству, луговодству, выращиванию технических культур и т. п. В книгах имелись разделы по сельскохозяйственным орудиям производства, новым приемам откорма животных и т. п.

Во второй половине XVIII в. огромное внимание стали уделять освоению новых земледельческих угодий. Только в одну Пруссию было приглашено из западных районов до 300 000 крестьян, каждый из которых должен был принести с собой не менее 1500 талеров, чтобы основать рентабельное хозяйство. В Бранденбурге и Пруссии только по инициативе властей было освоено около 150 000 га залежной земли. Осваивались и большие просторы земли частным путем. Подавляющая часть вновь освоенной земли использовалась для создания крестьянских хозяйств.

Под влиянием успешного развития крестьянских хозяйств началась ликвидация доменальных хозяйств короля и крупных феодалов. Одновременно началось движение за раздел общинных угодий. Выяснилось, что наиболее заинтересованы в разбивке общинных земель были средние крестьяне. Против раздела выступали богатые крестьяне и коттеры. Первым раздел грозил потерей дополнительного пастбища по жнивью, за счет которого они держали определенное количество скота на продажу, вторые теряли возможность держать необходимое для хозяйства поголовье скота. Однако вопреки желаниям тех и других в XVIII в. стихийно начался дележ общинных угодий. Это было начало той коренной реорганизации сельского хозяйства, которая затем во время реформ в XIX в. проводилась в интересах дворян.

Дележ общинных угодий начался раньше на западе от Эльбы. В известном по Крестьянской войне аббатстве Кемптене уже в XVI в. из общин вышло 15 семейств, в XVII в. — 34, а в XVIII в. — 181. В Альгау и области к северу от Баденского озера до конца XVIII в. распались общины полностью. Крестьяне селились на своей земле, вдалеке от бывших соседей. Анонимный саксонский автор доказывал, что одним плугом быстрее обработать 40 полос, лежащих рядом, чем 25, разбросанных по полям.

Выделение хозяйств из общины, дележ общинных угодий, образование однодворных и хуторских поселений к концу XVIII в. наблюдались во всех частях Германии. Этот процесс наглядно свидетельствовал о наступлении новых, капиталистических отношений в деревне.

Во всей Германии одновременно начался процесс интенсификации сельскохозяйственного труда и улучшения технологии обработки земли. В Мекленбурге и других областях, расположенных у побережья Балтийского моря, распространился 7-летний севооборот, а с конца XVIII в. внедрялся 11 и 12-летний севооборот. Хозяйство здесь велось так, что в изобилии производился зеленый корм для скота. В отдельных местах Германии, например, вокруг Эрфурта, полностью исчезли чистые пары. Их засевали люцерной. Однако к концу XVIII в. еще только 6% посевной площади были заняты люцерной или другими сортами клевера. Во второй половине XVIII в. увеличивались посевы картофеля, кукурузы, табака и других новых культур.

Усовершенствовались орудия труда. Там, где имелись мягкие почвы и где культурный слой почвы был невелик, широкое распространение получила соха новой конструкции. При ее помощи достигались значительно большие результаты, чем плугом. В 1774 г. появилась книга Х. В. Х. Шумахера «Рассуждения о сохе как о более предпочтительном орудии труда, чем плуг», которая содействовала победе сохи над плугом в Померании, Пруссии, Бранденбурге, Мекленбурге. Теперь для каждой местности появлялась соха особой формы. Там, где предпочтение отдавалось плугу, появлялись также различные новые его формы. Усовершенствовались и быстро внедрялись сеялки, первые экземпляры которых стали известны еще в 1663 г. В целом, однако, новые орудия находились в стадии становления и для их полного внедрения понадобилось еще время и сдвиги в организации земледелия.

Общее представление о состоянии сельского хозяйства в северных частях Германии в XVIII в. дают исследования прогрессивного западногерманского историка Ф.-В. Геннинга⁹. По его сообщению, в конце XVIII в. в княжестве Падерборне под хлебопашество, огородничество и скотоводство использовалось 168 200 га земли.

⁹ См.: Henning F.-W. Bauernwirtschaft und Bauerneinkommen im Fürstentum Paderborn im 18. Jh. B., 1970.

90% этой площади фактически находилось в руках крестьян и занимавшихся земледелием горожан. В деревнях проживало 7859 землевладельцев крестьянского типа. Геннинг делит их на три имущественные группы, из которых зажиточные крестьяне в своем хозяйстве имели от 20 и более га (но не свыше 100), средние — от 5 до 20 и бедные — от 0,5 до 5 га. Первая группа составляла 14% сельского населения, вторая — 15, а третья — 49%. Остальные 22% сельских жителей составляли хэуслеры, т. е. владельцы собственных домиков. Кроме того, в деревнях у землевладельцев проживало 6320 слуг, служанок и других наемных людей. В общей сложности до 80% сельского населения в той или иной мере было вынуждено трудиться по найму или заниматься ремеслом.

К тому же времени в Остэльбии общая картина выглядела так, как это было характерно для Пруссии. Здесь в 1800 г. использовалась площадь в 1 525 321 га. Из них князю принадлежало 778 287 га (51,3%), камере — 100 551 га (6,5%) и дворянам — 646 483 га (42,2%). Крестьяне непосредственно владели площадью в 971 470 га (63,9%), т. е. здесь большая часть земли использовалась под домениальные и фольварочные хозяйства (36,1%). Если сопоставить данные, то на Востоке зажиточные и средние крестьяне составляли 42% сельских жителей, причем у зажиточных крестьян имелось до 100 и более га земли, а средние крестьяне в основном имели 15—20 га. На Западе (в Падерборне) крестьяне с наделами свыше 15 га составляли всего 17%, но никто из них не имел 100 га. Малоземельных (коссетов, огородников и хэуслеров) на Востоке было 12%, на Западе 41%. И только совершенно безземельных — квартирантов, пастухов, чабанов, сельских ремесленников — было почти одинаково: на Западе — 42%, а на Востоке — 46%.

Приведенные цифры наглядно показывают, что в Остэльбии среднее и зажиточное крестьянство в экономическом отношении располагало значительно большими возможностями для развития товарного производства. Эти слои крестьян здесь были богаче, имели больше земли, нанимали больше сезонных и постоянных вольнонаемных людей. Однако все они были крепостными. Их дети законом принуждались к найму по заниженной плате к юнкеру — владельцу имения и фольварочных хозяйств. Именно эти и другие феодальные порядки мешали крестьянству Остэльбии полностью использовать воз-

возможности, возникшие с проникновением капитализма в сельское хозяйство.

На западе от Эльбы крестьянство было беднее. У него было значительно меньше земли даже в зажиточных хозяйствах, меньше было средств для найма рабочей силы. В то же время здесь были слабее и феодальные ограничения. Барщинные работы не чрезмерно отвлекали крестьян от ведения своего хозяйства, дети их не при-
нуждались к работе по заниженной плате и т. д.

ГЛАВА III. СОСЕДСКАЯ ОБЩИНА (XIV—XVIII ВВ.)

Крестьяне Германии в эпоху развитого и позднего феодализма, как и в других странах Европы, объединялись в общины, которые характеризовались одной общей чертой — члены ее были соседями, проживавшими в одной или нескольких деревнях. По этому признаку подобные объединения получили общее название — соседские общины. Их образование и существование не зависело от воли отдельного человека или властей. Соседские общины начали появляться с момента распада родовых отношений. В зависимости от конкретных условий они видоизменялись. К XIV в. образовалось несколько типов соседских общин, оформлявшихся и изменявшихся в результате воздействий определенных хозяйственных и социальных предпосылок.

Все общины, существовавшие в деревнях Германии XIV—XVIII вв., объединяли владельцев индивидуальных хозяйств, которые нуждались и имели общие владения или общую собственность в виде лесов, лугов, пастбищ, водоемов и т. п. Цель такой общины — *«воспроизводство образующих общину индивидов как собственников»*¹. Внутреннее противоречие соседской общины было противоречием между индивидуальной, или частной собственностью (соответственно — владельческим правом), на усадьбу и пашню и общинным владением, или общинной собственностью, на угодья. Стараясь воспроизводить условия существования своих членов, соседская община в XIV—XVIII вв. наталкивалась на значительно большее число преград, чем в предшествующие столетия. В чисто экономической сфере сильнее, чем раньше, мешали возрождению прежних условий существования крестьянских хозяйств все более быстрое развитие производительных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 483.

сил и начавшаяся конкуренция между мелкими товаро-производителями. В социально-политической сфере сказались наступление феодалов на общинные угодья, захват прав на угодья князьями и другими представителями класса феодалов. К этому присоединяются различные природные явления — неурожай, голодовки, эпидемии, свирепствовавшие особо жестоко в результате беспрерывных военных конфликтов.

В эпоху позднего феодализма в Германии существовало несколько типов соседских общин. Наиболее старый тип известен под названием маркгеноссеншафт (община-марка), который везде, где он продолжал существовать, пересекался с наиболее распространенным в то время типом общины, называемым по-немецки общиной-гемейнде. Эту общину исследователи называют по-разному: ландгемейнде (сельская община), бауэрнгемейнде (крестьянская община) и дорфгемейнде (деревенская община). Ряд разновидностей общин обычно объединяют под общим названием гофмарка (дворовая община). При наличии большого количества общих черт эти типы соседских общин характеризуются также и значительными различиями.

§ 1. Община-марка в XIV—XVIII вв.

Название маркгеноссеншафт, которое на русский язык переведено как община-марка, в документах не встречается. Оно было образовано исследователями в конце XVIII в., а затем подхвачено и поддержано Г. Л. Маурером и другими сторонниками марковой теории. Поводом для образования его послужило часто встречаемое в документах слово маркгеносс, которым во многих местах называли себя члены общины, объединявшей соседей одной и нескольких деревень. С точки зрения лингвистов подобное словообразование никакого возражения не вызывает. К тому же община, члены которой называли себя маркгеноссен, нигде в документах XIV—XVIII вв. не названа.

В вейстюмах и других документах интересующего времени часто встречается слово марка, под которым в настоящее время тоже подразумевают общину. Это слово употреблялось уже во времена Каролингов, т. е. в VIII—X вв., затем оно в течение нескольких столетий в документах не встречается, но со времени фиксации обычного права в виде вейстюмов (т. е. с XIII в.) оно

вновь вошло в обиход. В период с XIV до XVIII в. слово марка употребляется неоднозначно. Только в исключительно редких случаях, и то косвенно, оно указывает, что под ним подразумевается община. Чаше всего маркой называется большая территория, на которой расположены деревни, жители которых имеют определенные права на леса, пастбища и иные угодья в пределах этой территории. Не столь часто под маркой понимают только определенные леса, которыми владеют члены общины. При отсутствии названия самой общины наиболее часто члены ее называют себя меркерами. Слово маркгеноссен встречается реже. Изредка члены общины называют себя наследниками или меннер (мужчины).

От слова марка немецкие историки образовали слово гемарк и маркунг. Так они называют чаще всего весь земельный комплекс одной общины или деревни либо только пахотные поля ее. В документах слова марка и гемарк употребляются иногда для обозначения границы общинных владений. В районах, где община называется гемейнде, часто ставится знак равенства между значениями слов марка и альменда.

Территориально тип общины-марки имел распространение в районах Вестфалии, вдоль Рейна, Нижней Саксонии, в Веттерау и большей части Франконии. В XIV—XVIII вв. он совершенно не встречается в районах, которые были заселены в результате внутренней и внешней колонизации. Прежде всего он отсутствует в Остэльбии, Тюрингии, Саксонии и других местах. Трудно доказать его существование в Южной Германии, но здесь нередко под названием гемейнде объединено несколько деревень, которым принадлежат общие угодья — альменда или марка.

О существовании общины-марки или остатков ее свидетельствуют многочисленные вейстюмы. Для XV — начала XVI в. они отражают широкое наступление феодалов на общинные права и традиции. Но и после этого времени наступление феодалов на общины-марки не прекращалось. Центральными вопросами борьбы между общиной-маркой и различными представителями класса феодалов были споры из-за того, кому принадлежат общинные угодья — феодалу или крестьянам. В этой связи остро дебатировались вопросы о границах марки и взаимоотношениях с феодалом и соседями, претендовавшими на марковые богатства, но не относившимися к меркерам. На втором месте среди спорных вопросов стояли

конфликты по поводу высшей власти в марке или над маркой, называемой обермеркерством.

В XIV—XVIII вв., как видно из документов, общины-марки были весьма крупными объединениями. В одну общину-марку, судя по вейстюмам, входило 6, 9, 18 и даже до 29 населенных пунктов. Всем членам такой общины: меркерам, маркгеноссенам, наследникам — принадлежали определенные права на угодья, т. е. на леса, пастбища, водные просторы, пустоши и т. п. Меркеры регулярно собирались на свои собрания — меркердинг. На них должны были присутствовать все члены общины и те соседи их, которые претендовали на какие-нибудь права в марке. Меркерами, судя по документам, были только владельцы хозяйств (дворов с жилыми и хозяйственными помещениями и пашней в пахотном ареале деревни) в деревнях, расположенных в границах марки. Время от времени в отдельных местах на собраниях меркеров присутствовали и аусмеркеры. К ним относились люди, проживавшие в пределах марки, и отдельные населенные пункты, расположенные в стороне от нее. В первом случае это могли быть представители определенных социальных категорий — коттеров, зельднеров, пастухов, кузнецов, арендаторов, огородников и т. п. Меркеры им разрешали пользоваться общинными угодьями согласно установленным для них нормам. Во втором случае речь идет о жителях отдельных деревень за границами марки. Всем им, если они числились аусмеркерами данной марки, меркеры также представляли определенные права в марке. В отдельных случаях, например, меркерами принималось решение: при хорошем урожае желудей в лесу разрешить аусмеркерам выгонять в стадо, принадлежащее меркерам, до 60 свиней. Аусмеркеры за проступки в пределах марки наказывались строже меркеров. Как правило, у них отбирали упряжку лошадей вместе с телегой.

Часть документов XV и начала XVI в. усиленно подчеркивает, что марка является собственностью меркеров. В вейстюме Оберурзеля в Веттерау в 1401 г. отмечается, что марка в качестве «собственности по праву» (*rechtlich eigen su*) принадлежит 29 деревням, одной мельнице и двум дворам². Меркеры Клейнаухенской марки в XV в. подчеркивают, что марка принадлежит 5 деревням как «настоящая собственность, а не как лен от королей или

² Grimm J. Weistümer. B., 1957, Bd. III, S. 488.

императоров»³. Однако большинство документов не говорит, что марка принадлежит меркерам. В них только подразумевается, что марка — общее владение членов общины. На основе документов, категорически заявляющих, что марка — общинная собственность, и тех, в которых это подразумевается, можно прийти к двум выводам. Во-первых, более обычным и древним было то, что марка находилась в общинной собственности, с нею связаны определенные традиции, имеющие давнишнее происхождение. Во-вторых, кто-то оспаривал собственнические права общины. Одним из аргументов, выдвигаемых против собственнических прав общины, по всей вероятности, служило утверждение, что марка является только леном короля или императора. Поскольку лены давались только индивидуально феодалам, утверждение, что марка является леном, могло считаться достаточно убедительным аргументом для отрицания общинной собственности на марку.

В течение XVI в. утверждения о том, что марка — общинная собственность, постепенно исчезают. Зато для документов становится характерной другая формулировка, отражающая серьезные сдвиги, происшедшие за это время. Наиболее ярко новые формулировки отражены в следующих документах. В 1552 г. члены общины Вейденталь (возле Лимбурга в Вестфалии) записали в своем вейстюме: «Далее они подтверждают, что земли и растительность возле Виденталья в пределах марки являются собственностью монастыря Святого Креста и по милости его они — их альменда»⁴. Из этого документа видно, что община только пользуется маркой в виде альменды, что чаще всего означает пользование с целью выпаса скота. Мы здесь можем только предполагать, что когда-то марка была собственностью общины, откуда она и получила свое название. Также ясно в этом плане свидетельствует судебная запись 1540 г., сделанная монастырским пробстом в Леймерсхейме (Эльзасе). «Эта марка, — говорится в ней, — собственность монастыря, а для бедняков — настоящая альменда»⁵. Еще более конкретизирует этот вопрос вейстюм Зандхофена (район Неккара, Майна и Рейна), составленный в 1527 г. «Затем они показали, — заявляет вейстюм, — что вода, пастбища и птичьи просторы являются собственностью господина

³ Ibid., Bd. IV, S. 552.

⁴ Ibid., Bd. VI, S. 421.

⁵ Ibid., S. 412.

фон Шонау, а для общины законной альмендой в пределах марки деревни Зандхофен⁶. С XVI в. становится характерным, что не одни крестьяне формулируют свои права на общинные угодья, но и феодалы лично и чаще всего при помощи своих шеффенов выставляют свое право на общинные угодья. В таких случаях утверждается, что общинные угодья выделены феодалом общине. Так, архиепископ Трирский в 1546 г. выделяет таким образом $\frac{1}{3}$ всех богатств «своей марки» общине. В связи с этим в документе говорится: «Крестьянам деревни Клуссерт разрешается пользоваться водой и пастбищем, полями, дичью в лесах, рыбой, дикими животными на полях, всем тем, что они в состоянии поймать для удовлетворения своих нужд»⁷. Поскольку подобные формулировки раньше XVI в. не встречаются, они вызывают сомнения в том, что «выделенная» архиепископом марка и раньше считалась таковой. Вполне возможно, что архиепископ присвоил себе общинные владения, а затем соответственно оформил и документ.

Вопрос о том, кому принадлежала марка — меркерам или феодалу, — получает косвенное отражение в частых осмотрах границ марки и спорах вокруг этого, а также в спорах о так называемом обермеркерстве. С XV в. учащаются случаи, когда феодалы заставляют крестьян, входящих в общину-марку, совершать обходы границ марки, реставрировать старые и ставить новые пограничные знаки. В 1457 г., например, 6 деревень, расположенных возле Майна, по требованию своих господ, юнкеров из семьи Роденштейн, «показали те места, по которым проходила граница» марковых владений. При этом в документе подчеркивалось, что в марке «богатства, свобода и права принадлежат господам Роденштейн и меркерам»⁸.

Осмотр границы марковых земель Тюдорфа (Вестфалия) был вызван конфликтом между епископом Падерборна и дворянином Крете. По требованию епископа крестьяне выбрали наиболее опытных, старых по возрасту меркеров, которые в присутствии общины осматривали пограничные знаки. Уже то, что не епископ или его должностные лица осматривали границу с целью выявления ее нарушения, а для этого привлекалась вся община, свидетельствует о том, что данная марка не всегда счи-

⁶ Grimm J. Weistümer, Bd. I, S. 457.

⁷ Ibid., Bd. II, S. 321.

⁸ Ibid., Bd. IV, S. 538—539, 8c8c 1, 2, 3, 4, 5.

талась собственностью епископа, хотя об этом прямо в документе и не сказано. Интересно, что при осмотре общинники обнаружили, что один из пограничных знаков был вырыт Вильгельмом Кревете. Опираясь на изображения, добытые общинниками, епископ наложил штраф на дворянина Кревете и отменил все его распоряжения, которые тот успел сделать по вопросам марки.

Постепенно, однако, отменяются обходы границ марки общинниками. Пограничные обходы становятся компетенцией господских должностных лиц. По времени, что важно отметить, обходы, совершаемые общинниками, предшествовали тем, которые совершали должностные лица. Так, в 1652 г. в Вестренвальде (Вестфалия) господин поручает обход границы марки своим должностным людям, которые, к своему удивлению, среди других знаков, обнаруживают один, который был поставлен за 100 лет до этого. Правда, в документе не говорится, кто ставил этот знак, но ставился он явно не должностными лицами. Отмена осмотров границ марки общинниками и поручение этого акта служащим феодальной администрации является довольно веским аргументом перехода владений общины-марки в руки феодалов.

Документы говорят также о присвоении феодалами, обычно князьями, высшей должности в марке — обермеркерства. Такой должности среди меркеров первоначально не было. На основе документальных данных подтверждается, что даже в 1607 г. в общине Фельдкирхен (Средний Рейн) территориальный князь «не только по форме, но и по праву» был лишь равноправным членом общины (маркгеносс)⁹. Для более раннего времени это было общим правилом. Во многих документах подчеркивается, что князь имеет такие же права в марке, как и остальные члены общины, и может пользоваться богатствами ее только в том случае, если у него имеется собственное хозяйство (очаг, двор) в пределах марки.

Когда, например, в 1549 г. в вестфальской марке Эльброк рентмейстер Ибург от имени графа Теккенборха задал меркерам вопрос, не имеет ли графский двор больше прав в марке, чем соседние с ним дворы, меркеры, посоветовавшись между собой, заявили: «Двору разрешается не меньше и не больше, чем с двух сторон от него соседним дворам». А на вопрос, нет ли у самого графа

⁹ См.: Closhen B. Die Entwicklung der mittelrheintischen Markgenossenschaft am Beispiel des Kreises Neuwied. Bonn, 1972, S. 28.

особых прав в марке, они ответили, что им неизвестны какие-то особые права графа в марке, ведь ни они, ни их предки никогда не приглашали графа на свой меркердинг¹⁰. Крестьяне Карберской марки в 1499 г. на подобный вопрос представителя феодала ответили в насмешку, что сеньору от всего урожая желудей в марке принадлежит только то, что его оруженосец в состоянии собрать в свой приподнятый над головой щит, проезжая верхом на лошади через лес вслед за своим господином. Подобными примерами пестрят вейстумы до XVI в. включительно.

Когда возник институт обермеркерства, точно установить нельзя. Однако в XIV в. он уже кое-где существовал. С самого начала следует отметить, что во всех документах, где упоминается эта должность, подчеркивается, что ее занимает представитель класса феодалов — сеньор, князь или фогт. Судя по вейстуму марки Бабенхаузена, объединявшей 7 деревень и городок, в 1353 г. верховным меркером был избран господин фон Ханау, т. е. один из сеньоров. Причем меркеры подчеркивают, что право выбирать верховного меркера вытекает из того, что «марка общая собственность меркеров». Поскольку всегда выбирался только феодал, документы обычно констатируют: «наш господин — наш обермеркер». В таких случаях, разумеется, нельзя гарантировать, что обермеркер в данной общине выбирался. Он мог и унаследовать обермеркерство.

Для XVI в. характерны острые споры вокруг того, кто из феодалов должен быть или является обермеркером. Вот один из таких примеров. В 1554 г. душители Крестьянской войны в Тюрингии, Гессене и Франконии ландграф Филипп Гессенский и граф Филипп Нассауский созвали меркеров Бингенхеймерской марки (Веттерау), чтобы они определили, кто является их обермеркером. Само привлечение по этому делу меркеров говорит о каких-то традициях общинного, а не феодального происхождения. Сами высокопоставленные лица на собрании не присутствовали. Меркеры, проживавшие в 9 деревнях, выступали как единое целое, с одной стороны, и весьма последовательно защищали интересы ландграфа. Причем они ссылались только на традиции, не предъявляя никаких документов. С другой стороны, выступали полномочные представители графа Филиппа Нассауского. В ходе собрания выяснилось, что граф уже давно рас-

¹⁰ См.: Grimm J. Op. cit., Bd. III, S. 112.

смастривал себя обермеркером, но ландграф не считался с его претензиями. За 4 года до этого собрания ландграф закрыл марку, т. е. запретил кому-либо пользоваться ее богатствами. Следовательно, уже 4 года не удовлетворялись потребности крестьян-меркеров прежде всего в лесе, что вызывало недовольство. Когда представители графа зачитывали два документа, датированные 1451 и 1485 г., в которых говорилось, что обермеркером является граф Нассау, крестьяне-меркеры, посоветовавшись между собой, заявили, что они не верят копиям, пусть наассауцы докажут свое право оригиналами. После этого представители графа зачитали договор между графом и ландграфом 1494 г., в котором утверждалось, что оба — граф и ландграф — являются обермеркерами в Бинген-хейме. Но крестьяне, и на этот раз посоветовавшись, заявили, что подобный документ зачитывался на собрании уже и раньше, они точно не помнят, тот ли именно этот документ. В заключение они прибавили: «Но какой же это документ, если он без печати!» После долгого и острого спора именно крестьяне, члены общины — меркеры, приняли решение в пользу обермеркерства ландграфа Филиппа Гессенского. Привлечение к такому спору членов общины, в которую входили жители 9 деревень, вряд ли было бы необходимо, если бы марка была собственностью одного из этих феодалов. Ни при секуляризации церковных земель, произведенной Филиппом Гессенским, ни при других земельных спорах между феодалами крестьяне-общинники не привлекались в качестве арбитров. Западногерманский историк Б. Клошкен, хотя и присоединяется к тем, кто отрицает генетическую связь общины-марки интересуемого времени с более ранними формами общины, постоянно вынуждена считаться с тем, что четыре общины-марки, которые ею исследованы, были «действительно настоящими собственниками леса и пастбища» в пределах их марок¹¹.

Таким образом, можно констатировать, что территориальное распространение общины типа маркгеноссеншафт на землях так называемой Старой Германии, споры о том, чьей собственностью является марка, кто должен быть верховным меркером, и утверждение, что только тот может пользоваться безоговорочно марковыми богатствами, кто имеет свое хозяйство в пределах марки — все это свидетельствует о том, что община-марка значи-

¹¹ Cloushen B. Op. cit., S. 53—54.

тельно более древнего происхождения, чем те документы, в которых сказано о ней. Кроме того, даже самые первые по времени вейстюмы, фиксирующие этот тип общины, подчеркивают, что все записанное основывается на традициях. Когда буржуазные ученые ФРГ утверждают, что общины-марки XIV—XVIII вв. ничего общего не имеют с общинами-марками времен Каролингов, им кажется, что они воюют с марксизмом, который якобы представляет себе дело так, что общая земельная собственность (в том числе на пахотные земли) существовала еще в Каролингское время. На деле при Каролингах, как известно, уже не было свободной общины-марки. Она все больше попадала в зависимость от вотчины. Правда, официально западногерманские историки выступают только против Г. Л. Маурера. Один из этих историков не без иронии озаглавил раздел своей статьи словами: «Жила-была когда-то маркгеноссеншафт»¹², т. е. относит вопрос об общинной земельной собственности в область сказок. В связи с этим необходимо напомнить, что марксистская историческая наука никогда не считала, что в общине-марке существовала общинная собственность на пашню. Наоборот, она всегда подчеркивала, что сразу после того как на смену родовой общине пришла соседская, начала развиваться дуальная форма земельной собственности. Уже в земледельческой общине, которая исторически предшествовала общине-марке, угодья были дополнением к индивидуальным усадьбам и пашням. Частная земельная собственность — аллод — появилась еще в дофеодалное время, т. е. задолго до Каролингов. В существовании двух форм собственности К. Маркс видел пружину развития соседской общины¹³. Какая из двух форм собственности могла одержать верх, зависело всегда от среды или условий, в которых развивалась община. Чем больше развивались товарные отношения в сторону капитализма, тем сильнее становились частнособственнические стремления членов общины. Это, однако, вовсе не означает, что демократические силы общины, беднейшая часть крестьян не сопротивлялась этому процессу. В обстановке острой внутренней борьбы заинтересованным общинникам нередко и в период поздней-

¹² Steinbach F. Ursprung und Wesen der Landgemeinde nach rheinischen Quellen.— Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen. Stuttgart, 1964, S. 245.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 417.

го феодализма удавалось добиться принятия решений в пользу своих общинных интересов.

Каковы же были функции общины типа маркгеноссеншафта? Часть из них — общинный обход, собрание по выборам обермеркера и другие уже рассматривались.

Круг вопросов, который решался меркерами сообща, получил отражение в самых разных документах, среди которых важнейшими являются вейстумы, сельские распоряжки, судебные протоколы и др. На первом месте стояло собрание — меркердинг. Оно проводилось по заранее намеченным дням как очередное (*ungebotenes ding*) и по особым случаям как внеочередное (*gebotenes ding*). В обоих случаях присутствие членов общины было обязательным. Проводилась переключка и назначались штрафы за пропуски. Как правило, меркеры выбирали свое «правление» — «четверку» или «восьмерку». Нанимали маркмейстеров (специалисты по лесному хозяйству), лесничих, вестников, объездчиков. Все эти люди, как правило, не были меркерами, поэтому на общинном собрании решался и вопрос о том, какими льготами в марке могут пользоваться эти наемные люди. Марковые льготы давали им возможность пользоваться лесом и пастбищем, что было существенным дополнением к денежному вознаграждению за труд.

Меркеры решали на собрании вопросы о членстве. Об этом в документах сохранились косвенные данные. Так, например, в общине-марке Фельдкирхен (Средний Рейн) в XVII в. числился двор монастыря Мариенштатт, который по размерам не отличался от других дворов, но был обязан выполнять значительно больше различных повинностей в пользу обермеркера, чем другие меркеры. Такое особое положение монастырского двора свидетельствует о том, что он был принят меркерами в общину и в связи с этим на него была возложена обязанность принимать у себя и кормить обермеркера в те дни, когда тот приезжал по делам общины. В 1659 г. двор откупился от этой обязанности, внеся обермеркеру определенную сумму денег. Только после этого монастырский двор стал равноправным членом общины. Этот пример наводит на мысль, что при вступлении в общину требовалось, чтобы вступающий брал на себя какие-то обязательства, которые могли быть рассмотрены в качестве «вступительного взноса». Для XV в. имеются косвенные данные о присоединении к марке земли какого-нибудь исчезнувшего населенного пункта. В связи с этим жители исчезнувшей

деревни переселялись в населенный пункт, расположенный на территории марки, в которую включалась обезлюдевшая земля. Они, таким образом, становились членами новой общины, а земли населенной местности, в которой они раньше проживали, составной частью марки этой общины. Как члены новой общины они пользовались любым составом марки в равной степени, а их прежней маркой пользовались все члены общины. Подобные изменения могли иметь место и в XVI—XVIII вв. В документах имеются сведения и о выходе меркеров из общины. Обычно в документах это отражено формулой: «Они раньше были меркерами», «они относились к марке» и т. п. Б. Клошкен, не выясняя причины выхода, сообщает, что в 1630 г. после ухода из общины одного из ее членов, был заново составлен вейстюм¹⁴. Если это было так, тогда, очевидно, что не только вступающий мог приносить с собой какой-то земельный надел, но и уходящий из общины мог уменьшить составную часть марки, иначе было бы излишне пересматривать вейстюм, регулировавший вопросы пользования угодьями.

Меркеры начиная с XV в. постоянно заботятся о марковом лесе. Они не только охраняют его, но и сажают новый лес. Чаще всего они заботятся о посадке дуба, чтобы обеспечить корм для своих свиней. Постоянно предпринимаются меры по охране молодой поросли от повреждений. Меркеры решали все вопросы, связанные с использованием общинными угодьями. Как подчеркивается в документах, общине принадлежали лес со всеми его богатствами, водоемы и водные потоки со всем тем, что в них водилось и с энергией воды, все недра, воздух с птицей, летавшей в нем, и энергией ветра. Соответственно меркеры решали вопросы пользования лесом, водой, пастбищами. К вопросам пользования лесом относились заготовка и вывозка строевого леса и дров на топливо, охота в лесу, добыча торфа, мергеля и других ископаемых в лесу, возведение изгородей и установление пограничных знаков вокруг леса и т. п. К использованию воды относилось рыболовство, строительство и эксплуатация мельниц, строительство дамб и плотин. Вопросы пользования пастбищами включали и обязательства о сохранении и расширении пастбищ.

¹⁴ См.: Closhen B. Op. cit., S. 23.

Общинные угодья, как уже не раз подчеркивалось, рассматривались придатком к индивидуальным, частным хозяйствам. Поэтому формула распределения прав на общинные угодья звучала весьма уравнилельски: каждый имел право брать столько, «сколько кому надо», «сколько может увезти телега» и т. п. Также каждый меркер за одинаковый проступок в пределах марки платил одинаковый штраф. Чтобы, однако, убедиться в противоположном, необходимо обратить внимание на то, что хозяйства меркеров имели различные размеры. Более крупное хозяйство и нуждалось в большем и имело больше возможностей брать из общинного фонда, а штрафы за проступки затрагивали их значительно меньше, чем страдали от них мелкие и средние хозяйства.

Еще в XIV—XV вв. общины-марки время от времени ставили вопрос о строительстве водяных и ветряных мельниц. Однако потом мельницами занимались только феодалы, преимущественно князья. Мельничное дело стало их регалией, т. е. монопольным правом.

Характерно, что в XIV—XVIII вв. в общинах типа маркгеноссеншафт меркеры не решали вопросы полеводства, т. е. не устанавливали сроки сева, уборки, начала пастбы по стерни и т. п. Все это было компетенцией деревенских общин, т. е. более мелких объединений, чем общины-марки.

Общины-марки, таким образом, существовали в XIV—XVIII вв. на территории Старой Германии. Их положение не укреплялось, а расшатывалось. Это подтверждается спорами о том, кому принадлежат марковые земли — общине или феодалу. Если в начале рассматриваемого периода крестьяне говорят, что марка — их собственность, то затем все чаще подчеркивается, что она принадлежит феодалу, князю. Жалкие остатки общинной земельной собственности все же свидетельствуют о том, что когда-то вся земля принадлежала общине.

Вполне возможно, что не все общинно-марковые владения имели древнее происхождение, а сложились, как считает Г. Иенихен, только в XIV—XV вв. Приводимые им примеры приобретения общинами-марками земли — лесов, пастбищ, дворов и т. п. — звучат убедительно. Однако и он вынужден констатировать, что «права и обычаи, связанные с альмендой, постоянно совершенствовались начиная от германской древности до современности», т. е. отрицая генетическую связь между средневековой общиной и общиной каролингского времени, Иени-

хен не возражает против того, что их традиции связаны между собой¹⁵.

Об ослаблении роли общин-марок в XIV—XVIII вв. свидетельствует и то, что каждая деревня, входившая в общину-марку, кроме того, входила в свою деревенскую общину.

§ 2. Деревенская община

В XIV—XVIII вв. значительно более распространенной (практически во всех частях Германии), чем община-марка, была деревенская община, объединявшая жителей одной деревни. В документах она обычно называется *гмейнде*. Характерные черты деревенской общины получили освещение в деревенских распорядках (*Dorfordnungen*), составленных под диктовку феодалов, и судебных уставах, в составлении которых участвовали деревенские старосты, шеффены, а также соседи, объединенные в общину. Как правило, в присутствии полномочных представителей сеньора староста или в отдельных случаях фогт, как судья, ставили вопросы, на которые отвечали шеффены, а также держатели гуф (*Hufner*), соседи, крестьяне деревенской общины. Чаще всего деревенская община территориально и по составу совпадала с судебной общиной. Но имелось и немало случаев, когда в судебную общину входило несколько деревенских общин. О составе, организационной структуре и функциях деревенской общины судят главным образом по документам правового характера, в которых эти вопросы занимают подчиненное место.

Деревенские распорядки часто называются в литературе полицейскими распорядками (*Polizeiordnungen*). Это сеньориальные распоряжения, в которых изложены обязанности соседей деревни. Права крестьян в них совершенно обойдены. Характерно, что они исторически сложились в более позднее время, начиная с XVI в. В них говорится о противопожарных обязательствах крестьян, о поддержании крестьянами порядка на улицах и дорогах, о барщинных работах и оброках, соблюдении правил пользования наделами и угодьями. Территориально деревенские распорядки больше распространены в Остэльбии.

¹⁵ См.: Jänichen H. Markung und Allmende und die mittelalterlichen Wüstungsvorgängen im nördlichen Schwaben.— Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen. Stuttgart, 1964.

От них судебные уставы (Gerichtswestümer) отличаются тем, что в их статьях говорится не только об обязанностях крестьян, но и об их правах. Именно в них наиболее полно отражены общинные традиции, которые во многом напоминают традиции общин-марок.

Относительно деревенской общины к западу от Эльбы в буржуазной науке ведутся большие споры. Помимо историков в них участвуют археологи, картографы, почвоведы, филологи, краеведы. Наиболее признанной является точка зрения, изложенная на основе правовых документов К. З. Бадером¹⁶. Как и сторонники марковой теории, Бадер считает, что владельческие права крестьянских семейств, составляющих сельскую общину, на пахотные земли происходят от первоначальной общей собственности на землю общины-марки. Именно это положение в последние два десятилетия, как, между прочим, и в конце прошлого и начале XX в., ставится под сомнение учеными разных специальностей. Их воззрения обстоятельно и наиболее полно изложены в сборнике статей под названием «Начало сельской общины и ее сущность», изданном констанцкой рабочей группой историков¹⁷.

Буржуазные сторонники марковой теории в XIX в., как известно, исходили из того, что земельная собственность развивалась весьма прямолинейно от коллективной формы к частной и что община-марка в Каролингское время якобы еще была коллективным собственником всей земли, включая и пахотную. Они далее утверждали, что частная собственность на пахотные земли возникла постепенно в результате роста населения и других причин. Эта мысль была подвергнута критике уже Ф. Энгельсом, который говорил о развитии частной земельной собственности в виде аллода еще в дофеодалное время и считал, что крупная частная феодальная собственность возникла на основе мелкой аллодиальной земельной собственности крестьян¹⁸. Следовательно, в Каролингское время община-марка не могла быть общинным собственником пахотной земли. Методологическая установка

¹⁶ См.: B a d e r K. S. Das mittelalterliche Dorf als Friedens- und Rechtsbereich. Weimar, 1957; Idem. Dorfgemeinschaft und Dorfgemeinde. Köln-Graz, 1962.

¹⁷ См.: Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen. Stuttgart, 1964.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 497.

Ф. Энгельса легла в основу советских и вообще марксистских исследований.

Отрицая генетическую связь между общиной-маркой и деревенской общиной, западногерманский историк Ф. Штейнбах выдвигает точку зрения о том, что деревенская община образовалась из судебной общины. «Деревенские общины, — говорит Штейнбах, — возникли в результате отделения от судебных общин коммунального самоуправления, что происходило либо в одном округе, либо в судебных общинах образовывались коммунальные подразделения». Первые наброски деревенских общин, по Штейнбаху, наблюдались на рубеже первого и второго тысячелетия, а к XIII в. относятся первые документальные подтверждения существования в Рейнской области крестьянских деревенских общин (*communitas ville*) с общинной собственностью на усадьбы, пашню и альменду¹⁹. На первый взгляд может показаться, что утверждение Штейнбаха о происхождении деревенской общины из судебной общины является одной из многочисленных гипотез, имеющих распространение в буржуазной историографии. Однако главная цель сторонников этой теории заключается в том, чтобы показать политическое происхождение деревенской общины. Поскольку в науке не было сомнения относительно создания судебных общин властями, то, по мнению создателей этих теорий, и не может быть таковых при выяснении вопроса о том, кто создал деревенскую общину. В стремлении связать возникновение деревенских общин с политикой князей заключается классовая позиция Штейнбаха и его сторонников.

Из сказанного, однако, не следует, что вопросы о происхождении и истории деревенской общины при феодализме решены раз и навсегда в марксистской историографии. Перед марксистской исторической наукой стоит задача более глубокого и всестороннего изучения этой проблемы²⁰.

¹⁹ См.: Die Anfänge der Landgemeinde, S. 252, 285.

²⁰ В советской историографии выдвигаются различные точки зрения относительно происхождения, форм и роли деревенских (сельских) общин в XIV—XVIII вв. См., напр.: Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958; Негусхи А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1964; его же. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964; Бессмертный Ю. Л. Феодалная де-

Не вдаваясь в рассуждения о генетической связи между деревенской общиной и общиной-маркой, следы которой имелись и в XIV—XVIII вв., необходимо отметить, что оба типа имели прочные общинные традиции, которые во многом совпадали, и у обоих основная деятельность была направлена на регулирование взаимоотношений соседей по вопросам пользования общинными угодьями. Деревенская община объединяла крестьян и прочих жителей одной деревни, но и для них было характерно наличие общих лесов и пастбищ, называемых чаще всего альмендой, а иногда и маркой. Оформление деревенской общины с самоуправлением и наличием общих владений в виде альменды действительно началось в X—XI вв. Для XIV в. деревенская община уже была фактом, не подлежащим сомнению. Однако в то время, когда деревенская община продолжала развиваться по восходящей линии, община-марка стала затухать. В ней все большую роль начали играть князья и другие феодалы, а интересы рядовых членов общины-марки все больше связывались с делами деревенских общин. Буржуазные историки совершенно не учитывают, что деревенская община имела общую хозяйственную основу с общиной-маркой. Оба типа основывались на схожих хозяйственных потребностях крестьян.

Основные причины формирования деревенских общин, на наш взгляд, были: 1) более интенсивное развитие производительных сил, которое заставляло жителей одной деревни сосредоточить главное свое внимание на хлебопашестве, не отказываясь от прежних достижений в скотоводстве. Изменяется полеводство: появляются три больших пахотных поля, с учетом качества земли разделяемые на коны, внутри которых у каждого хозяйства имеется своя полоса; 2) происходят демографические изменения, в результате которых в отдалении от старых основывались новые деревни, которые нуждались в своей общинной организации; 3) возникает необходимость в более сплоченном выступлении жителей одной деревни против притязаний феодалов; 4) образуются городские общины, также влияющие на формирование дере-

ревня и рынок в Западной Европе XII—XIII веков. М., 1969; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседские крестьянские общины.— В сб.: Становление классов и государства. М., 1976; Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах.— Вопросы истории, 1977, № 2; его же. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981.

венских общин. Эти и подобные причины действовали особенно успешно там, где основывались новые поселения. Однако и там, где имелись старые поселения, происходят серьезные изменения — вырастают крупные деревни с большими пахотными полями.

Членами деревенской общины считались все жители деревни, которые имели «свой очаг» или «собственный дым», т. е. свой дом, а также усадьбу и пахотный надел. Сочетание дома, усадьбы и пашни было обязательным условием членства. Если один из трех компонентов отсутствовал, не могло быть и речи о «равных» правах в альменде и, следовательно, в общине. Проживавший в деревне без пахотного надела по решению общины мог пользоваться какими-то весьма ограниченными правами. Членом общины мог быть и феодал. Условием для этого было наличие его собственного хозяйства с пахотным наделом в пределах общинных владений. Если у феодала не было в данной общине собственного хозяйства, он не считался в праве пользоваться альмендой. В то же время феодал мог считаться членом каждой общины, в пределах владений которых он имел свое собственное хозяйство.

Общим владением всех членов деревенской общины считалась альменда, куда входили лес, пастбище, луга и поля после сенокосения и уборки хлебов, дороги, водоемы и т. п. Альменда могла полностью принадлежать деревенской общине, т. е. быть собственностью общины. Но она могла быть и только в общинном пользовании, в то время как права на ее собственность находились в руках феодального господина. В отдельных деревнях при общинном пользовании альмендой составные части ее могли принадлежать феодалу и самой общине. В XIV—XVIII вв. члены деревенской общины нередко покупали землю, которую они затем включали в альмendu. Покупалась она у феодалов и даже отдельных крестьян. Так, купленное крестьянское хозяйство (двор, усадьба и пашня) могло быть целиком превращено в пастбище, т. е. становилось альмендой — общинным достоянием. Г. Иенихен картографически исследовал процесс изменений структуры составных частей земельного комплекса (Markung und Allmende) деревенской общины в северных районах Швабии²¹. Он убедительно показал, что в интересующее нас время альменда менялась по

²¹ См.: Jänichen H. Markung und Allmende, S. 163—222.

структуре и своему расположению в составе земельного комплекса деревенской общины. Это объяснялось хозяйственными потребностями общинников. Общая тенденция была такова, что альменда росла за счет прикупленной земли или уменьшалась в результате выделения из нее земли под усадьбу молодоженам и т. д. Деревенская община старалась иметь пахотные земли в непосредственной близости к деревне. Обычно они сосредоточивались с двух или трех сторон деревни. Одновременно община старалась, чтобы и пастбище было расположено ближе к деревне, чтобы был доступ к нему из какой-нибудь части деревни. Расположение лугов зависело от рельефа — они сосредоточивались в низменных местах, которые затапливались и орошались естественным путем или на них не составляло труда соорудить искусственную оросительную систему. Лес, таким образом, все больше отодвигался от деревни. Все это предполагало корчевание леса там, где он оказался излишним, посадки леса в новых местах, превращение полей и лугов в пастбища и леса. На весь этот процесс, бесспорно, влияло и то, что в результате развития товарно-денежных отношений закреплялись владельческие права крестьян на землю.

Характерно, что деревенская община, имея свою альменду, если она входила также в общину-марку, пользовалась и общими угодьями последней. В то же время члены таких же деревенских общин, расположенных рядом с нею в пределах общины-марки, никаких прав на альменду данной общины не имели. Ко времени Крестьянской войны, таким образом, рядом и попеременно лежали леса и пастбища, которые могли быть альмендой деревенской общины, общины-марки или принадлежать феодалу. Последнее особенно характерно для церковных сеньорий. Особенно много лесов и лесков принадлежало лично архиепископу Майнцскому. Вот почему крестьяне в ходе Крестьянской войны, выставляя в качестве одного из своих главных требований возвращение феодалами их альменды, считали своим долгом оговориться, — если, разумеется, у феодала нет документа, подтверждающего, что альменда — его личная собственность. В действительности имели место случаи, когда крестьяне продавали часть альменды феодалу, чтобы использовать полученные деньги на разные общинные цели. Бывало, что альменда арендовалась общиной или община сама сдавала альменду или часть ее в аренду. Б. Клосхен исследовала возможность влияния общинной собственности общины-

марки на экономическое положение членов деревенских общин, входивших одновременно в общину-марку (на примере общин-марок Рейнской области в XVII—XVIII в.). В трех исследованных ею общинах-марках положение крестьян было не лучше, чем в соседних, не входивших в общины-марки. Здесь, как допускает и сама Клосхен, могли действовать различные иные факторы, не зависящие от общинной собственности²².

Деревенская община в XIV—XVIII вв. не была автономным организмом, в котором бы все вопросы вплоть до политических решались совершенно независимо от феодалов. В то же время в ней, как и в общине-марке, имелись сильно выраженные элементы самоуправления. Она везде выбирала свое «правление». Обычно оно состояло из «четверки». Выборы происходили ежегодно, поэтому община следила за соблюдением преемственности. В одном из решений сельской общины говорилось: «Необходимо, чтобы три, два или по крайней мере один из них остался, чтобы учить вновь избранных, как соблюдать общую пользу и собственность»²³. Избранные были полновластны решать все вопросы «относительно марки, дорог и тропинок, собирать все долги, заботиться о выгонах, пастбищах, рытье канав и т. п.» Их должны слушаться все, и что бы они ни требовали в интересах общей пользы, является обязательным для всех. Четверка обязана ежегодно отчитываться перед общинниками «о всех общинных делах, приходах, расходах и долгах». Община нанимает или выбирает различных должностных лиц — вестника, лесничего, объездчика и др. В отличие от четверки их труд оплачивается общиной. После того как четверка давала клятву все делать в общих интересах, община брала под защиту их честь и достоинство — любое оскорбление их наказывалось высоким штрафом.

Вновь избранная четверка, как правило, начинала свою деятельность с обхода всего того, что находилось в пределах деревенской ограды, если такая существовала, или просто осматривала строения и дворы. Главное внимание уделялось соблюдению интересов соседей. Строения должны были быть отдалены от границы двора на расстоянии от 2,5 до 6 футов, т. е. до 2 м. Если плодоносящее дерево своими ветвями перевешивало через границу между соседями, решалось, кому должны принадле-

²² См.: Cloushen B. Op. cit., S. 55—80.

²³ Grimm J. Op. cit., Bd. VI, S. 264.

жать плоды. Особому контролю подвергались дымоходы и отдельно стоявшие печи. Следили за исправностью изгородей и дорог, колодцев и навозных куч. Под председательством четверки или только ею принимались решения о начале сева, сроках пахоты, выпаса и т. п. Большое место в деятельности четверки и общины занимало полеводство. Весной приводились в порядок изгороди, которые ставились вокруг целого поля или отдельно лежавшего кона, а иногда только вокруг пастбища, если оно примыкало к полям. Обычно весной каждый хозяин приносил с собой на собрание от 2 до 4 жердей, которые использовались для заделки прорех в изгороди. Изгородь вокруг поля снабжалась «самозакрывающимися» воротами, которые навешивались весной и снимались после сбора урожая.

Община или четверка, опираясь на традиции и опыт, устанавливали правила пользования дорогами и тропинками. Существовали традиционные правила, по которым устанавливалась ширина проселочных, полевых и государственных дорог. Важнейшими были общинные правила пользования пастбищами. Община строжайше учитывала все виды пастбищ и подходы к ним. Она устанавливала прогонные правила через земли отдельных хозяев, сроки пастбы на пастбище, по стерни, в лесу и других местах. Луга во время сенокоса делились по жребию. Община регулировала вопросы, связанные с выполнением барщинных работ и уплатой продуктового и денежного оброков. Она устанавливала сроки и очередность при строительстве дорог, заставляла крестьян заготавливать и перевозить лесной материал для строительства господских сооружений, устанавливала нормы для углежогов и контролировала их деятельность в лесу, нанимала и рассчитывалась с пастухами, регулировала взаимоотношения с деревенским кузнецом и сапожником, строила и ремонтировала церковные и школьные здания, нанимала учителя, оказывала материальную помощь пострадавшим от стихийных бедствий — пожара, непогоды, эпидемий. В принципе она решала все вопросы, касающиеся всех членов деревенской общины. Во многих местах существовали крестьянские ополчения, за создание, вооружение и обучение их также отвечала община.

Таким образом, хозяйственные и общественные функции деревенской общины к западу от Эльбы были огромны. Но в любом случае нельзя забывать, что членами общины были крестьяне, которые вели свое хозяйство

индивидуально. При наличии общинного землевладения и общинного самоуправления крестьяне повседневно трудились индивидуально, обособленно. Даже тогда, когда выполнялись барщинные работы по строительству дорог, канав и дренажных сооружений, а также при посадке деревьев и т. п., когда, казалось, целесообразно трудиться коллективно, на сходках деревенской общины и согласно деревенским распорядкам предусматривалось, чтобы каждый член общины выполнял определенную долю работы своей собственной тягловой силой и собственными тружениками, своим инвентарем и за определенный срок. При усилении тенденции членов общины делать все во имя общей пользы, чтобы сохранить прежнее положение в общине, имелась и масса противодействующих факторов. Главный из них вытекал из противоречия между общинными и частными интересами. Каждый крестьянин в условиях XIV—XVIII вв. был прежде всего товаропроизводителем. Чем больше он втягивался в рыночные отношения, тем больше усиливалась конкуренция между ним и его соседями. Деревенская община в позднюю эпоху феодализма объединяет крестьян, хозяйства которых отличаются своим богатством. Общая тенденция, наблюдаемая в XIV—XVIII вв., такова, что пахотные земли переходят в руки все меньшего числа крестьян. В деревне появляется все большее число малоземельных и безземельных. Имущественная дифференциация постепенно превращается в социальную. После XVI в. в деревне богатым крестьянам противостояли люди, которые являлись потомками бывших членов деревенской общины и которые вынуждены были добывать себе на пропитание ремесленным трудом либо наниматься к проуспевающим односельчанам.

Во многих местах община выполняла и судебные функции. За мелкие проступки в пределах общинных владений в деревне она сама наказывала. В ее компетенции находились наказания за взаимные оскорбления, нарушения общественного порядка, мелкие кражи и воровство. Такие провинности наказывались мягко. Значительно суровее поступала община в случае нарушения правил пользования лесом и пастбищем. Иногда проводился «допросный суд» (Ruggericht). На нем обычно присутствовало представительство от феодала. Во время его проведения судья или староста задавал двум соседям один и тот же вопрос: что они друг у друга заметили такого, что должно быть наказано. Иначе говоря, на таком

суде крестьяне должны были взаимно разоблачать. В этом больше всего были заинтересованы феодалы. В сущности это была одна из форм круговой поруки.

Таким образом, если по вопросам организации самоуправления и традициям между деревенской общиной и общиной-маркой существовало много общего, то хозяйственные функции деревенской общины были полнее и охватывали не только вопросы общинного характера, но и немало таких, которые на первый взгляд должны были быть частным делом каждого члена общины. В отличие от общины-марки деревенская община ставила под свой контроль деятельность отдельного ее члена на поле и в усадьбе, в то время как община-марка ограничивалась решением только тех вопросов, которые были связаны с общей маркой или альмендой. Для XIV—XVIII вв. к ним относились преимущественно леса и пастбища. По документам не удалось обнаружить случая, по которому можно было бы считать, что деревенская община организационно или в другой форме подчинялась общине-марке. Не разрушая старые общинно-марковые организации, крестьяне, входившие в деревенскую общину, сохраняли определенный общий резерв леса и пастбища, который использовался дополнительно к принадлежавшей им деревенской альменде. Подобного резерва не было ни в Остэльбии, ни в местах, возникших в ходе внутренней колонизации.

Несмотря на типологическую общность деревенских общин, в XIV—XVIII вв. между ними существовали и различия. Каждая деревенская община имела свои местные традиции: в одних делили пахотные наделы по жребью, в других наделы были неразделимо связаны с усадьбой. Нередко встречались деревенские общины, которые кооперировались при купле альменды, чтобы затем, согласно общим правилам, пользоваться ею. Были и различия, определявшиеся рельефом земли, количеством членов общины и т. п.

Специфическая форма деревенской общины сложилась на остэльбской колонизованной территории. Буржуазные историки утверждают, что образована она была по воле феодалов, которые делали это согласно какому-то общему плану. В действительности здесь деревенские общины возникали следующим образом. Переселенцы с Запада создавали свои хозяйства по образцу прежних поселений, учитывая опыт и традиции и считаясь с местными условиями. Они и на новом месте оставались хле-

бопашцами, сочетавшими земледелие со скотоводством, что уже делало общинную организацию неизбежной. В то же время следует считаться с тем, что во главе переселенцев стоял локатор, который становился старостой и часто деревенским судьей по воле сеньора (Grundherr). Как старосте ему принадлежало наследственно самое большое хозяйство в деревне (если переселенец-крестьянин получал гуфу, то каждая четвертая гуфа в деревне принадлежала старосте). Вместе со старостинским наделом наследовались должности старосты и судьи. Именно это давало возможность старосте в Остэльбии почти полностью лишить общину демократических начал. На сходках общинник был почти бесправным, так как его туда приглашали, чтобы он выслушивал определенные распоряжения, к его же жалобам мало прислушивались. На Востоке крестьяне, как и на Западе, пользовались общинными пастбищами и лесами, здесь в большинстве деревень существовали трехполье, чересполосица и принудительный севооборот, на общины возлагались обязанности строить и содержать дороги, мосты, изгороди, церковные здания, школы и т. п., существовала круговая порука. Но при всем этом вопросы ведения хозяйства, управления и другие решались не общиной, как на Западе, а старостой, который в первую очередь отстаивал интересы феодалов. Рыцари насильно и путем купли приобретали старостинские наделы вместе с должностями, образовывали на их основе свои фольварки и превращали жителей деревни в крепостных. Процесс этот начался уже в XIV в. и окончательно победил после Тридцатилетней войны. В Остэльбии не было фиксированных общинных традиций, потому что общинные порядки предписывались, и крестьяне не участвовали в их составлении. Община здесь не выполняла самоуправленческих функций в том широком смысле, как это было свойственно деревенской общине к западу от Эльбы. Отсутствие в Остэльбии деревенской общины с демократическими традициями сказалось отрицательно на положении крестьянства и лишало его естественной организации в борьбе с феодальным гнетом.

В Остэльбии, где нередко пахотная земля располагалась непосредственно за усадьбой или при односторонней улице напротив усадьбы, не возникала необходимость в принудительном севообороте и иногда даже — в совместном пастбище. Гуфа в 40 га и больше при отсутствии чересполосицы была достаточно удобна для выделения

индивидуального пастбища. Поэтому деревенская община во многих местах Остэльбии выполняла исключительно податные и судебные функции.

§ 3. Дворовая община

Возникновение дворовой общины связано с распадом вилликационной системы, или системы барщинных дворов (Dinghof), в XII—XV вв. С самого начала поэтому известно, что она образовалась заново. Очевидно, бывшие дворовые люди наделялись земельными держаниями в виде усадеб и пахотной земли, становясь таким образом самостоятельными хозяевами. Поскольку для их хозяйств была типична та же форма производства, что и для крестьянских хозяйств, существовали и веские причины образования общины.

Буржуазная историография считает, что дворовая община создана по воле и инициативе владельца вилликационного, или барщинного, двора. Но в связи с этим возникает вопрос, почему в таком случае обычаи и традиции, существующие в дворовой общине, имеют так много общего с обычаями и традициями общин-марок и деревенских общин? Каковы социально-экономические причины создания дворовой общины? Прежде всего держателю или арендатору бывшей дворовой земли были нужны общинные угодья — леса, пастбища, воды и т. п. Сочетание хлебопашества, огородничества, садоводства со скотоводством — явление неизбежное на уровне развития производительных сил того времени. Далее важно, что вновь созданные хозяйства оставались связанными с бывшим барщинным двором — туда они сдавали свои оброки. Здесь мог находиться и суд, которому они подчинялись и куда должны были приходить в присутственные дни. Иногда тут же находилась церковь, к которой они относились «живыми и мертвыми». Иначе говоря, с двором существовали экономические и социальные связи, которые продолжали действовать и после реорганизации системы барщинных дворов.

Для дворовой общины с самого начала возникала необходимость в приобретении общинных угодий. Бросается в глаза, что дворовые общины постоянно находились в конфликтах с общинами-марками и деревенскими общинами из-за альменды, в то время как подобных споров между общинами-марками и деревенскими общинами не велось. Спорили по поводу того, кому должен принадле-

жать тот или иной лесок или небольшой кусок пастбища, луга и т. п. Характерно, что деревенские общины и общины-марки в спорах ссылались на традиции и давность принадлежности им конкретных земель, дворовые же общины в качестве довода, что данное угодье должно принадлежать им, говорили, что они получили его от господина. Следовательно, при образовании дворовой общины было нелегко решить вопрос об альменде. Ее необходимо было создавать. На этой основе возникали конфликты, не прекращавшиеся даже в течение веков.

В ходе формирования альменды для дворовой общины возникали различные варианты. Наиболее частый: господский двор был расположен в деревне, жители которой входили в деревенскую общину либо в общину-марку. На этом основании господский двор или владелец его считался равноправным членом общины, т. е. наравне с соседями пользовался лесом и пастбищем. Это право двора переходило теперь на всех членов дворовой общины. Естественно, что этого им было мало. В то же время соседствовавшие с ними крестьяне не соглашались каждому новому хозяйству, образовавшемуся на бывшем господском дворе, предоставлять равные права с остальными членами общины. Поэтому вставал вопрос, откуда брать земли для альменды дворовой общины. Чаше всего дворовая община покупала разорившееся хозяйство и превращала его земли в альмendu, т. е. использовала их как пастбище или лес. Нередко альменда составлялась из дарственных земель: семья феодала дарила земли дворовой общине с условием, что члены ее на протяжении последующего времени в определенные часы будут бить в колокола и молиться за членов семьи феодала. Иногда такие земли передавались феодалом за определенные оброчные обязательства.

Споры из-за альмендиальной земли, в которые были замешаны дворовые общины, наглядно показывают, что феодалу, если бы он хотел, было бы нелегко создать дворовую общину. Нет сомнения, что он был в ней заинтересован, так как при ее помощи ему было легче собирать оброки, заставлять крестьян выполнять различные его требования. Община обеспечивала круговую поруку. Но если бы действительно феодал выступал создателем деревенской и дворовой общин, ему было бы легче включить новые хозяйства на бывшем барщинном дворе в уже существовавшую деревенскую общину. Вся трудность, очевидно, заключалась в том, откуда брать земельные

угодья для дворовой общины. Этот вопрос в конкретных условиях решался по-разному, но не без конфликтов.

Функции дворовой общины в принципе не отличались от функций деревенской общины. Совместно решались хозяйственные вопросы: установление границ усадеб, ширины дорог и улиц, размежевание пахотных наделов, соблюдение полеводческих правил, пастьба разных видов домашнего скота, установление порядка во ~~всех~~ частях наделной и общинной земли. В документах дворовых общин значительно чаще, чем в вейстях деревенских общин, содержатся пункты об обязательствах членов общины по отношению к феодалу. По своим функциям дворовая община ничем не отличалась от деревенской общины, разновидностью которой ее и следует рассматривать.

Дворовая община по составу немногочисленна. Чаще всего она насчитывает меньше одного десятка членов. Хозяйства членов дворовой общины меньше по размерам, чем у полноправных членов деревенской общины.

Доводом в пользу того, что не феодал был создателем дворовой общины, может служить еще следующее обстоятельство. В ходе роспуска системы барщинных дворов на юге Германии и вдоль Рейна образовалось немало хозяйств арендаторов-мейсеров. Они арендовали либо весь бывший барщинный двор, либо часть его. Иногда к ним стекались все нити от членов дворовой общины, тогда их арендованный двор был центром дворовой общины. Но значительно чаще хозяйство арендатора основывалось там, где не было барщинного двора, — на его земле, но в стороне от него. Такие дворы оставались вне общины. У них не было альменды. Документы постоянно свидетельствуют о том, что одиноко лежащие дворы мейсеров не имеют никаких прав в альменде.

Следовательно, утверждение буржуазных историков, что деревенские и дворовые общины являются формированиями, созданными по воле феодалов, безосновательны. Нельзя также согласиться с тем, что в основе деревенской общины находилась судебная община, выполнявшая политические функции. Скорее судебная община возникала там, где имелась деревенская община со своими традициями и прочными связями. Судебная община прежде всего опиралась на народные традиции регулярного проведения собраний. Совершенно не случайно большинство судебных распоряжков составлены по традиционной народной форме: судья спрашивает, шеффены или

общинники отвечают. Если бы было наоборот, то возникает вопрос, зачем феодалу понадобилось спрашивать у общинников разрешение на то, чтобы начать суд, или на то, чтобы получить их согласие на правильность процедуры открытия заседания суда, размещения за столом судей и т. д. Во всем этом феодал мог обойтись без общинников. Никаких предписаний не существовало, все это основывалось на традициях, в сохранении которых были заинтересованы крестьяне.

Оба типа общины — община-марка и деревенская община — объединяют жителей деревни, которые являются собственниками или владельцами отдельных хозяйств и нуждаются в совместном регулировании вопросов собственности или владельческого, хозяйственного, бытового и управленческого характера. Община-марка объединяет жителей одной деревни или нескольких десятков деревень. Деревенская община, как правило, не выходит за пределы одной деревни. Если община-марка в XIV—XVIII вв. регулирует вопросы, связанные исключительно с общими владениями — маркой, то деревенская община занимается всем комплексом дел деревни, в том числе и выполнением рентных обязательств и государственных повинностей. Община-марка ограничивает свои совместные действия собраниями, на которых регулируются вопросы индивидуального пользования лесом и лугами и коллективного пользования пастбищем. Круг вопросов совместных действий деревенской общины шире: на ее собраниях или сходках принимаются решения или даются распоряжения о дележе пашни и лугов, строительстве дорог, одновременном начале полевых работ — пахоты, косьбы, жатвы, поднятии стерни, об осмотре строений, круговой поруче и многих других делах.

ГЛАВА IV. БОРЬБА ПРОТИВ ФЕОДАЛОВ ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Решающую движущую силу в ранней буржуазной революции, которая развивалась в виде Реформации и Крестьянской войны, составляло крестьянство Германии. В ряде районов оно выступало в союзе с плебеями и радикальной оппозицией городов, а также с горнорудными рабочими. К своему главному революционному выступлению крестьянство шло сложным и долгим путем классовой борьбы, нараставшей и набиравшей силу в течение двух столетий. За это время она прошла в своем раз-

витии два этапа: до 70-х годов XV в. антифеодальная борьба крестьян не выходила за пределы ограниченной территории и не ставила перед собой задачи уничтожения феодальных общественных отношений. Положение изменилось в 1476 г., когда впервые была выдвинута антифеодальная социально-политическая программа, предусматривавшая полное уничтожение феодальных отношений и образование нового общества. Хотя с этого года и прослеживается прямая связь между всеми событиями, происходившими после восстания Ганса Бегайма, и Крестьянской войной, на тактику и поведение крестьян в ходе войны оказывал влияние весь опыт, приобретенный революционным крестьянским движением.

§ 1. Крестьянские движения в Германии в XIV в. и до 60-х годов XV в.

С 1336 по 1339 г. на территории Франконии, Швабии, Гессена, Пфальца, Эльзаса, Шварцвальда и Лотарингии происходили вспышки крестьянских выступлений, которые вошли в историю под названием движения армледеров¹. По всей вероятности, уже тогда образовалось крестьянское войско, ядро которого составляли малоземельные крестьяне, и наряду с военным предводителем выступал и идейный руководитель. Где бы ни появлялся быстро маневрировавший вооруженный отряд крестьян, к нему присоединялись местные вооруженные группы крестьян и городских низов. Однако при переходе основного отряда в другой район они его покидали. По сообщению хронистов, в самый критический момент 1338 г., когда крестьянское войско сражалось у стен эльзасского города Кольмар, оно насчитывало около 2000 человек. При полном отсутствии сведений о программных требованиях антифеодальной характер движения армледеров подтверждается только тем, что против него объединились князья, крупные феодалы, городские советы, весь патрициат, большинство бюргеров и дворян, а император обращался несколько раз к различным группам класса феодалов с призывом объединить свои усилия против движения армледеров.

Правда, антифеодальный характер борьбы не был в достаточной мере осознан восставшими. Этим объясня-

¹ Армледер — кожаные наручи, служившие оборонительным вооружением представителям крестьян и городских низов. Несколько предводителей крестьян было известно под названием «король Армледер».

ются факты, когда отдельные крестьянские отряды подавались на провокации католической церкви и городского патрициата и нередко направляли свой удар не против феодалов, а против связанных с ними городских ростовщиков. На первом этапе выступления армледеры преимущественно действовали методами «разбоя». Однако крестьяне постепенно оставляли свои разбойничьи действия. Выступления армледеров сильно напугали класс феодалов, и не случайно волнения крестьян в 40—50-х годах XIV в. клеймились господствующим классом как «мятежи армледеров», хотя восставшие себя так уже не называли.

На рубеже XIV и XV вв. среди немецких крестьян становится популярной борьба по швейцарскому образцу, или по-швейцарски. Для борьбы по-швейцарски характерно, что крестьяне Юго-Западной Германии активно поддерживали действия швейцарцев против феодального господства за независимое существование «крестьянского государства», сами грозили собственным феодалам, что поступят, как швейцарцы, создадут свои территориальные объединения типа швейцарских кантонов и перейдут в Швейцарский союз. Южногерманские крестьяне на этом этапе антифеодальной борьбы были охвачены утопической идеей о возможности создания своего крестьянского государства, которое могло бы существовать на равных началах с феодальными княжествами и самоуправляющимися городами. Решающее влияние на эти воззрения имели реальные успехи швейцарцев, союз которых после ряда убедительных побед крестьянского (по преимуществу) войска был в 1389 г. признан Габсбургами, и победы многочисленных немецких городов над сеньорами. Самоуправление городов или их непосредственное подчинение императору в такой же мере, как и независимость швейцарцев, оказывали заманчивое воздействие на крестьян до самой Крестьянской войны.

Начиная с 1401 г. и в течение более десяти лет крестьяне Аппенцелля вели вооруженную борьбу против аббата Куно Галленского. Они неоднократно разбивали объединенные вооруженные силы феодалов Австрии и Вюртемберга, разрушили более 30 бургов, временами устанавливали контроль над десятками городов и добились того, что их включили в состав Швейцарского союза, и этим они избавились от господства Габсбургов². Успех

² См.: Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией, с. 166—170.

аппенцеллов был бы невозможен без активной поддержки их крестьянами Тироля, Форальберга, Рейнталя, Тургау, Роттенбурга и других районов, откуда шло пополнение людских сил, транспортных средств и продуктов питания.

Примечательно, что под влиянием успехов Аппенцелля возник на территории Альгау боевой союз швабских крестьян. Правда, надежда союза на вооруженную помощь швабских городов не оправдалась. В то же время города выступили инициаторами переговоров между крестьянами и феодалами, в результате которых был оформлен договор. В нем феодалы признали ряд требований крестьян. Договор не соблюдался феодалами, однако это был первый договор, в котором крестьяне выступают как равноправная с феодалами сторона. В дальнейшем крестьяне в ходе восстаний постоянно стремятся урегулировать свои споры с феодалами на «законных», т. е. феодальных началах, до тех пор пока феодальному праву они не противопоставляют требование установления «божественного права». Переговоры крестьян с феодалами в ходе вооруженной борьбы и заключение двусторонних договоров — особенность антифеодальной борьбы в Германии. Во время Крестьянской войны переговоры использовались реакционными феодальными силами для передышки, консолидации своих сил и подготовки решающего удара. В отдельных случаях крестьянам все-таки удавалось заключить договоры, которые соблюдались и после поражения Крестьянской войны.

В 30-х годах XV в. наблюдается оживление крестьянских волнений в связи с распространением влияния чешско-гуситского, особенно таборитского движения. Активно участвовали в этой борьбе не только крестьяне соседних с Чехией районов Тюрингии и Саксонии, но в 1431—1432 гг. развернулось также грозное крестьянское движение в Вормском архиепископстве. К нему присоединились крестьяне соседних районов Майнцкого архиепископства и графств Каценеленбоген, Шпонгейм, Нассау и др. Феодалы во главе с герцогом Людвигом Пфальцским жестоко подавили восстание и казнили крестьянских предводителей. Требования крестьян не сохранились: их содержание казалось хронисту настолько дерзким, что он под этим предлогом не включил их в свой текст, повествующий о восстании. По всей вероятности, под влиянием гуситов крестьяне выдвигали как социально-экономические, так и политические требования. Фе-

одалов особенно испугало стремление вормских крестьян создать свою крестьянскую организацию, которая могла бы стать основой для объединения разнородной политической оппозиции³. В ходе вормского восстания впервые придавалось значение крестьянскому знамени, хотя на нем еще и не было изображения башмака.

Важной вехой в борьбе крестьян Юго-Западной Германии являлись события 1439—1445 гг. Тогда крестьяне защищали не только свои интересы, но и проявляли солидарность с швейцарскими крестьянами, которые подверглись нашествию французских феодалов, так называемых арманьяков, под предводительством дофина Людовика. В сложной обстановке борьбы с собственными феодалами и французскими интервентами крестьяне Германии впервые подняли знамя «Башмака». Под ним объединились крестьяне разных господ и князей из нескольких областей. Лучше, чем прежде, организованные и вооруженные отряды крестьян наносили поражения арманьякам, нередко они действовали сообща с швейцарскими отрядами и объединялись с городской оппозицией против феодалов и городского патрициата. Поражение и изгнание арманьяков были результатом сплоченных действий немецких крестьян, швейцарцев и городских низов. Со времени этих событий крестьянский символ «Башмак» встречается во всех волнениях крестьян и превращается в грозную антифеодальную силу, приводя в трепет и наводя ужас на феодалов.

Следующее крупное крестьянское движение в 1460 г. в области Хэгау началось с того, что знамя с изображением башмака и плуга выставлялось в нескольких населенных пунктах в местах скопления народа, чтобы вокруг него могли собираться недовольные и создавать свои отряды. И вновь восставшие устанавливают контакт с швейцарцами. О содержании крестьянских требований, которые должны были обсуждаться на намечавшемся крестьянском съезде, сообщает частично хронист, частично требования содержатся в обращении к епископу восемнадцати представителей знати⁴. Наиболее общий характер имели три требования: соблюдения традиционных размеров барщины, отмены посмертного побора и выполнения со всей строгостью существующих законов. Не перечисляя остальные пункты, хронист говорит о них,

³ См.: Смирин М. М. Указ. соч., с. 120, 121.

⁴ См. там же, с. 227—230.

что «почти все они были направлены против дворян». В приложении к своим требованиям крестьяне подчеркивали, что они выступают против новых видов барщинных работ, незаконных штрафов, повинностей, связанных с усилением личной зависимости, и попыток превращения свободных крестьян в зависимых. Как видно из перечисленных требований, хэгауские крестьяне впервые наиболее настойчиво выступали против начавшейся во второй половине XV в. сеньориальной реакции. С каждым последующим выступлением борьба против сеньориальной реакции усиливается. Обострилась она и приняла самые широкие масштабы в деревенских общинах, где крестьяне использовали любую возможность для того, чтобы высказать феодалу свое недовольство, либо сопротивляться введению феодалом новых видов повинностей. Хэгауские крестьяне выдвигали наряду с социально-экономическими также политические притязания по отношению к князю.

Таким образом, крестьянские движения в XIV в. и до 60-х годов XV в. охватывают в основном территорию, расположенную вдоль Верхнего Дуная, Верхнего Рейна и частично Среднего Рейна и Майна, в целом это регион Юго-Западной Германии, который оставался наиболее активным до и во время Крестьянской войны. В ходе этих классовых боев крестьяне научились создавать свои вооруженные отряды, используя знамя с изображением башмака и иногда других атрибутов крестьян, выдвигали и формулировали свои требования, устанавливали боевой союз с швейцарцами, оформляли или пытались заключить союзы с городскими низами и городской оппозицией, вели переговоры (нередко при посредничестве городов) с феодалами и заключали договоры с ними, которые, однако, последними чаще всего не соблюдались. Все эти тактические приемы крестьян в той или иной мере использовались в дальнейшей антифеодалной борьбе.

§ 2. Выступление под руководством Ганса Бегайма и крестьянские заговоры конца XV — начала XVI в.

Впервые наиболее прочно социально-экономические и политические требования и цели крестьян Германии переплетаются в массовом движении 1476 г., известном как восстание Ганса Бегайма.

Своеобразие событий весной и летом 1476 г. заключается в том, что движение крестьян началось как па-

ломничество к иконе богоматери в церкви Никласхаузен-на епископства Вюрцбург. Казалось, движение ничем опасным феодальному строю не грозит. Церковь давно уже выступала организатором паломничества к разным святыням, в том числе и к этой иконе. Делала она это с целью усиления своего авторитета прежде всего у трудового населения и увеличения притока богатств в свою казну. Давно уже церковь прибегала и к услугам «народных» проповедников, готовя их к этому и постоянно контролируя их деятельность.

В отличие от обычных паломничеств в 1476 г. инициатором и проповедником хождения в Никласхаузен выступил выходец из немецкой сельской бедноты Ганс Бегайм, не имевший церковной подготовки. Он до этого был пастухом (в одном из документов он назван свинопасом)⁵, играл на флейте и других инструментах, славился как затейник во время деревенских свадеб и народных праздников. Деревенские пастухи вместе с разными сельскими ремесленниками и поденщиками составляли низший социальный слой деревни, вынужденный зарабатывать себе на пропитание, так как у них либо вовсе не было земли, либо ее было очень мало. Единственно, чем выделялся из этой среды «юноша», как его ласково называли в народе, были его разносторонние дарования. К уже перечисленным следует прибавить его умение красиво говорить и сочинять стихи. Своими выступлениями с проповедями, как будто он был посвященным деятелем церкви, Бегайм предвосхитил учение М. Лютера о том, что священником является каждый христианин от рождения, независимо от его социальной и профессиональной принадлежности.

По призыву Г. Бегайма в движение пришла огромная масса крестьян, особенно откликнулась деревенская беднота. За неделю до пасхи собралось 60—70 тыс. паломников. Приходили из Баварии, Швабии, Эльзаса, Гессена, Франконии, Саксонии, Тюрингии, Рейнской области, Веттерау и многих других районов, приносили с собой знамена, хоругви, восковые свечи, много даров и жертвенных предметов, располагались возле «святого места» на лугах и полях, чтобы задержаться на длительное время. Особенно бросалось в глаза, что приходило много поденщиц и поденщиков, которые шли прямо с работы,

⁵ См.: Ермолаев В. А. Крестьянские движения в Германии перед Реформацией. Сб. документов. Саратов, 1961, с. 54.

звек с собой орудия труда (серпы, косы, грабли, мотыги), а некоторые имели и холодное оружие. Документы свидетельствуют и о девушках с развевающимися волосами, беременных женщинах, юношах и старцах, возлагавших особые надежды на личное спасение⁶.

Бегайм, как было принято в подобных случаях, проповедовал и требовал аскетизма, говорил о видениях и произносил мессианские предсказания о близком конце старого мира и наступлении нового. Однако с самого начала вопреки религиозной форме созыва людей в принадлежавшем церкви месте, проповеди были направлены против католической церкви. Пастух и литавщик осуждал светскую власть папы, учение церкви об адском огне и чистилище, судебные права церкви, епископское право на светское отлучение и суд, т. е. в его проповедях было много того, что церковь считала ересью. Особое место в его проповедях занимало требование отказа церкви от десятины. Бегайм объявлял папу вместе с императором «негодными злодеями» и требовал полного истребления духовенства. Его ересь, таким образом, принимала социально-политическую окраску, так как была направлена против богатств церкви, нажитых эксплуатацией народа, и всего церковного правления во главе с папой римским.

Совершенно новым был радикализм антифеодальных высказываний Бегайма. Прежде всего он требовал возвращения альменды крестьянам и полной ликвидации барщины, что было направлено против наступления сеньориальной реакции и стало одним из главных требований дальнейших выступлений крестьян. Наряду с этим он настаивал на сокращении и ликвидации экономического господства светского и духовного дворянства, на полном лишении собственности господ и низведении их к положению простых тружеников: все должны одинаково работать. 'В его требованиях содержались идеи общности имущества и социального равенства: пусть все будет общим, никто не должен иметь больше другого'. Его идеи аскетизма были также направлены против неравенства.

Крестьянам было близко все то, о чем говорил Бегайм. Религиозная основа социальных проповедей при-

⁶ См.: Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 64, 69, 70; Hoyer S. Neues zum Preiffer von Niklashausen.— Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. B., 1979, H. 3, S. 214.

⁷ См.: Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 37, 50, 63; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 378—379.

давала в набожном воображении крестьян святость и законность требованиям Бегайма. В нем видели пророка новой справедливости. Все, что он говорил от имени богоматери, принималось как проявление высшей воли.

Когда настало удобное время, по словам хрониста Видмана, Бегайм обратился к слушавшим его массам с призывом «принести свое оружие» в назначенный им день, тогда он сообщит им, что «они должны делать по воле божьей матери»⁸. И народ откликнулся на призыв. Пришло много вооруженных. Назначенный день стал смотром антифеодальных сил Германии, среди которых преобладала сельская и городская беднота. Вопреки всем запретам, исходившим от светских и духовных властей с первого дня паломничества, огромное количество народа обширной территории находилось в состоянии революционного антифеодального подъема. Незрелость и неподготовленность крестьянских масс к восстанию выражались прежде всего в том, что крестьяне надеялись не столько на самих себя, сколько на чудо, которое должно случиться. В их глазах Бегайм был настолько святым, а их надежды настолько справедливы, что, по их мнению, в решающий момент за него должны заступиться сверхъестественные, божественные силы. Но чудо не случилось. «Юноша» был схвачен представителями епископа и посажен в тюрьму. Поход около 16 000 крестьян к епископскому замку, чтобы освободить Бегайма, по выражению современника, походил на обычное паломничество. Основная часть участников похода не была вооружена. Шли с зажженными свечами и в ответ на нападение епископской конницы оборонялись камнями. Крестьяне были разгромлены. Бегайм, подвергшийся пыткам во время допроса, был казнен. Паломничество, однако, продолжалось еще много месяцев после его казни. И только после того как была по приказу властей сломана церковь в Никласхаузене (что было чрезвычайным случаем в феодальном обществе), паломничество туда прекратилось.

В событиях 1476 г. исключительно наглядно выявилось главное своеобразие эпохи: религия настолько пронизывала жизнь и воззрения крестьян, что они не могли себе представить справедливость собственных требований без религиозного благословения. Это понимал и Бегайм. Не от своего имени и не прямо он призывал к во-

⁸ Ермаолаев В. А. Указ. соч., с. 71.

оруженному выступлению, а от имени богоматери, которая раскроет свою волю только вооруженному народу. И все же за всем этим нельзя не видеть антифеодальный характер выступления крестьян. Одна из главных причин успеха проповедей Бегайма заключается в том, что в них значительно больше, чем когда-либо раньше, переплетались эсхатологические и хилиастические идеи с конкретными социально-политическими требованиями.

После поражения движения как никогда раньше ощущалось отсутствие организации, которая могла бы возглавить массу недовольных, готовых что-то делать. На время наступило затишье. Но уже в 90-х годах XV в. начинается полоса заговоров, которая продолжалась вплоть до Реформации.

Для нового этапа антифеодального движения характерно создание тайных объединений, заговоров, с целью организовать и возглавить борьбу против господ, захватить власть и предпринять намеченные программой социально-экономические и политические преобразования. Одной из задач, которую ставили перед собой организаторы заговоров, было стремление придать своей программе и самому движению характер законности. Новым было и то, что крестьянские вожди искали формулу, которая могла бы оправдать действия крестьян и низвести с пьедестала католическую церковь и религию, служивших и оправдывавших феодальный строй. Все большее распространение получали представления о «божественном праве» и «божественной справедливости». Массы крестьян верили в то, что они существуют, нет только силы, которая их могла бы установить. Нет ничего удивительного в том, что эти идеи имели вначале весьма смутные очертания.

В 1493 г. был составлен первый заговор «Башмака» в Эльзасе. Среди его руководителей выделялись Ганс Ульман — бывший бургомистр Шлетштадта и Якоб Хэузер — староста имперской деревни Блиеншвейлер. На собиравшихся тайных сходках присутствовали представители многих деревень. Каждый участник собрания давал клятву не разглашать тайны. При этом в особом пункте говорилось, чтобы «не исповедоваться относительно их заговора», скорее, чем сообщить это, «позволить разорвать себя на части»⁹. Настойчиво вербовались члены организации. Предполагали связаться с швейцар-

⁹ Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 80, 85, 87.

цами. Одни мотивировали это тем, что необходимо взаимно информировать о ходе дел, а другие ожидали помощи от швейцарцев. Заговорщики составили хорошо продуманный план вооруженного выступления, заранее назначили отрядных командиров и определили верховное командование. Были предусмотрены связные. Участники заговора давали клятву твердо поддерживать друг друга вплоть до выкупа из тюрьмы в случае провала кого-нибудь из них.

О всестороннем обдумывании цели и организации заговора свидетельствует также и то, что программные требования были разделены на две части. Первая состояла из трех пунктов, которые по содержанию и форме не противоречили действиям, согласованным с законами. В случае провала их можно было сообщать властям. Вторая часть, включавшая важнейшие требования, направленные против духовных и светских феодалов, и преследовавшая политические цели, должна была при любых обстоятельствах остаться тайной¹⁰. В целом, однако, программные требования были весьма умеренными и не затрагивали основ феодального строя. Официальные власти совершенно правильно видели главную опасность в том, что заговорщики стремились создать массовую организацию, призванную преобразовать социально-экономические и политические отношения.

«Башмак» 1493 г., как и последующие группы заговорщиков, должен был действовать на небольшом пространстве. Заговорщики надеялись на поддержку трудового населения других мест, но сами ничего не предпринимали для того, чтобы готовить их к этому.

Менее чем через 10 лет после провала и разгрома первого заговора, в 1502 г., был составлен второй заговор «Башмака» в Шпейерском епископстве. Центром его стала деревня Унтергромбах, а руководителем — молодой крестьянин из этой деревни Иосиф Фриц, которого Ф. Энгельс называет «образцовым заговорщиком». Организация рассчитывала на поддержку со стороны широких трудовых масс. Программа планировала наступательные действия, конечные цели которых были направлены против феодального строя в целом. Особую тревогу у господ вызывало требование захвата и раздела церковного имущества, возвращения общинных угодий крестьянам и восстановления общинных прав, сокращения чис-

¹⁰ См.: Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 83—84.

ла духовных лиц, так как все это затрагивало основу феодальных отношений. Заговорщики установили более прочные, чем в первом заговоре, связи с швейцарцами, что таило в себе опасность распространения движения на большую территорию¹¹. В ходе заговора настойчиво выдвигается идея «божественного права», тем самым полностью отрицается феодальное право, ибо «божественное право» нацелено на ликвидацию всякой зависимости и имущественного неравенства. Организаторы заговора выдвигали принцип свободы всех от самого рождения и божьей справедливости во всех общественных делах. Эти программные требования и в дальнейшем выдвигаются все вновь и вновь. Они были созвучны учению М. Лютера в начальный период Реформации и содействовали быстрому восприятию их крестьянами.

Ф. Энгельс подчеркивает, что требование секуляризации церковных имений в пользу народа и требование единой германской империи, выдвинутые впервые во время второго заговора «Башмака», затем встречаются до Крестьянской войны в каждом выступлении крестьян¹².

Характерно, что, несмотря на жестокую расправу с заговорщиками и постоянное преследование, части из них удалось скрыться либо в своих родных местах, либо во владениях соседних феодалов. Это свидетельствует о широком сочувствии, которым пользовались революционеры того времени. Совершенно не случайно Ф. Энгельс называет период, наступивший после 1502 и до 1513 г., временем «кажущегося затишья»¹³, так как в Швабии и Шварцвальде продолжали действовать члены тайного союза и мелкие кружки крестьян.

Новый заговор «Башмака» был раскрыт в 1513 г. В стране и у границ ее наблюдалась исключительно напряженная обстановка. В этом году происходили выступления венгерских, швейцарских и славянских крестьян. Организатором заговора «Башмака» на Верхнем Рейне в 1513 г. выступил тот же Иосиф Фрид, которому удалось в 1502 г. скрыться. Нити заговора на этот раз связывали обширные области Верхнего Рейна, Шварцвальда, Эльзаса, Бадена, Вюртемберга и Майна. Отличался он продуманной организацией. Главную роль в нем играли крестьяне и плебеи, но входили в него представители разных социальных слоев. Программный до-

¹¹ См.: Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 91, 95, 97, 98, 101.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 382.

¹³ См. там же.

кумент состоял из 14 статей, в которых отвергались любые власти за исключением императорской. Требования заговорщиков были таковы: упразднение ротвейльско-го суда и ограничение церковного суда одними делами церкви; отмена процентов, после того как их выплата равнялась по размерам ссуженной сумме; установление единого процента — в размере 20-й части с ссуженного капитала; свобода охоты, рыбной ловли, выпаса скота и рубки леса; запрещение священникам иметь больше одного прихода; конфискация церковных имений и монастырских сокровищ в пользу союзной военной казны, отмена всех несправедливых налогов и пошлин; вечный мир во всем христианском мире; энергичное выступление против всех противников союза; введение налога в пользу союза; захват Фрейбурга с целью превращения его в центр союза; начало переговоров с императором, а в случае отказа — с швейцарцами. Заговор, хотя в нем участвовало сравнительно небольшое количество людей, включал много горожан. Его конечной целью было уничтожение феодального гнета вообще. Как видно, требования заговорщиков затрагивали все стороны социально-экономической, духовной и политической жизни.

Этот заговор также был раскрыт, но и на этот раз значительной части руководителей удалось скрыться, в том числе и Иосифу Фрицу. Как и во время заговора 1502 г., ставился вопрос о «божественном праве» и «божьей справедливости», которые противопоставлялись «праву и справедливости» светских и духовных господ¹⁴.

Вслед за третьим заговором «Башмака» в 1514 г. в Бадене и Вюртемберге была раскрыта тайная организация, которая называлась «Бедный Конрад». Впервые организация с таким названием была создана в 1503 г. сразу после разгрома второго заговора «Башмака», когда последнее название стало опасным. Недовольство в этом районе было вызвано феодальной реакцией, тяжелым налоговым гнетом, а также расточительством и бесконечными войнами герцога Ульриха. Крестьяне, объединенные в заговоре «Бедного Конрада», требовали восстановления старой справедливости, отмены суда «взаимного разоблачения», а также свободы рыбной ловли, отмены новых поборов и налогов. В ходе переговоров с герцогом крестьяне настаивали на том, чтобы им

¹⁴ См.: Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 104, 105, 107, 108, 111.

разрешили участвовать в управлении герцогством и чтобы были секуляризованы церковные земли. Герцог Ульрих, видя серьезность положения, перенес заседание ландтага, на котором должны были обсуждаться крестьянские требования, из Штуттгарта в Тюбинген. Крестьян туда он не пригласил, и требования их там не обсуждались. Таким образом герцогу удалось вбить клин между крестьянами и горожанами и организовать разгром крестьянского войска.

В 1516 г. большинство бежавших участников заговоров «Башмака» и «Бедного Конрада» возвратились в Швабию и на Верхний Рейн, а уже в 1517 г. «Башмак» вновь развернул свою деятельность в Шварцвальде. И на этот раз среди руководителей находился Иосиф Фриц. Организаторы четвертого заговора «Башмака» стремились добиться оформления союза крестьян, плебеев и городской оппозиции. Конкретные требования сводились к упразднению рент, чиншей и платежей. Заговорщики призывали к отказу от подчинения какой-либо феодальной власти.¹⁵ Был намечен конкретный план, где и когда начать восстание и какие меры проводить немедленно после успешного выступления.

Таким образом, борьба крестьян с 1476 г. до начала Реформации говорит о тесном переплетении в их требованиях социально-экономических и политических вопросов. Передовые деятели крестьянства начали понимать необходимость создания сплоченной организации, которая объединяла бы крестьян, городскую оппозицию и плебеев. Однако как сама деятельность заговорщиков, так и их планы не выходили за рамки весьма ограниченной территории, хотя и выдвигались задачи общегерманского значения. В программах тайных организаций ставился вопрос о захвате власти и в связи с этим о создании вооруженной силы. Предусматривались конкретные меры против старых общественных учреждений. Все более настойчиво рассматривалась «божественная справедливость» как средство, которое должно придавать движению законность. Крестьянскому движению не хватало учения, на которое можно было бы опереться в борьбе с феодалами.

В целом движение в конце XV — начале XVI в. было антифеодальным и направленным прежде всего против сеньориальной реакции и феодальной раздроблен-

¹⁵ См.: Ермолаев В. А. Указ. соч., с. 114—120.

ности. Оно также было мощной опорой в освободительной борьбе швейцарского народа в 90-х годах XV в. и помогло Швейцарии отстоять свою государственную независимость.

§ 3. Реформация Мартина Лютера и крестьянство Германии в 1517—1523 гг.

В октябре 1517 г., когда был разгромлен четвертый заговор «Башмака», бывший августинский монах, профессор Виттенбергского университета Мартин Лютер обнародовал свои «95 тезисов», которые, по словам Ф. Энгельса, имели такое же воздействие на общество, как молния, ударившая в бочку пороха. Все общественные силы пришли в движение.

В каком взаимоотношении находилась реформация Лютера и крестьянство, его учение и революционное движение крестьян? Ответ на этот вопрос не простой и не однозначный. Лютер никогда прямо не обращался к крестьянству. Как свидетельствуют даже ранние работы Лютера, ставку в реформационном движении он делал на дворян и прежде всего на высшее его представительство — на князей¹⁶. Его реакционное отношение к крестьянскому восстанию и призыв к истреблению восставших крестьян, как «бешеных собак», принесли ему славу душителя Крестьянской войны. И тем не менее реформация Лютера оказывала сильнейшее воздействие на крестьян. Лютер стал популярен среди крестьян с того момента, когда он начал писать свои сочинения на немецком языке. Более того, он долго оставался их кумиром. И даже в ходе Крестьянской войны авторитет Лютера был мало поколеблен. В этом сыграл роль целый комплекс субъективных и объективных факторов. Из них необходимо выделить такие, как стремление Лютера в критические моменты выдавать себя за народного деятеля, плохая и часто неправдоподобная информация, доверчивость крестьян, неизбежная в силу малограмотности и разобщенности их, запутанность самого лютеровского учения, противоречие между широким значением учения и узкими целями его создателя и т. п.

В реформационном движении, начатом Лютером, крестьян, как и все слои общества, привлекала его по-

¹⁶ Оценку этой стороны деятельности Лютера дал Ф. Энгельс. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 365, 366.

следовательная антипапская, антиримская направленность, переплетавшаяся с идеями «свободы христианина». Под ней Лютер понимал церковную свободу христианина, по которой, как он подчеркивал, христианин не нуждается в церковной власти над собой. Христианин, учил Лютер, может проповедовать евангелие и быть священником без специального посвящения в духовный сан. Более того, священником христианин может быть независимо от социального положения. «Сапожник, кузнец, крестьянин, каждый, кто занят своим ремеслом, имеет должность и занятие, являются в одинаковой мере посвященными священниками и епископами», — писал Лютер¹⁷. Христианина связывает с богом его личная вера без всяких промежуточных инстанций, т. е. без церкви. Национальная и социальная направленность подняли лютеровское учение на щит.

Поскольку Лютер в первые годы своей реформационной деятельности весьма мало говорил о светской власти и не сосредоточивал на ней внимания, широкое общественное движение, в том числе и крестьянское, само переносило идеи Лютера из сферы духовной жизни на светскую. Для крестьян все то, что Лютер говорил против церковных властей, имело одинаковое значение в их суждении о светской власти, тем более, что Лютер ставил на первое место евангелие с его учением о твердой вере в бога и любви к ближнему. Евангелие стало для крестьян мерилom в оценке всего существующего. По нему они судили о «небратской» любви феодальных эксплуататоров и угнетателей. Крестьяне и раньше ставили божественный закон выше всяких светских, феодальных законов и распоряжений. Они с самого начала смотрели дальше Лютера, из религиозной реформации они собирались вывести социально-экономическую реформу, преобразование всех социально-экономических отношений.

Этому стремлению весьма содействовала мощная пропаганда реформации, развернувшаяся с 1520 г. Толчком к ней послужили сочинения Лютера, написанные им, в отличие от «95 тезисов», на немецком языке. Именно под их воздействием гуманисты (например Ульрих фон Гуттен) и пропагандисты лютеровских идей стали писать на немецком языке для народа. Популярной фор-

¹⁷ Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation von der christlichen Standes besserung. Halle, 1877, S. 9—10.

мой изложения лютеровских идей стали диалоги, форма которых заимствована у древних римлян. Уже до этого они использовались гуманистами, писавшими на латинском языке. Для 1520—1524 гг. характерно, что диалоги составлялись на немецком языке и в них обсуждались животрепещущие вопросы современности, в первую очередь идеи реформации.

Авторы диалогов, большинство имен которых до сих пор остаются неизвестными, но среди которых были М. Буцер, И. Э. ф. Гюнцбург, Ханс Сакс и другие реформаторы и гуманисты, выводят героями крестьян, ремесленников, студентов крестьянского происхождения, слуг, поденщиков, сторонников и противников лютеровской реформации. Весь «простой народ» на страницах диалогов заступает за реформацию Лютера. В диалогах поднимается вопрос о вооруженной борьбе за преобразование общественных отношений. Народный герой Карстганс постоянно изъявляет готовность драться с мотыгой и дубиной в руках за справедливость. Представители народных низов своими рассуждениями о связи евангелия с жизнью ставят в тупик ученых мужей, противников Лютера. Они смело критикуют папу, церковь, монашество, осуждают продажу индульгенций, нападают и наказывают продавцов индульгенций, рассуждают о таинствах, исповеди, покаянии и т. п. На страницах диалогов сапожники, кузнецы, портные, крестьяне, «согласно» учению Лютера, действуют свободно и чувствуют себя равными со всеми противниками из враждебного, феодального лагеря. Если не сразу после выступления Лютера в 1517 г., то не позже чем с 1520—1521 гг., т. е. с момента появления массовой агитационной литературы, крестьянство готовилось активно содействовать реформации, понимая ее шире августинца и распространяя ее на политику и социально-экономическую жизнь. Самосознание крестьян возрастало с исключительной быстротой. В то же время сам Лютер по мере приближения крестьянского восстания все более настойчиво подчеркивал, что он не хочет народного движения. В своих сочинениях, написанных с 1522 по 1525 г., он беспрестанно повторял слова библии: «Будьте покорны властям». По мнению Лютера, народ должен страдать и терпеть, ибо и Христос страдал и терпел. Лютер прямо призывал крестьян, чтобы они терпели буйства князей. Он постоянно грозился словами библии: «Кто в руки возьмет меч, от меча и погибнет» и «Кто воспротивится

властям, непокорен богу». Таким образом, между так называемыми «мартинистами» или «лютеровскими проповедниками» Реформации и самим Лютером пролегла заметная пропасть в 20-х г., до Крестьянской войны. Не Лютер, а именно они оформляли идеи Реформации в союзе с революционным движением крестьян.

Задолго до Лютера народ боролся против феодалов и готовился к новому, более мощному натиску. Однако Лютер, выдвигая на первое место евангелие и ставя божественный закон выше земного — светского и духовного, дал в руки крестьян оружие, при помощи которого они могли отвергать феодальный строй как негодный богу. Этим самым он ускорил и активизировал действия крестьян. Заслуга Лютера в том, что он сорвал с феодального строя покровы святости, которыми оградила его католическая церковь. Именно этим завоевал он авторитет среди крестьян. То, что Лютер говорил против крестьян, зачастую оставалось им неизвестно. Кроме того, Лютер сам заботился, чтобы народ не знал его настоящих социально-политических целей. Впервые эта его позиция четко выявилась в связи с событиями конца 1521 — начала 1522 г. в Эрфурте и Виттенберге. В этих городах народные низы и часть последователей Лютера (Карлштадт, Цвиллинг), опираясь на его сочинение «К христианскому дворянству немецкой нации» (1520), начали проводить реформацию, в ходе которой народные низы города и крестьяне обрушились на монастыри, католические церкви и дома духовенства, громили их, уничтожали иконы. Лютер, встревоженный этим, на свой риск и страх покидает свое убежище в Вартбурге и в марте — апреле 1522 г. читает предпасахальные проповеди против радикального толкования его учения. При этом, не желая потерять свое влияние на народные массы, он неоднократно намекал, что для их действий время еще не настало. Обрушивая, с одной стороны, гнев божий на тех, кто громил старый феодальный мир, и, с другой — создавая впечатление, что он только в данный момент против действий народа, Лютер сумел остаться во главе реформационного движения. Несмотря на то, что с этого времени началось преследование радикальных последователей Лютера — Карлштадта, Мартина Рейнгардта, Мартина Целлариуса, Томаса Мюнцера и др., крестьяне в массе не поняли политический маневр Лютера. Для них он оставался кумиром даже в Тюрингии — в центре реформации.

Практическое осуществление реформации, начавшееся в конце 1521 г. в Тюрингии и закончившееся в результате вмешательства Лютера весьма половинчатым результатом, однако, перекинулось и продолжалось в Юго-Западной Германии. Здесь проповедники, говоря о евангелии, не забывали связать его с повседневными нуждами народных низов. Маттеус Цель, Мартин Бучер, Вольфганг Капито, Каспар Гуно и др. добились проведения в Страсбурге реформации: церкви и монастыри были переданы в руки городского совета, имущество их было конфисковано, доходы, поступавшие раньше церкви, направлялись теперь на содержание школ и удовлетворение нужд нищих, была создана светская школа, где учились бесплатно все, независимо от социального положения. Реформация проводится до 1523 г. также в Меммингене, Аугсбурге, Гейльбронне, Нюрнберге, Ульме, Нердлингене, Роттенбурге и многих других городах. Церковь в этих городах становится «дешевой», что было давнишней мечтой бюргерства. Большая часть городов Юго-Западной Германии попадает под влияние цюрихского реформатора У. Цвингли, исходившего из более радикальных теолого-демократических и политико-теологических позиций, чем Лютер. В сущности к концу 1523 г. в Юго-Западной Германии сложился район более радикальной реформации, который, однако, не только не воспротивился лютеровской реформации, но и руководители его не предпринимали каких-либо известных шагов для отмежевания от Лютера. В ходе Реформации города Юго-Западной Германии начали освобождать своих крестьян, что имело особое значение для форсирования общего движения против феодальной зависимости.

Одновременно происходят серьезные сдвиги в Тюрингии. Здесь Томас Мюнцер, который начал свою реформаторскую деятельность как сторонник Лютера, внимательно изучает теологические и еретические учения и постоянно находится в теснейшем контакте с народными массами. Уже в 1521 г. наметился его отход от Лютера, который окончательно произошел в марте 1522 г. под впечатлением упомянутых проповедей Лютера в Виттенберге и в результате ожесточенной борьбы со сторонниками Лютера в Нордхаузене. Свое письмо по этому поводу Ф. Меланхтону (27 марта 1522 г.) он заканчивает словами: «Вы, нежные ученые книжники, не обижайтесь, иначе я не могу поступить». В Аль-

штедте в 1523—1524 гг. Мюнцер создал свою евангельскую литургию, отделившись таким образом окончательно от лютеровской и начав народную реформацию. В это время Мюнцер приходит к выводу о решающей силе народа в преобразовании старого общества. Впервые он сформулировал свои знаменитые слова: «Власть должна быть отдана простому народу» и «Все должно быть общим». С весны 1524 г., после знаменитой «Княжеской проповеди» Мюнцер окончательно ориентировался на продолжение реформации силами народа. Его «Союз избранных», объединявший уже в Альштедте около 30 человек, расширяется и постепенно превращается в то, что принято называть мюнцеровской партией. Понимая роль Мюнцера как революционера, который был связан в первую очередь с городскими плебеями и городской оппозицией, нельзя забывать о его огромном влиянии на крестьян. В конце 1524 — начале 1525 г. он, находясь несколько недель в небольшом населенном пункте Гриссене (в Швабском Клеттгау), сам составлял какие-то статьи крестьянам и помогал им в написании статей. Возможно, именно отсюда берет свое начало знаменитое «Статейное письмо» швабских крестьян, являющееся наиболее радикальным документом в начальный период восстания.

Эти существенные изменения, происходившие в 1522—1524 гг. в реформационном движении, совпали по времени с усилением католической реакции. После длительных попыток части феодалов добиться реформации «сверху» другая часть созывает в 1524 г. конвент католических князей в Регенсбурге, где было заключено соглашение между эрцгерцогом Фердинандом, герцогом Баварии и южногерманскими епископами о совместной борьбе против реформации. Под влиянием этой конфессиональной партии реакционных католических верхов Карл V запретил собрание сторонников лютеранской реформации, которое было намечено провести в ноябре 1524 г. в Шпейере.

Так в Германии к концу 1524 г. сложилось четыре лагеря общественных сил: реакционно-католический во главе с эрцгерцогом Фердинандом и герцогом Саксонским; бюргерско-умеренный во главе с курфюрстом Фридрихом Мудрым Саксонским и Филиппом Гессенским; бюргерско-радикальный, который не имел руководителя в лице какого-нибудь одного деятеля или организационного центра, но сильнее всего проявлялся в

Юго-Западной Германии, где примыкал больше к Швейцарии; и крестьянско-плебейский лагерь, который начал оформляться в конце 1524 г. Два лагеря возглавлялись представителями высшего дворянства, и это давало возможность им в одинаковой степени жестоко подавлять народные низы, особенно крестьянство. Границы между лагерями еще не обозначились точно. Незрелое политически бюргерство было не в состоянии возглавить народные массы. Крестьянско-плебейский лагерь только намечался (и то преимущественно в Тюрингии).

§ 4. Крестьянство перед самым началом Крестьянской войны

В пору наивысшей своей конфронтации с Римом Лютер в конце 1520 г. написал памфлет «Против буллы антихриста». В отличие от других сочинений, написанных в том же году и позже, Лютер в этом памфлете в страстном порыве заступает за простой народ, который, по его словам, «постоянно обманывается папой и всем клиром». Однако «писание учит,— говорит он,— что преследователи и завистники часто бывали неправы, а преследуемые — правы, нередко большая часть шла за обманом, а меньшая — за правдой». Именно в этом памфлете он восклицает: «И теперь бедные крестьяне и дети лучше понимают христианское учение, чем папа, епископы и доктора». Наконец, в этом же памфлете стоят его слова: «Не будет ничего удивительного в том, если князья, дворяне и вообще церковью непосвященные люди ударят по головам папы, епископов, попов и монахов и выгонят их из страны»¹⁸.

Судя по этим и многим другим словам, сказанным Лютером в дни полемического подъема, крестьяне могли считать себя вправе заступиться за реформацию Лютера, поскольку они, как и широкие народные массы, понимали ее в духе социально-экономических и политических реформ, которые должны были коренным образом изменить общественный строй Германии. До 1524 г. крестьяне оставались уверенными, что преобразования будут проведены кем-то сверху. В этом смысле не только император и князья, но и Лютер для крестьян отно-

¹⁸ Dr. Martin Luthers reformationshistorische und polemische deutsche Schriften. Bd. 24(1), S. 58, 57, 43.

силы к тем, которые находятся «сверху». Вера в эти, порой мифические, верхи проходит красной нитью через жалобы и требования крестьян, адресованные разным городским и светским феодальным властям, особенно князьям, в надежде, что они сами вместе с крестьянами решат все проблемы. Лютера крестьяне включают в список тех, которые с позиций евангелия должны решать их дела.

Крестьянство при сложившихся к 1524 г. обстоятельствах считало, что настал момент, когда за евангелие необходимо сражаться оружием, что восстание — это дело не столько частное, сколько общее дело, это дело самого бога. Не они, а он сражается. Эта идея активно проводилась многочисленными проповедниками из народа. К ней прибегает в самый трудный момент перед решительной схваткой с феодальным войском в мае 1525 г. анонимный автор воззвания «К собранию рядового крестьянства» и после поражения крестьян автор памфлета «О новом преобразовании христианской жизни». Наиболее страстно и красочно сформулировал идею предстоящего сражения самого бога Мюнцер в «Манифесте горнорудным рабочим» Мансфельда: «Как долго вы еще будете спать? Как долго вы еще не будете следовать волей божьей? Много раз я вам говорил, когда дело настанет, бог иначе не откроется... Поэтому остерегайтесь, не будьте робкими, вялыми, не следуйте дальше неразумным фантастам, безбожным негодяям, начинайте, идите за богом!.. Не давайте себя напугать. Бог с вами... Не бойтесь многочисленного противника. Не ваш это бой, а господний!»¹⁹. В одном из документов говорилось: «Что князья и господа не захотели делать, должны делать крестьяне»²⁰.

Крестьяне перед началом своего восстания были полны решимости заступиться за реформацию, чтобы не только добиться завершения уже давно начавшегося преобразования церкви, но изменить свое социально-экономическое положение, устранить непомерный гнет со стороны непосредственных господ.

При массовом убеждении, что теперь в действие должны вступать крестьяне, взгляды на методы и средства проведения реформации крестьянами были различ-

¹⁹ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 165, 166.

²⁰ Deutsche Geschichte in 3. Bd. 3. durchgesehene Auflage. B., 1974, Bd. 1, S. 523.

ны. Как показывают документы Крестьянской войны, почти в каждом пункте консолидации сил крестьян рано или поздно проявляли себя две фракции: радикальная, готовая жертвовать собственной жизнью во имя достижения цели, и умеренная, действовавшая вяло и ожидавшая, как и до восстания, что кто-то должен проводить реформу. Немало крестьян стояло между этими группировками, примыкая то к одной, то к другой. Такое положение в целом зависело от социального и юридического статуса крестьянства. Но не только и не всегда. Во многих случаях решающую роль играли агитаторы реформации. От их позиции зависело, куда направит свои действия крестьянство той или иной местности. Нередко крестьянство остро нуждалось в грамотных людях, которые могли бы сформулировать их требования. Приведем два примера. Швабские крестьяне, восстав в начале февраля, до середины марта 1525 г. составили несколько сот жалоб и требований, среди них имелось немало самых радикальных, а обобщил их в виде «12 статей» ремесленник г. Меммингена Себастьян Лоцер, которого крестьяне нашли почти случайно и взгляды которого были весьма умеренны. Введение к этим требованиям написал священник Христоф Шаппелер, знавший Лоцера по совместно проведенной в Меммингене реформации церкви. Таким образом, авторами одного из самых популярных документов Крестьянской войны были люди, не имевшие прямого отношения к крестьянам. Стоит ли удивляться тому, что этот документ отличался известной умеренностью. Во Франкони крестьяне приняли на своем собрании объяснение к «12 статьям», так называемые «Аморбахские статьи», написанные феодальными господами, и не случайно из «12 статей» были выброшены наиболее острые — о барщине, чинше и альменде. Безграмотность крестьян, отсутствие надежных выразителей чаяний и стремлений крестьян были наиболее слабыми сторонами восставших. Не такой слабой стороной казалась их военная выучка.

Впервые вопрос о военной подготовке крестьян и их вооружении подробно исследовался историком ГДР Зигфридом Гойером²¹. Он обращает внимание на то, что во многих местах Германии при феодализме существовало территориальное ополчение, которое делилось на час-

²¹ См.: Hoyer S. Das Militarwesen im deutschen Bauernkrieg 1524—1526. Militärverlag der DDR (VEB). B., 1975, S. 36—54.

ти, выступавшие за пределы своей территории (Landwehr), и части, остававшиеся на местах для защиты непосредственно населенных пунктов (Landfolge). В княжестве Саксонии все крестьяне обязаны были служить в ополчении, а с конца XV в. проводились регулярные смотры ополчения. Некоторые деревни Саксонии имели свои корпоративные объединения стрелков. Во Франконии деревни, относившиеся к имперскому городу Ротенбург об дер Таубер, имели обученное военному делу крестьянство. Здесь деревни строили оборонительные сооружения — валы, башни и рвы, проводились военные сборы и учения. В Баварии после долгих споров и возражений со стороны феодалов к 1479 г. каждый восьмой крестьянин был занесен в «книгу наемников», т. е. было создано «запасное профессиональное войско из крестьян». Большинство имперских городов требовало военной службы и помощи от крестьян. С XV в. в наемное войско князей и императора в основном вербовались сыновья крестьян, получавшие там самую современную для того времени военную выучку. Во всех местах, на которые распространялась система ополчения, крестьяне обязывались держать соответствующее вооружение: все виды колющего и режущего оружия, арбалеты и пищали. Кроме того, крестьян обязывали держать наготове инструменты, необходимые для сооружения оборонительных строений. Часто деревни должны были изготавливать запасы оружия. Крестьяне собирались в ополчение и на смотры по призыву своих деревенских старост. В организации и отправлении крестьян в ополчение первостепенную роль играла деревенская община. На ее уровне особенно проявлялись демократические традиции сбора ополченцев, их снаряжения и вооружения, здесь впервые выявлялись склонности к военному делу тех, кто отправлялся в ополчение. Община оставалась и той организацией, которая связывала ополченца с его семьей. В обстановке феодальной раздробленности и междоусобицы ополченцы нередко защищали независимость и свободу общины.

Области, где Крестьянская война имела наибольший успех, отличались относительно крепкими деревенскими общинами. Особенно это относится к Швабии, Вюртембергу, Бадену и к габсбургским областям вдоль Верхнего Рейна.

Однако военные знания и военная выучка крестьян в целом были весьма ограничены. Никто не был готов

идти дальше своей деревни или района. В этом сказались не только то, что крестьяне были привязаны к своей земле, к общине, но и то, что ополчение ориентировало их на оборону своей территории, своего феодала, своего города. Школой ведения военных действий служили крестьянские восстания. Так, уже во время войны аппенцеллов (1401—1408) крестьяне научились создавать свои «союзы», своеобразные военные объединения крестьян. В ходе борьбы с арманьяками (1439—1445) они показали образец партизанской войны. По сообщению хроники города Констанца, «бедный люд объединялся без ведома своих господ, их было около 4000 со знаменем «Башмака». Крестьяне все более умело направляли оружие против собственных феодалов. Однако чем успешнее складывалась армия ландскнехтов, тем все ошутимее сказывалось отсутствие достаточно необходимого опыта в ведении войны крестьянами. Поход крестьян на замок Унзерфрауенберг в 1476 г. с целью освобождения Г. Бегайма был оценен современником как паломничество со свечами. Не случайно начиная с первого заговора «Башмака» руководители крестьян обращают внимание на организаторов военных отрядов, на командиров. Готовясь к восстанию, они связываются с ландскнехтами. Но повстанцы никогда не рассчитывали только на наемников. Для них отряд ландскнехтов — это «военный кулак», основное же войско должно было состоять из крестьян, именно крестьяне должны были сражаться под знаменем «Башмака». Во время заговора 1513 г. заранее были намечены все военные руководители будущего войска: два фельдфебеля, прапорщик и капитан. Эти названия командиров подразделений затем встречаются и в ходе Крестьянской войны. Насколько быстро крестьяне могли организоваться в военную силу, видно по событиям возле Шорндорфа (Вюртемберг) в 1514 г. В ночь на 4 мая крестьянин, вырвавшись из рук феодальных властей, ударил в колокол часовни св. Николая, чтобы созвать крестьян. На утро явилось 300—400 вооруженных крестьян, число которых днем еще больше возросло. Став в круг, они выбрали капитанов, прапорщиков и фельдфебелей.

Так сформировался отряд с подразделением перед походом.

Как показала Крестьянская война, крестьяне совершенно не умели обращаться с артиллерией, хотя понимали и высоко ценили ее достоинства. Еще до Крестья-

янской войны обнаружилась слабость организации длительных действий крестьянских отрядов, а именно снабжение действующего крестьянского войска военным снаряжением и продуктами питания, а также создание резерва. Случалось, что большие отряды, не имея продуктов питания, не только бездействовали, но и переставали существовать.

Опыт ведения антифеодальной борьбы в XIV—XV вв. убедил крестьян в необходимости разделения военного и идеологического руководства. Если среди идейных руководителей Крестьянской войны имелись сильные личности, в том числе и сам Т. Мюнцер, то военные руководители в большинстве своем были далеки от понимания идейной борьбы, а нередко они вообще ничего общего с крестьянами не имели. Крестьяне, как правило, не имели подготовленных военных руководителей. Они их вербовали среди ландскнехтов, либо заставляли их служить, осуществляя над ними контроль. Опыт решения всех дел сообща, приобретенный в общине, умение считаться с мнением большинства, были решающими факторами в организации военных крестьянских отрядов и проведении военных операций. При изучении Крестьянской войны всегда остро и с досадой воспринимается то обстоятельство, что Мюнцер не был военным, что в решительном сражении при Франкенхаузене он ограничился пропагандистской деятельностью и мало влиял на ход военных событий.

Таким образом, немецкое крестьянство пришло к своему самому решительному шагу со значительным опытом в организации выступлений местного характера. Деревенские общины имели опыт в созыве ополчения, организации его снабжения оружием и продуктами питания. Идеи реформационного движения давно зрели в самом крестьянстве и получили широкое распространение среди крестьян в результате длительной пропагандистской деятельности различных групп реформистских деятелей.

В то же время у крестьян не было достаточно вооружения, отсутствовал опыт ведения борьбы с рыцарской конницей на открытом месте, не было артиллеристов, не было единого руководства, не хватало грамотных людей, которые могли бы вести дело честно и в интересах самих крестьян. В крестьянстве имелись две группировки — умеренная и радикальная, которые постоянно сталкивались, втягивая в эту борьбу крестьян

того или другого объединения. Крестьяне слепо верили в Лютера, защищавшего чуждые им интересы и предавшего их в ходе самой решительной схватки с феодалами.

ГЛАВА V. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

На территории Германии Крестьянская война развертывалась в трех районах: швабско-шварцвальдском, франконском и тюринго-саксонском. События эти хорошо известны по учебнику и другой литературе, поэтому отпадает необходимость их изложения. Ограничиваясь здесь исключительно германской территорией, необходимо прежде всего сказать о разновременности начала и кульминации крестьянских восстаний по трем районам Германии.

Только с половины апреля до половины мая 1525 г. совпали по времени восстания в трех районах Германии. Однако и в это время не было заметного контакта между ними, тем более не было согласованных действий. Даже в пределах отдельных районов отряды крестьян, как правило, оставались самостоятельно действующими единицами. В целом создается впечатление стихийности, неорганизованности, локальной ограниченности. Это, однако, не исключает того, что в ходе Крестьянской войны наблюдались тенденции, направленные на преодоление всех перечисленных недостатков. Там, где крестьяне выступали более или менее организованно, они проявляли исключительную стойкость, мужество и оперативность.

§ 1. Крестьянская война и Реформация

Следует подчеркнуть, что характерным для всего периода Крестьянской войны было повсеместное выступление крестьянства под флагом реформационного движения и за проведение реформационных преобразований. В том, что буквально в каждом документе говорится о требованиях, мероприятиях и понятиях реформационного движения, проявляется с особой силой связь Крестьянской войны с Реформацией, национальный характер обоих этих явлений.

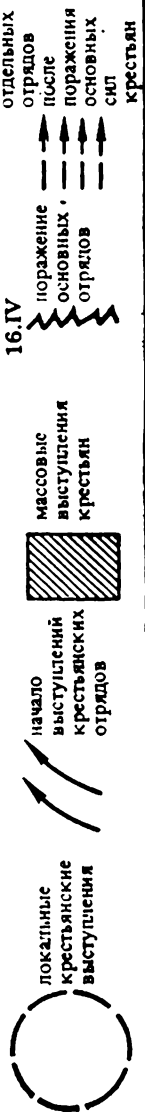
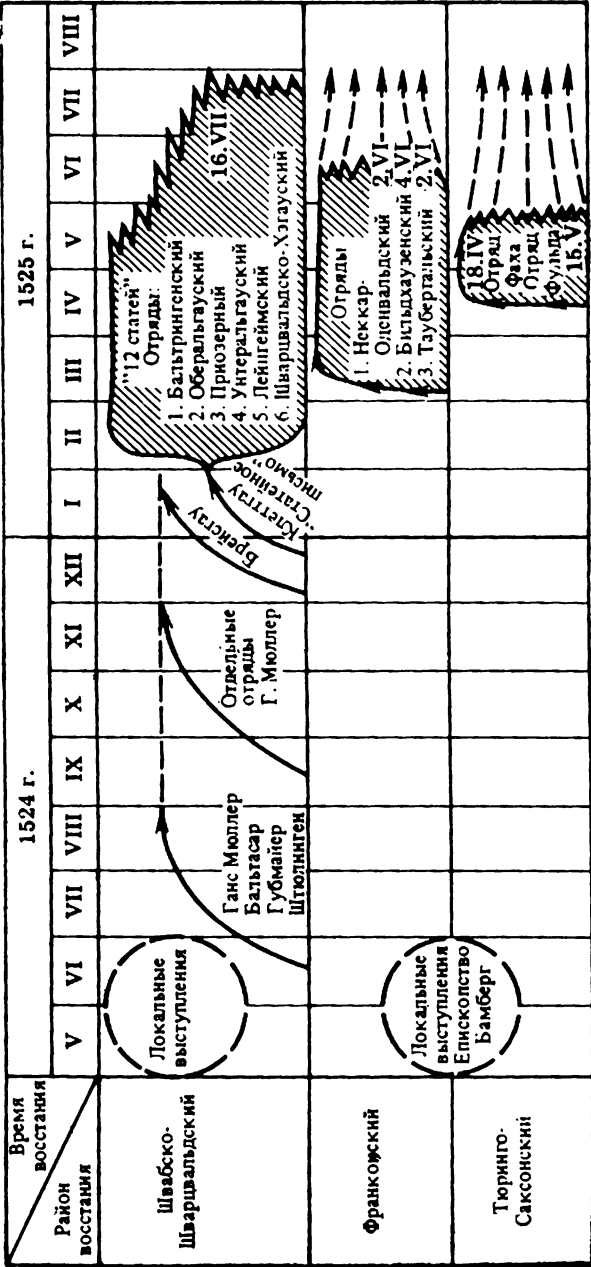
В «Статейном письме» шварцвальдских крестьян, составленном сторонниками Мюнцера не позднее января 1525 г. и служившем мощным агитационным средством и во многих местах руководством к действию, пред-

лагается создание «Христианского соединения», чтобы «освободиться при божьей помощи и, если это возможно, без единого удара мечом и пролития крови», «чтобы были восстановлены и умножены общая христианская польза и братская любовь». «Если это будет сделано,— подчеркивается в документе,— осуществится божья воля, выраженная в заповеди братской любви»¹. На основе этого документа в разных частях Германии создавались самые различные объединения и прежде всего знаменитые крестьянские отряды в Швабии, Шварцвальде и Франконии, к которым присоединялись добровольно или под нажимом крестьян города и феодалы. Проповедуемые Лютером и всеми сторонниками реформационного движения «твердая вера в бога» и евангельская «братская любовь» в данном документе стали основой самого смелого требования — преобразования всего общественно-политического строя. На основе этого документа наиболее радикальные силы крестьян беспощадно уничтожали замки, монастыри и католические приходы, объявляли бойкот тем, кто не присоединялся к их объединению, преследовали владельцев замков, монахов и католических священников, исключали из объединения и подвергали бойкоту тех, кто помогал сопротивлявшимся и преследуемым попам и феодалам. «Статейное письмо», таким образом, позволяло и призывало к уничтожению мирными и насильственными средствами всякой существовавшей тогда светской и духовной власти. Призыв и создание на практике христианских соединений, выполнявших на деле то, что требовалось в «Статейном письме», является началом возникновения новой власти в стране. Не случайно долго считалось, что это письмо написано самим Томасом Мюнцером.

Х. Шаппелер во введении к «12 статьям» оправдывает «возмущение» крестьян на основе евангельского учения о «любви, мире, терпении и единстве». Нельзя, говорит он, назвать «непослушными, мятежными» крестьян за то, что они в своих статьях используют евангелие ради учения и жизни». Дело крестьян, с точки зрения Шаппелера, богоугодно, ибо бог сам хочет народ «спасти в скором времени!»² Евангелие положено в основу оправдания в глазах народа каждой статьи и

¹ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 95—97.

² Ibid., S. 77—83.

Развертывание крестьянских восстаний в 1524—1525 гг.

положения в отдельности, как и всего документа в целом. Возможно, что именно эта сторона оказалась в конкретной обстановке наиболее привлекательной, и благодаря ей «12 статей» стали самым популярным документом, после того как они 23 марта 1525 г. были впервые напечатаны. «12 статей» — это платформа, на основе которой объединялись не только сами крестьяне, но и крестьяне с городами и определенной частью феодалов. В соответствии с реформационным учением крестьяне в первой статье этого документа требуют, чтобы им было разрешено выбирать и смещать священника. Последний обязывается проповедовать им, своим избирателям, «священное евангелие громко и ясно без всякого человеческого прибавления, учения и заветов». Достаточно вспомнить, как ратовали реформаторы против права папы, епископов и католических священников толковать священное писание, чтобы понять, что имели в виду крестьяне, когда они настаивали на исключении всяких «человеческих прибавлений». Реформации соответствовал и пункт о десятине, на основе которого крестьяне изъявили согласие на большую десятину с зерна, если она будет использоваться на содержание избранного и достойно служащего им священника и на оказание помощи нищим и бедным людям. Проповедь чистого евангелия, подчеркивается, нужна им и их детям, чтобы не остаться «плотью и кровью», а чтобы вера проникла в них. Они готовы отказаться от любой статьи, если неправильность ее будет доказана евангелием.

Крестьяне бальтрингенского отряда 16 февраля 1525 г. заявляют, что феодальные господа обделяют «при наследовании детей наших вопреки божественной справедливости». И они хотят слышать только «живое, вечное, не выдуманное слово священного евангелия». Такие и подобные слова встречаются и в решениях подразделений этого отряда, составленного из крестьян определенной местности — Бибераха, Миттельбибераха, Эпфингена, Гринзигена и т. д.³

Крестьяне, зависимые от города Меммингена, в конце февраля — начале марта 1525 г. на основе евангелия отказываются вообще платить десятину, а избранного священника, проповедующего им «божественное, всемогущее, живое слово священного евангелия... без всякого человеческого прибавления», они и без этого готовы

³ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 66—72.

снабдить «необходимым для его содержания питанием». Они хотят иметь только такую власть, которая будет «богом установлена»⁴.

В «Союзном распорядке» верхнешвабского крестьянского отряда от 7 марта 1525 г. среди 14 докторов, которым они доверяют судить на основе «божественного права», названы прежде всего Лютер и Меланхтон, а затем их действительные последователи и те, которые с точки зрения крестьян по достоинству следуют за ними, в том числе и У. Цвингли с его учениками в Цюрихе. Свое «Христианское соединение», подчеркивают крестьяне, они создали «в хвалу и честь вечного бога и по призыву священного евангелия и божественного слова, на основе справедливости божественного права»⁵. В подобных словах со всей очевидностью отражается давнишняя мечта крестьян об установлении «божественного права» и реформационное учение о священном писании как единственном источнике веры.

Идеями реформационного движения пронизаны «Братское соглашение крестьян с городом Фрейбургом в Брейсгау», заключенное 24 мая 1525 г., «Статьи крестьянского отряда Нейбурга» от 20 апреля 1525 г., «Статьи крестьянского съезда в Мольсхейне» от 11 мая 1525 г. и многие другие. Только в нескольких документах конкретного характера, в которых перечисляются жалобы или приводятся данные о разбивке крестьянского войска на подразделения, нет прямых данных об их связи с реформационным движением. Сюда относятся «Статьи штюлингенских крестьян» (6 апреля 1525 г.), «Территориальный распорядок верхнешвабского крестьянского отряда» (около 7 марта 1525 г.), «Военный распорядок рейнских крестьян» (10 мая 1525 г.) и им подобные.

Приведенные примеры и их оценка довольно убедительно говорят о том, что споры о связи Крестьянской войны с Реформацией беспочвенны⁶. Крестьянская война

⁴ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 74.

⁵ Ibid., S. 89.

⁶ Как известно, среди буржуазных историков до сих пор преобладает мнение, что Крестьянская война не связана с реформационным движением. Это отразилось на произведениях крупных западногерманских историков Ф. Лютге, В. Абеля и Г. Франца. В ходе дискуссии 1956—1958 гг. о характере Реформации и Крестьянской войны не всеми участниками четко подчеркивалась такая связь.

неразрывно связана с Реформацией. Она была высшим этапом раннебуржуазной революции, когда крестьянство, понимая Реформацию как социально-политические преобразования, предприняло попытку добиться проведения ее вооруженным путем.

В то же время внимательное изучение документов позволяет установить, что крестьяне почти повсеместно не придерживались лютеровского реформационного учения. Само восстание, выдвижение социально-экономических требований, создание боевых отрядов, разрушение замков и монастырей — все это шло вразрез с Лютером. Крестьяне своими действиями проводили преобразования так, как они их понимали, а это и была народная реформация. Именно в этом они сознательно и подсознательно следовали учению Томаса Мюнцера и его последователей. Крестьянская война была попыткой довести Реформацию до ее логического конца. В этом смысле Крестьянская война, как и всякая иная война, являлась продолжением политики иными средствами. Именно поэтому расчистка пути от феодальных преград должна была неизбежно привести к победе Реформации.

§ 2. Военная организация, вооружение и военная тактика крестьян

Чтобы представить себе реальное положение дел и возможности, возникавшие в ходе Крестьянской войны, необходимо остановиться на характеристике военной организации, вооружении и военной тактики крестьян. Наиболее полное представление о военной организации крестьян дают три документа: «Территориальный распорядок верхнешвабского крестьянского отряда», «Военный распорядок франконских крестьян Охсенфурта» (27 апреля 1525 г.) и «Военный распорядок верхнешвабского крестьянского отряда» (10 мая 1525 г.). Все три документа носят инструктивно-приказной характер и свидетельствуют о способности крестьян решать сложные практические вопросы по формированию отрядов, поддержанию дисциплины и организации тактических маневров своего войска.

Судя по этим документам, деление крестьянских отрядов на подразделения, их названия, названия должностных лиц — все это было взято у армии ландскнехтов, т. е. соответствовало передовой военной организации того времени. Однако эта внешняя форма

наполнялась в корне новым содержанием. Все войско было построено на демократических началах и на первом месте стояла забота о моральных качествах каждого воина и всего войска в целом. Охсенфуртские крестьяне, например, как и крестьяне других отрядов, заботились о том, чтобы в их отряде каждый день проповедовалось «слово божье... чисто и громко»⁷.

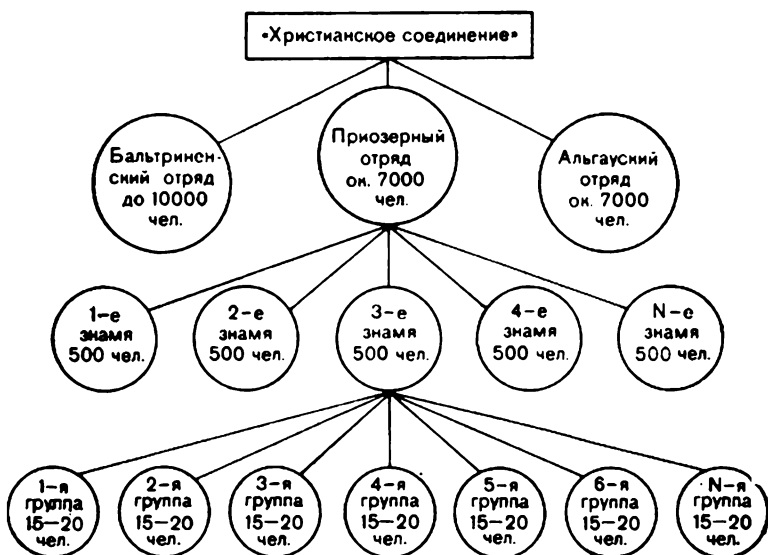
Военная организация была такова. Самой крупной военной единицей был отряд, насчитывавший до 10 тыс. человек. Отряд делился на «знамена», по 500 человек в среднем, куда входили выходцы определенной местности. «Знамя» делилось на «группы» (Rotten) по 15—20 человек в каждой. Соответственно командовали отрядом верховный военный капитан (Oberster Feldhauptmann) и его помощник — лейтенант, «знаменем» — капитан и его заместитель — прапорщик (Fähnrich), во главе группы стоял ротмистр. В отряде имелось несколько фельдфебелей и, кроме того, по одному фельдфебелю в каждом «знамени». Фельдфебели расставляли войско перед боем и следили за боевым порядком в ходе боя. В отряде имелись также цехмейстер, обозный мастер, вагенбургмейстер, квартирмейстер, провиантмейстер, вахмистр, шульц и профос, а в «знаменах» — провиантмейстер и распорядитель по военной добыче. Обязанности каждого расписывались в расписке отряда.

Новым и действительно революционным был демократический принцип организации крестьянского войска и дисциплины в нем. Все командирские должности от ротмистра до верховного капитана были выборными. В выборах участвовали все воины, все «христианское собрание», «вся община светлого отряда».

Обычно собрание называлось «кольцом» («Ring»). Воины при этом выстраивались в круг, поэтому, очевидно, лучше использовать слово круг, которое употреблялось и русскими воинами. Круг выбирал одновременно все военное руководство и военный совет. Круг проводился в каждом «знамени» и отряде, также выбирая начальников и советы. Кроме того, судя по рассматриваемым трем военным распорядкам, общие собрания выбирали также шульца, профоса, провиантмейстеров, фуражиров, вахмистров, конюхов, кассиров. Относительно фельдфебелей говорится, что их «выде-

⁷ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg. S. 118.

ляет» отряд, что дает право считать их выборными среди специалистов, знающих военное дело. Что касается цехмейстера, обозного мастера, вагенбургмейстера, провиантмейстера, то, вполне возможно, прав З. Хойер, который считает, что их назначали совет и верховный капитан отряда⁸. Однако прямые указания на это в документах отсутствуют. Назначались, очевидно, и почтальоны, как это делалось в рейнском отряде крестьян.

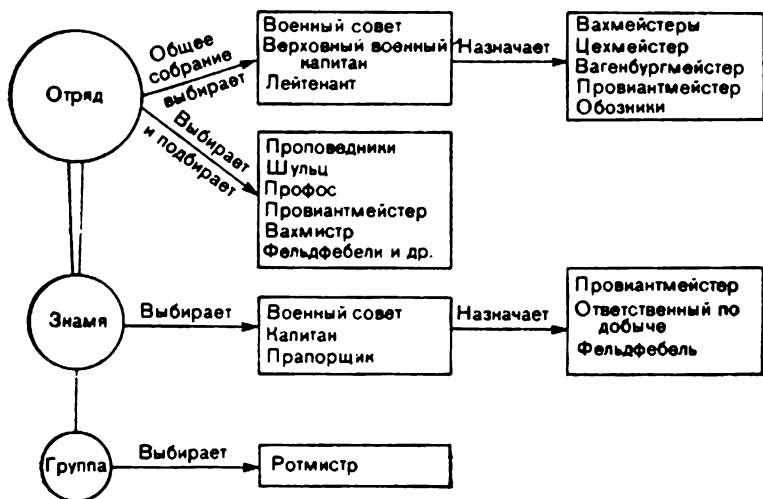

Структура крестьянского войска («Христианского соединения»)

Поскольку в боевой командный состав входили преимущественно ландскнехты или городские ремесленники, а иногда и дворяне, то весьма важно обратить внимание на положение их в войске. Выбранный верховный капитан имел власть над всеми подчиненными, но с тем условием, что он ничего «не предпримет в свою личную пользу». Вся его связь (прежде всего переписка) с внешним миром ставится под контроль избранного отрядного совета и избранных капитанов «знамен». Он обязан выполнять свою должность «на виду всего

⁸ Hoyer S. Das Militärwesen, S. 82.

светлого отряда соответственно христианской любви... во славу и хвалу всевышнему, а затем — общему собранию на пользу»⁹. Свои палатки верховный военный капитан и лейтенант обязаны ставить в центре лагеря возле пушек — самой большой ценности отряда, чтобы их можно было днем и ночью легко найти. Собранию

Руководство крестьянских отрядов (выборное и назначаемое)

предоставлялось право смещать неудобных военачальников. Капитаны «знамен», заметив недостатки и беспорядки, должны были докладывать о них верховному военному капитану только в присутствии других капитанов и членов совета, которые затем должны были оказывать помощь в устранении неполадок. Таким образом, в отряде общему собранию войска и избранным советам принадлежала вся полнота власти. Все должности были не только выборными, но и смещаемыми.

«Военный распорядок крестьян возле Рейна», т. е. эльзасских крестьян, дает сведения о порядке во время марша. В авангарде должны шагать два «знамени», за ними главные силы отряда, затем артиллерия и военные телеги, в арьергарде должны быть также два «знаме-

⁹ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 116.

ни». Идущие два «знамени» впереди должны были каждый день меняться местами, также и идущие позади. Во время марша фельдфебели следили, чтобы никто из строя не выходил.

В «Территориальном распорядке верхнешвабского крестьянского отряда» говорится, что все «Христианское соединение» в Швабии делится на три отряда: Бальтрингенский, Приозерный и Альгауский. Если один из отрядов, будучи в опасности, просит помощи, другой после первой просьбы отправляет одну десятую часть своего отряда, после второй — одну шестую и после третьей — одну четвертую отряда. Вообще в случае нападения на какой-нибудь отряд, последний обязан мобилизовать все силы для отпора, но и известить другие отряды о случившемся.

Таким образом, крестьянскому войску придавалась довольно стройная организация, которая позволяла сильному руководству добиться значительных успехов. Выборность и отчетность командного состава, контроль со стороны выборных советников и всех участников собрания, постоянные призывы к совести каждого говорить любому все, что он считал необходимым, запрет сведения личных счетов, призыв не делать различия между богатыми и бедными, быть бескорыстным в решении имущественных вопросов — все это было ново. По отношению к нарушителям, мародерам и грабителям закон крестьянского войска был беспощаден. И совершенно не случайно профос обязывался после занятия города или местечка на видном месте ставить виселицу в знак устрашения всем анархистско настроенным элементам и в защиту добропорядочного войска.

Как и для всякого войска, одним из важнейших для крестьянских отрядов был вопрос о добыче военного снаряжения и продуктов питания и лишении врага превосходства в снаряжении и вооружении. Военные распорядки и на этот счет содержат строжайшие предписания. В отряде имелся ответственный за военную добычу, которому придавался целый штат учетчиков и распорядителей. Ответственный за военную добычу переписывал и приходовал все захваченное в монастырях и замках, особое внимание он обращал на вооружение, полностью переходившее в собственность отряда. При этом в первую очередь выделялись пушки, которые брались под особую охрану. «Орудия, свинец, порох, повозки, —

говорится в распоряжке мольсхеймских крестьян, — должны быть сданы цехмейстеру...»¹⁰

Почти все крестьянские отряды и подразделения создавались возле монастырей, так как там имелись запасы продовольствия и иного характера. Известно, что в Тюрингии некоторые деревни обязывались снабжать повстанцев продовольствием. За это они освобождались от военной службы. Снабжение было особо трудной проблемой, так как 1524 и 1525 гг. были малоурожайными. В некоторых районах, как в Вюрцбурге, население голодало. Из документов Крестьянской войны видно, что замки, сторожевые башни и монастыри захватывались в первую очередь ради реквизиции оружия и продуктов питания. Там, где имелась возможность, повстанцы вылавливали рыбу из прудов. Города принуждали отдавать крестьянам определенное количество продуктов. Однако вопрос снабжения был критический. Под Нёрдлингеном, например, восставшие крестьяне в апреле 1525 г. голодали. В крестьянском войске все снабжались одинаково. Только в редких случаях капитаны получали больше других и лучшие продукты. В некоторых случаях ответственные за снабжение получали дополнительную плату, а в северной части Приозерного отряда с **каждых 100 рядовых бойцов брались 5 гульденов**, которые шли дополнительно на содержание капитана. В некоторых частях действовало правило: **«пусть провиантмейстеры нападают на дворян, чтобы снабжать наше войско»**. В лагере существовал максимум цен на продаваемые товары, установленный провиантмейстером. При всем этом строжайше запрещалось отправляться на добычу без приказа на свой риск и страх, отнимать у кого-нибудь плуг, портить колодец, обижать мельников и т.п. Все духовные лица, захваченные в плен, обязывались раздать свое имущество и подчиниться светскому командованию. Их **«кормили, как всех остальных людей»**, и заботились, чтобы они были заняты делом, занимались ремеслом. Дворяне, против которых велась во многих местах беспощадная борьба, в случае пленения или перехода должны были стать рядовыми воинами и сражаться пешими. Свои замки они должны были разрушать сами либо не возражать против их уничтожения. Зато движимое имущество им оставляли. Захваченное золото и другое

¹⁰ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 106.

имущество делили поровну через каждые два дня военных действий.

Запрещались богохульство и «преступные клятвы», «пьянство и вообще излишняя и безобразная еда и питье», любые азартные игры, пребывание в отряде распутных женщин. Кроме того, запрещалось пребывание в лагере посторонних. В дополнение к этому вне лагеря брались под защиту женщины, вдовы, девицы, сироты, маленькие дети, пожилые и больные люди, роженицы. Нельзя было затевать ссоры или драки, особенно с целью регулирования старых споров и раздоров. Если двое в лагере дерутся, третий обязан три раза призвать их к миру. Если дерущиеся не прекратят драку, они безоговорочно подлежат смертной казни.

Таким образом, три военных распорядка разных крестьянских отрядов дают полное представление о военной организации и военном порядке крестьянского войска. Крестьяне понимали значение военной организации и прилагали все усилия к тому, чтобы всесторонне проводить основные положения существовавших военных уставов армии ландскнехтов. В моральном отношении крестьянское войско было новым, с ним не могли сравниться феодальные отряды и армии.

Отношение к ландскнехтам заслуживает особого внимания. Ландскнехты, бесспорно, были хорошо обучены военному делу и, как правило, сражались стойко на поле битвы. Среди них имелись знатоки пушечного дела, в которых крестьяне особо нуждались. В ходе военных действий иногда пушки бездействовали из-за отсутствия именно таких специалистов. Все это заставляло крестьян обращаться к наемникам или ландскнехтам. На юге Германии нередко встречались среди ландскнехтов сыновья крестьян, которые иногда и добровольно присоединялись к крестьянским отрядам. Чаще всего, однако, ландскнехты вербовались и содержались на договорных началах, т. е. им выплачивалось жалованье. Крестьяне регулярно продавали захваченные богатства, в том числе продукты питания, чтобы полученные деньги использовать как жалованье наемным ландскнехтам. Крестьяне распределяли ландскнехтов по подразделениям, чтобы, очевидно, укреплять все части в одинаковой мере. В то же время известно, что в соединенном войске города Мюльхаузена и крестьян княжества Тюрингии под командованием эйзенахского капитана Матерна сражалось до 600 наемников из Гес-

сена. Когда В. Гиплер, один из руководителей франконских крестьян, предложил создать одно ударное подразделение, крестьяне на своем круге провалили эту с военной точки зрения правильную меру. При этом они, очевидно, руководствовались социальным подходом. Крестьяне прилагали немало усилий, чтобы мешать реакционным силам в вербовке ландскнехтов. В целом, однако, ландскнехтов было значительно больше на стороне князей, особенно в войске Георга Трухзесса, командовавшего силами реакционного Швабского союза. Ландскнехты во многих случаях изменяли крестьянам и после перехода на сторону врага действовали как каратели.

Из домов-арсеналов территориальных и городских ополчений крестьяне брали копья, кольчуги, короткие мечи. Известны случаи, когда крестьянские общины закупали копья еще накануне Крестьянской войны. Ручное огнестрельное оружие (преимущественно пищали) и пушки они либо захватывали вместе с военной добычей, либо просили и требовали от городов. Силой крестьяне заставили магистраты городов Геттингена (2 мая) и Динкельсбюля (7 мая) выдать оружие. Большинство мелких городов после недолгой борьбы с патрицианскими верхами присоединялись к крестьянам и добровольно отдавали им вооружение. Большие города, как правило, не помогали. Во Франконии, однако, все города (за исключением Нюрнберга и Швэбиш-Галле) открыли крестьянам свои ворота. Большая часть крестьян была вооружена только сельскохозяйственными орудиями труда — косами и цепями, а также самодельным холодным оружием. Во многих отрядах крестьяне не умели пользоваться не только пушками, которых у них нередко было достаточно, но и тяжелыми копьями и пищалями.

Одним из главных вопросов войны был вопрос об отношении крестьян к феодальным замкам и укреплениям. По тому, как крестьяне решали его, можно безошибочно определить, в чьих руках находилось командование и руководство крестьянского отряда или другого подразделения — были ли командиры и руководители умеренными или радикальными деятелями. В большинстве военных распоряжений и крестьянских требованиях встречается «статья о замках», где требовалось их уничтожение. «Враждебные замки, водонапорные башни и укрепления, откуда исходили значи-

тельные притеснения простого человека, — говорится в статьях таубертальских крестьян, — должны быть разрушены или сожжены...»¹¹ Крестьяне Бильдхаузена, отвечая на вопрос крестьян деревни Эберн «Можем ли мы занимать замки?», пишут: «С замками, которые могут быть заняты эбернцами, согласно нашему распоряжению, следует поступать так: после их захвата в течение 8 дней продавать кирпич и другое, а затем все оставшееся сжечь и совершенно уничтожить». А обладатели замков пусть «строят и живут в домах, как другие в городах и деревнях живут»¹². За время Крестьянской войны были разрушены сотни укрепленных строений феодалов — замков, бургов, пфальцев и т. п. «Сожженные в ходе Крестьянской войны крепости, — подчеркивает историк ГДР Э. Лангер, — были символом конца господства бургов. Пылавшие бургы — это документальное подтверждение того обстоятельства, что крепости на протяжении средневековья были тем центральным пунктом, вокруг которого велась борьба классов»¹³.

В то же время в некоторых документах статья о разрушении замков отсутствует. Так, оденвальдский отряд во Франконии заставлял феодалов давать клятву, в которой пункт о разрушении замков отсутствовал. Также он отсутствовал в статьях крестьян Аморбаха, а в конце марта 1525 г. Ульрих Шмид (Бальтрингенский отряд) вообще запретил разрушать замки под предлогом, что повстанцы должны подождать до первого удара со стороны феодала.

Как вели себя крестьяне в бою? Имеется немало сведений о наступательных действиях крестьян, хотя в целом в ходе Крестьянской войны крестьянские отряды занимали, как правило, оборонительную позицию по отношению к феодальной войску, редко сами выступали навстречу ему или нападали на него. К наступательным действиям крестьян можно отнести сам факт выступления, оперативные действия по формированию воинских отрядов и наступление на феодальные опорные пункты — монастыри и замки, нередко также на города, советы которых отказывались помочь крестьянам продовольствием и военным снаряжением или не извещали

¹¹ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg. S. 114.

¹² Ibid., S. 134, 136.

¹³ Langer E. Burgen und Klassenkampf. — Wissenschaftliche Zeitschrift, Jena, 1979, Bd. 28, N. 3, S. 386.

желания присоединиться к крестьянским союзам. Наиболее активно крестьяне действовали при осаде замков, монастырей и городов.

Обычно крестьянский отряд подходил к такому военному объекту и, расположившись лагерем, вступал с руководством осаждаемого пункта в переговоры. Осажденным посылались последовательно три предупреждения. В одном из них, например, сказано, что шварцвальдские крестьяне «предупреждают из христианской любви, чтобы поддержали божественное право и присоединились к священному евангелию. На это ждем ответ быстрый, без промедления. И это наше первое предупреждение»¹⁴. В письме крестьян, собравшихся возле монастыря Аура, говорится, что они уже писали и предупреждали о необходимости присоединиться. Однако до сих пор ответа не было. Если и сейчас не будет ответа, то они сами придут¹⁵, т. е. здесь видно наступательное настроение крестьян. Нельзя в то же время не заметить, что крестьяне слишком долго вели переговоры и тратили много сил на то, чтобы переубедить противника.

Заняв какой-нибудь населенный пункт, крестьяне заставляли сопротивлявшихся войти с ними в соглашение. Хорошее представление о таких соглашениях дает договор крестьян с городом Фрейбургом в Брейсгау. 14 мая 1525 г. к городу подошло шварцвальдское «Христианское соединение» под командованием Ганса Мюллера из Бульгенбаха. Начались обычные переговоры. За несколько дней отряд вырос до 18000 человек. Сильно укрепленный город продолжал упорствовать в своем отказе, и крестьяне 24 мая взяли его штурмом. Тогда и был заключен договор. В преамбуле к нему говорится, что бургомистр, городской совет и вся община вместе с военным командованием обеих сторон клятвенно подтверждают вступление города Фрейбурга в «Христианское сосдинение». «Вечный братский союз», говорится далес, накладывает обязанности на город. Важнейшей обязанностью является оказание помощи «пушками, людьми и имуществом». За панесенный крестьянскому войску ущерб, укрывательство и защиту Фрейбургом духовных лиц, прелатов, дворян и рыцарей город должен «крестьянскому командованию, сове-

¹⁴ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 98.

¹⁵ Ibid., S. 102.

ту и всему светлому отряду» выплатить 3000 гульденов. Относительно принадлежащих городу католических монастырей и всяких «божьих домов» Фрейбург берет обязательство поступать так, как поступают другие города: «распустить, наказать и разделить»¹⁶. Данный документ, следовательно, дает определенное представление о принципиальности и последовательности действий крестьян даже в обстановке, когда уже во многих местах восстание было подавлено.

В районе Верхнего Рейна нейенбургские крестьяне 20 апреля 1525 г. направили Страсбургу письмо со своими статьями. Городу они сообщали, что создали свое «Христианское собрание», которое «въехало» в монастырь Нейенбург, «полагая, что этим прославит евангелие», а в дальнейшем оно собирается жить в «праведной, братской преданности и любви согласно свяшенному писанию». Немногим раньше, 16 апреля, другой крестьянский отряд «из-за того, что нуждается в питании», занял монастырь Бильдхаузен, откуда и получил свое название¹⁷.

Общезвестно, что во Франконии оденвальдско-некартальский крестьянский отряд во главе с Георгом Мецлером и Якобом Рорбахом, захватив город и крепость Вейнсберг, заставил ненавистного им графа Людвига фон Гельфенштейна, его родственников и других представителей феодалов пройти через шпицрутены, т. е. умереть позорной для феодала смертью. Это навело на дворян страх и ужас. Многие из них после этого события спешили объявить о своей поддержке крестьян.

С тех пор как феодалы собрали свои основные силы, участились случаи дезертирства и бегства крестьян с поля боя. Многие зависело и от военного руководства, которое нередко ничего общего с крестьянами не имело. Классический пример представляет Гец фон Берлихинген, которого крестьяне насильно заставили командовать. Одной из причин панического бегства крестьян было наступление феодальной конницы, средств борьбы с которой в равнинных местах у крестьян не было, к тому же крестьяне совсем не имели конных соединений. Иногда случалось, что крестьяне не выдерживали артиллерийского обстрела. Больше всего, однако, крестьяне страдали от отсутствия внутреннего согласия. Когда во второй половине мая графы Иоганн Саксонский и

¹⁶ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 99—100.

¹⁷ Ibid., S. 101, 130.

Вильгельм Геннебергский, до этого участвовавшие в битве при Франкенхаузене, наступали на Франконию, им навстречу выступил бильдхаузенский отряд и, заняв удобные позиции возле Мейнингена, готовился к бою. Здесь крестьянами было сделано все по правилам военных действий. Графы, оценив положение, поняли, что им не справиться. Начались переговоры, одновременно в крестьянском войске действовали вражеские лазутчики. От крестьянского отряда отделилось 6000 повстанцев. Как только они появились за пределами лагеря, графские ландскнехты устроили почти безоружным «кровавую баню». Аналогичные события произошли возле Цаберна. Этот город 12 мая был занят крестьянами под руководством Эразма Гербера. Всего в городе и возле него было около 18000 человек. 15 мая туда подошли феодальные войска под командованием герцога Антона Лотарингского. Ему удалось окружить город и находившийся там отряд крестьян. У феодального профессионального войска опыт был больший, чем у крестьян. Однако крестьян было больше и они находились в прикрытии. Тем не менее из-за внутренних разногласий, после незначительной победы герцога возле Лупштейна принимается решение о сдаче. Огромное безоружное крестьянское войско оставило город. Тысячами перебили их ландскнехты по дороге домой. По сообщению хрониста, резня была так велика, что «кровь, смешавшись с дождевой водой, большими потоками и лужами покрывала деревенские улицы».

Часто феодалам удавалось перехитрить крестьян. Наиболее злополучный пример связан с событиями в апреле 1525 г. возле Вейнгартена. Около 1500 ландскнехтов в войске Трухзесса отказались бороться против своих братьев, проявив этим свою классовую солидарность. У Трухзесса оставалось около 8500 человек, в то время как у крестьян было не меньше 12000. Накануне крестьяне проявили исключительную стойкость и выдержку во время артиллерийского обстрела. Все шансы на победу были на стороне крестьян. Трухзесс начал переговоры, во время которых ему удалось умеренного предводителя крестьян Дитриха Хурлевалена и его товарищей склонить к капитуляции. Отряд решился сдать свои знамена и разойтись по домам. Этот вейнгартенский договор был признан также приозерным и бальтрингенским отрядами. «Хитрость Трухзесса, — говорит Ф. Энгельс, — спасла его здесь от верной гибели».

ли... ограниченность его врагов — ограниченность, неизбежная у крестьянских масс, — позволила ему ускользнуть из их рук как раз в такой момент, когда они могли бы одним ударом закончить всю войну, по крайней мере в Швабии и Франконии»¹⁸.

Крестьянам удавалось наносить большой ущерб вражескому войску в мелких стычках, в боях партизанского типа, когда и сами крестьянские подразделения были более однородными и более подвижными. Не случайно мелкие крестьянские отряды после разгрома в мае главных сил продолжали воевать еще долго в Тюрингии, Франконии и на юго-западе Германии.

К причинам военных поражений крестьян относятся: 1) отсутствие общего руководства со стороны преданных делу руководителей; 2) исключительная доверчивость крестьян, неизбежная в силу их неопытности и малых знаний и проявлявшаяся в бесконечных переговорах; 3) несогласованность действий крестьян из-за отсутствия единого военного руководства и слишком большой самостоятельности, предоставленной местным крестьянским соединениям; 4) привязанность крестьян к своей местности (тюрингские крестьяне вместо того чтобы идти в Маисфельд, как предлагал Мюнцер, идут в Эйхсфельд, где не было никакой серьезной опасности); 5) отсутствие опыта, нехватка военных специалистов, кавалерии и частично пушек; 6) наличие в каждом крестьянском отряде двух фракций: умеренной и радикальной.

§ 3. Вопрос о власти в ходе Крестьянской войны

Важнейшим вопросом всякой революции является вопрос о власти. Понимание (или непонимание) этого вопроса крестьянством — основной движущей силой раннебуржуазной революции — находится в центре внимания современной исторической науки. И это не случайно. В настоящее время Реформация и Крестьянская война признаются составной частью раннебуржуазной революции не только марксистской историографией, но и определенной частью немарксистских историков¹⁹.

В советской историографии этот вопрос всегда рас-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 411.

¹⁹ См.: Blickle P. Die Revolution 1525. Oldenbourg, München und Wien, 1975; Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526, hg. v. H.—U. Wehler. Göttingen, 1975; Der Bauernkrieg 1524—26.— Bauernkrieg und Reformation, hg. v. R. Wohlfeil. München, 1975.

сматривался в неразрывной связи с деятельностью отдельных революционных течений и их руководителей. При этом на первый план выдвигались взгляды Мюнцера. Крупнейший знаток этого вопроса М. М. Смирин исходил из того марксистского положения, что Мюнцер выступал против «обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти»²⁰. Проанализировав произведения Т. Мюнцера, он пришел к выводу, что Мюнцер придерживался взгляда, который он высказывал многократно в виде лозунга: «Власть должна быть отдана простому народу!»²¹. Эту идею Мюнцера в той или иной мере пытались воплотить в жизнь отдельные крестьянские отряды, что говорит о близости его идей массам и о том, что Мюнцер (через своих эмиссаров) имел немалое влияние на крестьян в разных районах Германии.

В связи с 450-летием Крестьянской войны остро проявился интерес к вопросу о понимании власти простым народом, т. е. прежде всего крестьянами в ходе Крестьянской войны. Историки ФРГ П. Бликле, Х. Бусцелло, Р. Вольфейль настойчиво и справедливо критиковали вывод Г. Франца и его учеников о том, что крестьяне в ходе Крестьянской войны повсеместно преследовали цель установления божественного правопорядка в рамках единой империи. Одновременно они выступили против утвердившегося в марксистской литературе положения, что борьба крестьян в разных районах против произвола феодальных властей за уничтожение важнейших феодальных государственных инстанций объективно преследовала цель создания государственного единства всей страны²². Как вытекает из работ Х. Бусцелло, эта группа историков преднамеренно считается только с «субъективными представлениями крестьян», объективное направление борьбы ими полностью игнорируется²³, поэтому ясно, что их в марксист-

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 371.

²¹ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962, с. 205.

²² См.: Смирин М. М. К вопросу о характере Великой Крестьянской войны в Германии.— В сб.: Из истории социально-экономических идей. К 75-летию академика Вячеслава Петровича Волгина. М., 1955, с. 205.

²³ См.: Buszello H. Die Staatsvorstellung des «gemeinen» Mannes im deutschen Bauernkrieg.— Historische Zeitschrift. Beiheft 4 (Neue Folge). Revolte und Revolution in Europa. Hg. v. P. Blickle. München, 1975, S. 273.

ском подходе больше всего пугает объективная оценка позиций крестьян. По мнению Х. Бусцелло, в ходе Крестьянской войны проявились три воззрения крестьян на власть. Определенная часть крестьян мечтала только о преобразовании общинного управления и порядка в пользу «простого народа». Главная их цель была направлена на приравнение дворян и духовенства к юридическому положению крестьян. Вторая часть крестьян мечтала о полной ликвидации власти дворян и духовенства в пределах княжества, где власть князя должна была быть поставлена под контроль императора и сословного представительства. Третья часть крестьян стояла за устранение всякой власти за исключением императорской. Но и в борьбе этой группы Бусцелло не видит стремления к национальному единству и централизации. В работах Бусцелло делается попытка оторвать воззрения крестьян на власть от взглядов, высказываемых по этому вопросу крестьянскими и близко стоявшими к ним мыслителями. Бусцелло совершенно не замечает конкретных действий крестьян против феодальных властей с целью их полного уничтожения. Этим самым он обедняет и крестьянские представления о власти.

Выявляя отношение крестьян к вопросу о власти, следует считаться с тем, что масса немецких крестьян до Крестьянской войны мало задумывалась о будущем политическом устройстве страны. Самое большое, на что она была способна, — это мечтать о «божественной справедливости» в этом, как и в любом, деле. Идея Мюнцера о власти простого народа возникла слишком поздно, чтобы она получила широкое распространение. Для крестьянских масс лучшей школой в этом плане служила сама Крестьянская война. Выступление крестьян по собственной инициативе, формирование отрядов, демократические порядки в них, создание «братских объединений», борьба с церковью, дворянами, князьями и герцогами, союзными феодальными войсками — все это ставило крестьянина в совершенно новые политические условия. Для него перестали существовать все прежние феодальные власти, он их не признавал и в повседневной деятельности и жизни перестал им подчиняться. Он сам, участвуя в собрании, выбирая и контролируя свое начальство, был составной частью новой власти. В сущности он шел по пути передачи всей власти простому народу, указанному Мюнцером. Крестьян-

ская война, как следует еще раз подчеркнуть, была важнейшей политической школой крестьянина. Она вырвала его из вековой отсталости, порабощения и неполноправности и превратила в активного творца политического строя и социально-экономических отношений.

Огромное влияние на формирование политических воззрений крестьян до и во время войны имели проповедники, выступавшие в защиту «ясного и чистого слова евангелия» и прозванные «евангелическими проповедниками». Хотя они официально не выступали против Лютера, они придерживались в корне иных взглядов, чем он. Они шли с народом. Не будучи посвященными церковью, они проповедовали среди народа, в крестьянском войске, на городских площадях, в лагерях, расположенных перед осажденными крепостями. Многие из них сами были выходцами из крестьян. Между ними и Лютером лежала пропасть, им были ближе некоторые демократические идеи Цвингли, часть из них была связана с Мюнцером и его сторонниками. К проповедникам относились известные по событиям войны Бальтазар Губмайер, Себастьян Лоцер, Христоф Шаппелер и тысячи подобных. У них, поскольку они не принадлежали к какой-нибудь оформленной партии, не могло быть единого мнения по вопросу о власти. В целом, однако, можно констатировать, что они были выразителями и умеренного и радикального направлений, прослеживавшихся во всем крестьянском движении.

Когда 7 марта 1525 г. верхнешвабские крестьяне объявили о создании «Христианского соединения», они фактически взяли на себя функции новой власти. В их союзническом порядке это получило конкретное воплощение в ряде пунктов. Прежде всего в установлении «общего территориального мира». Любой человек независимо от сословной принадлежности, следовательно и крестьянин, имеет право приостановить приготовления к войне и мятежу. Далее, соединение запрещает всякие расчеты по десятине, денежной ренте и оброкам до исхода борьбы. Владельцам замков запрещается скрываться в них с людьми, не входящими в соединение, держать там пушки и продукты питания. И только примкнув к соединению, они могут там пребывать вместе с другими членами соединения и за свой счет, т. е. замки и их обитатели попадают под власть крестьян. Феодалным наемникам приказывалось отказаться от клятвы и службы и присоединиться к соединению, что должно

было ослабить потенциальную власть феодалов. Если прежние священники согласны проповедовать евангелие, их оставляют, в противном случае их увольняют. Весь отряд выбирает главу и четырех членов совета, которым поручаются все полномочия. Таковы главные пункты документа, свидетельствующие о формировании новой власти, границы деятельности которой не выходили за пределы княжества или точнее — Верхней Швабии. В то же время в документе говорится о лицах, которым поручается говорить от имени божественного права. Почти все они проживали за пределами Верхней Швабии и принадлежали к самым различным группировкам внутри реформационного учения. Практически они могли как консультанты по вопросам «божественного права» служить крестьянам на территории большей части Германии и Швейцарии. Вряд ли от них ожидали каких-то совместных решений, этому препятствовало то, что лица, перечисленные в списке, проживали в разных и весьма отдаленных друг от друга местах, а взгляды их резко расходились между собой. Назначая людей, которые могли быть эталоном при суждениях о «божественном праве», крестьяне не столько сами ожидали от них каких-то решений, сколько предлагали другим крестьянским объединениям советоваться с кем-нибудь из них. Вряд ли поэтому их можно назвать «ученым консорциумом».

«Союзный распорядок верхнешвабских крестьян» является свидетельством создания новой власти, которая не совсем решительно, но последовательно боролась за ослабление феодальной власти: феодальные замки, хотя и не разрушались, но изолировались, у феодалов была отнята главная их вооруженная сила — наемники, а десятина и прочие поборы больше не вносились. И все это по решению крестьян.

Хотя в жалобах крестьян бальтрингенского отряда и не говорится о создании новой власти, в них ясно сказано, что крестьяне «не хотят иметь другого господина, кроме как всемогущего бога, который создал нас», т. е. полностью отрицается власть феодалов²⁴. В своих практических действиях бальтрингенские крестьяне отклоняли любые попытки руководства вступать в переговоры с господами и смело шли на штурм замков и монастырей.

²⁴ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 66.

14 февраля 1525 г. восставшие крестьяне княжеского аббатства Кемптена вместе с повстанцами окрестностей области Альгау проводили в Зонтхофене крестьянский съезд, на котором они создали свой союз с целью действовать согласно «священному евангелию и божественному праву». Позднее крестьяне этого альгауского отряда объединились с бальтрингенцами и приозерцами в уже не раз упомянутое «Христианское соединение». 24 февраля альгаусцы составили свои статьи. В них сказано, что они готовы защищать «священное евангелие, слово божье и священное право», не щадя «своей жизни и имущества», даже если все они «вместе потеряют свою жизнь и имущество». Господам запрещается решать имущественные и правовые вопросы без общины. Все должно быть доложено «общине или стоящим над ней руководителям». Особенно подчеркивается, что все «изложенное принято объединившимися в союз, а другой жалобы не должно быть»²⁵. В сущности это самое начало формирования новой власти.

Крестьяне Клеттгау в своем обращении к г. Цюриху, от которого они ожидали помощи в борьбе против своего господина графа Рудольфа Зульцского, сообщают, что крестьяне дали своим послам власть, чтобы они во время переговоров с графом «руководствовались единственно одной направляющей нитью, а именно — словом божьим и чтобы они не признавали никаких судей и не вступали в разговоры иначе, как судьею будут признаны ветхий и новый заветы»²⁶. Таким образом, крестьяне Клеттгау полностью отрицали феодальные законы независимо от того, откуда они исходили.

Кроме «Христианского соединения» верхнешвабских отрядов, куда входили и крестьяне Клеттгау, объединились в свое «Христианское объединение» крестьяне Шварцвальда, которые действовали значительно радикальнее на основе «Статейного письма»²⁷. Шварцвальдские крестьяне, к которым относятся и крестьяне Хэгау, под руководством Ганса Мюллера из Бульгенбаха совершали агитационные походы, во время которых публично зачитывали «Статейное письмо», вербовали новых членов своего соединения или заставляли сопротивлявшихся капитулировать и присоединяться к ним. По-

²⁵ Dokumente aus dem deutschen Bauernkrieg, S. 84, 85.

²⁶ Ibid., S. 94.

²⁷ Ibid., S. 95, 96.

сылая 8 мая 1525 г. «Статейное письмо» городу Виллингену, они писали: «Призываем вас на основе Статейного письма присоединиться к священному евангелию нашего господина Иисуса Христа и объединиться в христианское братство». Швабское крестьянское соединение, судя по этому письму, чувствует себя большой силой. В «Статейном письме» подчеркивается, что крестьяне «не хотят больше нести и терпеть все притеснения и тяготы, так как это привело бы простого человека, его детей и внуков к нищенскому посоху». Поэтому и создано «Христианское соединение», чтобы избавиться от этого «по возможности без единого удара меча и кровопролития». Крестьяне Шварцвальда надеются, что город Виллинген вступит в соединение добровольно, ибо этим «свершится воля господня, выраженная заповеди о братской любви». Во всем сказанном хорошо видно, как крестьяне создают новую власть, которая совершенно игнорирует феодальные власти. Может, однако, сложиться мнение, что крестьяне собирались действовать только путем призывов и уговоров. Но это было не так. Достаточно подробно и ярко об этом говорится в документе. Крестьяне предупреждают, что если город откажется следовать их совету, то они будут подвергать его светскому отлучению до тех пор, пока он не изменит своего решения. И далее они разъясняют, что подразумевается под светским отлучением. Все члены соединения «во имя общей христианской пользы» должны отказаться от всякого общения с городом, есть, пить, мыться, молоть муку, печь хлеба, пахать и косить вместе с кем-либо, не допускать, чтобы кто-либо им давал или привозил продукты питания, зерно, питье, дрова, мясо, соль или чтобы кто-либо у них что-то покупал или продавал». Их надо считать «отрезанными, умершими частями тела во всех делах, которые общую христианскую пользу и территориальный мир не только не укрепляют, но сильно им вредят». Им надо запретить пользоваться ярмарками, лесами, выгонами, пастбищами и водными бассейнами, находящимися за пределами их непосредственных владений. А если кто из членов соединения нарушит эти правила, то его исключат из братства, подвергнут такому же отлучению и вместе с женой и детьми отправят к тем, кто противоборствует им.

Статья о наложении светского банна на тех, кто отказывается присоединиться к «Христианскому соедине-

нию», применялась широко. О конкретном применении ее, например, сообщает рыцарь Верденштейн в своей хронике: «Никому из людей не разрешалось разговаривать со мною или с моими людьми, никто не должен был с нами иметь ничего общего»²⁸. Светскому банну подвергались также неприсоединившиеся крестьяне. В сообщении, поступившем 21 марта 1525 г. эрцгерцогу Фердинанду, сообщалось: «Тех, кто еще не сдался им, они подвергают отлучению и наказанию, перед их жилищем вбивают кол, чтобы они не выходили оттуда... Неприсоединившимся крестьянам они запрещают пользоваться церковью, мельницей, кузницей, публичными гостиницами и вообще всеми общими местами»²⁹.

Особенно грозным оказывается отдельный пункт о «замках, монастырях и поповских приютах». Поскольку именно от них исходили «любые предательства, насилия и гибель», то «немедленно им объявляется отлучение». Однако если дворяне, монахи и попы «добровольно откажутся от таких замков, монастырей и приютов и переселятся в простые дома», а затем пожелают присоединиться к «Христианскому соединению», то их со всем имуществом примут. Но пусть они затем — «преданно и честно» следуют тому, что им положено на основе божественного права. Светскому отлучению подвергаются также те, кто осмелится «приютить, кормить и содержать» врагов «Христианского соединения».

Таким образом, в этом документе, который, по мнению М. М. Смирнова, составлен близкими к Мюнцеру людьми, особенно рельефно вырисовывается, как крестьянство подходило к вопросу о власти. В сущности оно признавало только одну власть — власть всех тех, кто объединился в «Христианское соединение». Оно объявляет бескомпромиссную войну всем, кто не присоединился к нему, без снисхождения объявляет своими врагами всех обитателей замков, монастырей и поповских приютов. Возможно ли говорить здесь о локально ограниченном представлении о власти крестьян? Думается, нет. Ведь «Статейное письмо» не ставило никаких ограничений в этом плане. Практически на его основе крестьяне ведут наступления на любые замки,

²⁸ Baumann F. L. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben. Tübingen, 1876, S. 489.

²⁹ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. Aktenband. Darmstadt, 1972, S. 177.

монастыри и попавшие приюты, где бы они им ни попадались, отлучению подвергаются все, в том числе и города, если они добровольно не присоединятся к «Соединению».

Мы уже видели, как решительно крестьяне Шварцвальда в мае 1525 г. требовали от крестьян Кирхцартена присоединиться к ним, а также как на основе «Статейного письма» 24 мая 1525 г. захваченный крестьянами Фрейбург был вынужден присоединиться к «Христианскому соединению». Так действовали крестьяне Шварцвальда повсюду.

Бросается в глаза, что не только в Швабии и Шварцвальде, где широко было распространено «Статейное письмо», но и в других местах крестьяне создавали свои объединения, которые действовали как новая власть. Нейенбургские крестьяне на Верхнем Рейне создали свое «Христианское собрание», которое объявило, что крестьяне признают только христианские власти, а императора и князей только в том случае, если они присоединятся к евангелию. Полностью они отказываются от господского суда, так как сами в состоянии наказывать. Делать что-либо в пользу господ они согласны только за соответствующую плату. Оденвальдские крестьяне во Франконии заставляли обладателей бургов отказываться от них и присоединяться к их соединению. «Общее собрание» крестьян Тауберталя рассматривало себя исполнительным органом по проведению в жизнь евангелического учения и создания евангелия. Отменяются немедленно всякие чинши, десятины, оброки, платы за допуск, посмертные и другие поборы. Правда, все это до тех пор, пока «высокие учение» не проведут реформу и не установят, что следует, согласно евангелию, платить духовным и светским властям. В своих требованиях и практических действиях крестьяне беспощадно уничтожают замки и всякие укрепления. На всех, светских и духовных, дворян и недворян должны быть распространены те же законы, что и на крестьян и бюргеров.

О власти вся община Бильдхаузена 16 апреля 1525 г. высказалась так: «Это не так, что мы не хотим иметь какой-либо власти или господина и не хотим им что-либо давать.., а наоборот, мы хотим, чтобы соответствующие власти и господа обращались с нами достойно и согласно евангельскому учению»³⁰.

³⁰ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, S. 130.

Восставшие франкенхаузенцы вместе с присоединившимися к ним крестьянами направили 4 мая 1525 г. дворянам призыв присоединиться к ним, в котором они как воснно-политическая власть требуют: «Чтобы вы уничтожили излишние замки,.. отказались от высоких титулов». Таким образом, они стояли за полную ликвидацию превосходства феодалов, за их приравнение к простому человеку.

10 мая граф Эрнст Мансфельдский из крепости, в которой он скрывался вместе с другими феодалами, направил франкенхаузенцам письмо с призывом к безусловному подчинению феодальным властям. Свое требование он обосновал лютеровскими изречениями о божественной законности властей. Получив письмо, общее собрание франкенхаузенцев поручило Мюнцеру ответить графу от их имени³¹. В своем ответе Мюнцер спрашивает графа: «Кто сделал тебя князем над народом, завоеванным богом собственной кровью?» И далее он пишет, что вся община на кругу решила предоставить графу возможность доказать, что он христианин, для этого он сам должен приехать в лагерь. Восставшие гарантируют ему охрану. «Извинись за свое неприкрытое тиранство, — пишет далее Мюнцер, — скажи, кто сделал тебя таким жадным, почему ты в ущерб всему христианству такой языческий негодяй. Если же ты не придешь, то я призову всех, чтобы они свою кровь против тебя так же не щадили, как в борьбе с турками... Тебя должны преследовать и истребить; и каждый будет стараться получить отпущение грехов за твою жизнь в большей мере, чем он раньше старался получить его от папы». В заключение Мюнцер говорит: «И чтобы ты знал, откуда нам дан такой прямой приказ, я скажу: вечный живой бог приказал, чтобы мы свергли тебя с престола силой. Ты христианству без пользы... О тебе и тебе подобных господь бог сказал: твое гнездо должно быть разорвано и разбито»³². Данное письмо убедительно говорит о том, что могли бы сделать крестьяне, если бы у них была решительность Мюнцера. В письме получает воплощение идея о власти простого народа: народное собрание будет судить своего князя. Род его будет истреблен от имени бога народом. Вряд ли будет правильно, как это делает Х. Бусцелло, не счи-

³¹ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, S., 147, 168, 169.

³² Ibid., S. 168, 169.

тать слова Мюнцера выражением мнения народа. Ведь почти в любом лагере обращения, письма, жалобы записывались не самими действующими крестьянами, а различными писарями, людьми, которые приходили к крестьянам извне. Они все вносили свое отношение к делу. И «12 статей», и объяснение к ним, и многие иные документы, как уже отмечалось, были весьма умеренными не потому, что так хотели крестьяне, а так их составляли грамотные люди. И тем не менее, они отражали взгляды определенной части крестьян.

Когда речь идет о постановке вопроса о власти крестьянами, нельзя пройти мимо обращения «К собранию простых крестьян»³³ на том основании, что его составил не крестьянин, а ученый. Да, автор неизвестен, хотя и говорит, что он из крестьян. Интересно, что он, как и автор введения к «12 статьям», как авторы многих статей местного значения, как Мюнцер, оправдывает справедливость восстания. Делает он это обоснованно, ссылаясь не только на евангелие, хотя оно для него выше всего. Центральным вопросом для него является вопрос о власти. Светские власти, с его точки зрения, нужны. «Но во истине, дело обстоит иначе», чем вас учат. «С вас требуют слишком большого повиновения, превращая власть в размалеванного идола, ловко его принаряжают и приукрашивают, дурачат им весь мир, громко трубят по этому поводу и считают, что они правы. Но если приглядеться к этому молодцу повнимательнее, то окажется, что он не более, чем замаскированное соломенное чучело, вроде тех, которые бывают на игрищах в дни заговения».

Как и Лютер в ранних своих реформационных произведениях, анонимный автор обращения считает, что истинный христианин не нуждается в человеческой власти, ибо «любовь есть исполнение закона». Однако власти все же нужны для «осуждения нехристиан, для защиты благочестивых». Власть нужна для обороны страны и на общую пользу. И только за это ей следует платить налог. «И если кто-нибудь — портной, сапожник или крестьянин — достигнет власти и будет честно хранить христианское братство, то считайте его за короля и императора и подчиняйтесь ему». Характеризуя дальнейшие существующие феодальные власти, автор подчеркивает, что он страдает от них так же, как и крестьяне.

³³ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, S. 194—226.

«Власти, — говорит он, — коварны, как оборотни слуги дьявола, придумывая для бедняков все новые тяготы: в этом году — добровольная барщина, в следующем — уже принудительная, а затем она, в большинстве случаев, превращается в их «старую традицию». В каком указе или законе бог, их господин, дал им такую власть, чтобы мы, бедные, возделывали их земли на барщине — и не только в хорошую, но и в дождливую погоду; в своем несчастье проливали кровавый пот, забрасывая собственные поля?.. Мы выбиваемся из сил, кося господские луга, возделывая поля, засевая их льном, затем тербим его, чешем, сушим, прядем и ткем, изготавливаем одежду и т. д., а также выбираем горох, собираем морковь и спаржу». Обрушиваясь подобным образом на власть имущих, автор обращения заявляет: «И вопреки этому, никому нельзя что-либо сказать против, сразу с ним поступают, как с подлым предателем, надевают ему колодки, обезглавливают, четвертуют. В этом у них меньше милосердия, чем по отношению к буйствующей бешеной собаке». Целая глава обращения посвящена разъяснению, какая из властей предпочтительнее — природная или избранная на время. На примерах автор показывает, что среди всех римских императоров не было ни одного достойного этого звания. Несчастья римлян, подчеркивает он, начались с того, что они сменили «общее правление на императора». Обрисовав все злодеяния единоличных правителей в самых ярких красках, автор ставит главный вопрос для крестьян: может ли община (т. е. могут ли все сообща) сместить своего правителя? И отвечает на этот вопрос сразу: «Действуйте! Так хочет бог! Об этом следует бить в набатный колокол!» А затем посвящает этому вопросу большую главу, в которой нет ни одного слова в защиту существующих феодальных властей. «Страна или община имеют власть сместить приносящего вред господина». Важно отметить: автор считает, что все власти, включая и власть императора и папы, должны быть уничтожены. То, что говорят против этого, он объявляет «голубыми утками». Признавая, таким образом, необходимость свержения властей, автор ставит вопрос о методах их устранения.

Как и во всех документах Крестьянской войны, где затрагивается этот вопрос, автор выступает за создание сильной организации, которая была бы в состоянии добиться ухода властителя мирными средствами. «Но, — восклицает он, — если ваши противники ведут войну и,

по своей глупости обсуждают евангелие с помощью копий, алебард, выстрелов и доспехов, то бог приказывает вам обрушиться на них». В отдельной главе автор оправдывает бунт на том основании, что виновны в нем правители. Он призывает Сивиллу прославлять свой союзный «башмак». Автор предупреждает крестьян о тех несчастьях и горестях, которые их ожидают в случае, если они откажутся сражаться за свое дело. Обрисовав ужасную картину поражения и ссылаясь на последствия, которые принесли поражения крестьянам в Венгрии, Австрии и Германии во время восстания «Бедного Конрада», он заявляет, что уйти от этого могут только те, кто «хранит братскую верность друг другу». В заключительной главе он предупреждает крестьян остерегаться паникеров и изменников и призывает сохранять добрый лоярдак и братское единство. Анонимный автор подсказывает им очень близкую для уже рассмотренных порядков военную организацию. Но советует начальников ставить только из собственных рядов, нельзя «смешать волчьи волосы с овечьей шерстью, как нельзя спарить ястреба с голубкой». Возвращаясь к вопросу о власти, он говорит: «Призываю вас непосредственно подчиняться императору, как и другие благочестивые города». Таким образом, анонимный автор за полную ликвидацию всех феодальных властей. Нас не должно здесь смущать, что он за подчинение императору, ибо мы уже видели, что власть императора он считает сменяемой, а императором, по его убеждению, может стать любой — портной, сапожник и крестьянин. Высшей властью он, как и другие авторы крестьянских статей, признает только Христа.

Солидаризируясь с М. М. Смирным в том, что автор принадлежал к какой-то радикальной бюргерской группировке, мы никак не можем согласиться с его мнением, что в обращении предлагается оборонительная тактика. Автор, наоборот, призывает к сплочению уже имеющейся организации, к созданию военных подразделений и общего командования, хотя он это и не высказывает теми страстными словами, какими говорит Мюнцер. Нельзя согласиться и с авторами из ГДР, которые считают, что документ возник только в конце апреля — начале мая. На наш взгляд, он мог быть написан значительно раньше, так как в нем нет ни сведений об уже существующей военной организации крестьян, нет и указаний на какие-либо названия крестьянских объединений. Автор,

бесспорно, крупный теоретик, который в разгар Крестьянской войны дает ответ на самый животрепещущий вопрос революции — на вопрос о власти. Власть тиранов стала настолько невыносима, что жалкие вопли «сборщиков урожая» и «работников» дошли до ушей бога, и «начнется день резни откормленного скота, который услаждал свои сердца со всем удовольствием бедностью простого человека». Не только императорам и королям позволено низлагать господ, но и подданные сами должны их лишить трона. Не останавливаясь на подробной характеристике новой власти, автор самым обращением к собранию простого крестьянства подчеркивает, что власть должна принадлежать ему. Он за «коллективное правительство» (*gemein Regiment*); «собирайтесь чаще вместе, ибо ничто так не сплочивает и не держит общий отряд в сердечном согласии». Только избранную всеми вместе власть, поставленную под контроль всех, он признает той новой формой государственной власти, которая в состоянии служить общему благу и соответствует христианскому принципу. Обращение «К собранию простого крестьянства», таким образом, является наиболее полным отражением крестьянского представления о власти, ибо многое из того, что рекомендует его автор, осуществлялось на деле. По крайней мере, крестьяне решали все вопросы на общем собрании и ставили под общий контроль все избранные власти, которые должны были действовать согласно божественному праву.

При выяснении отношения немецких крестьян к вопросу о власти в Крестьянской войне нельзя оставить без внимания памфлет «О новом преобразовании христианской жизни»³⁴, приписываемый Гансу Герготу. Как и в рассмотренном обращении, автор «О новом преобразовании» исходит из практической деятельности крестьян в ходе Крестьянской войны, хотя памфлет написан уже после поражения, возможно, в 1526 г., — его первое печатное издание относится к концу этого или началу следующего года. Видимо, памфлет написан представителем радикальной мюнцеровской партии. В этом произведении мечта простого человека о будущем идеальном государстве получила наиболее полное воплощение.

³⁴ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, S. 279—294.

Автор памфлета ставит себе цель «во имя прославления господа и общей пользы» сообщить простому человеку о новом, предстоящем преобразовании. Не оставиваясь здесь на его сообщении о социально-экономических изменениях, следует отметить, что он предусматривает общественную собственность на средства и орудия труда, совместную трудовую деятельность и равенство в распределении продуктов. По вопросу о власти автор исходит из того, что господь бог уже уволил и папу, и императора с их постов, а вместе с ними и всех их родственников. Хотя бог их уже уволил, они будут уволены также и всем миром, ибо, пока они во главе, будут раздоры в мире. «Творцами нового будут господь бог и простой народ». Автор, как и Мюнцер, страстно отстаивает мысль, что «жилищем, в котором живет господь бог, являются бедные люди, крестьяне и бюргеры». Крестьянская война была делом бога, а не просто крестьян, развс, кроме бога, кто-нибудь был бы в состоянии в течение всего лишь 10 недель нагнать столько страху на господ! В будущем государстве не должно быть двух глав. Не только каждая страна, но и весь мир должны управляться одним человеком. Все государственные должности должны быть выборными.

Главы низовых производственных объединений, характеристика которых содержится в памфлете, выбирают главу страны, который будет питаться и жить не лучше, чем его подчиненные, что ему больше за труд положено, он получит от бога. Этим самым подчеркивается, что не будет налогов и всяких поборов, свойственных феодальному обществу и вызвавших в ходе Крестьянской войны бурю протеста. И должен глава страны в своей деятельности опираться на знатока земледельческого производства и знатока священного писания, т. е. не должен он управлять по произволу, его деятельности придается научная основа. Главы двенадцати стран выбирают над собой главу, который объединит под своей властью четверть всех латиноязычных стран, т. е. двенадцать. Но и этот глава не должен есть и пить лучше своих подчиненных. По отношению к подчиненным он обязан осуществлять контроль, чтобы никто не искал, «кроме общественной пользы, еще и свою». Таких глав в латиноязычных странах четыре. В странах грекоязычных и с еврейскими языками государства имеют такую же организацию, как и в латиноязычных странах. И будут эти

двенадцать глав, стоящих во главе всех стран трех языков, жить не лучше своих подчиненных, над которыми они обязаны осуществлять контроль. И эти двенадцать выберут единого правителя над всем миром, который будет контролировать двенадцать подчиненных. Настоящим главой над всеми выборными земными правителями является сам святой дух. Автор памфлета констатирует, что любой существующий ныне суд и любой судья не судят согласно правде и справедливости, а всегда учитывают свои личные чувства и выгоду. Именно поэтому святой дух назначает новый суд из двенадцати человек. В суде будут решаться дела по большинству голосов. Если 5 человек против, то будет принято решение, за которое голосовали остальные 7 человек. Платить судьям будут не подсудимые, а тот, кто установил такой суд на пользу бедным. Подчеркивая продажность старого суда, автор памфлета отмечает, что там все решали корыстолюбивые ученые книжники, которые в состоянии белое сделать черным. В связи с этим уместно напомнить, что одной из наиболее часто встречаемых жалоб крестьян является жалоба на несправедливость судов и судей, на то, что им необходимо много платить, а справедливости от них нет. Они отсылают крестьян из одной инстанции суда в другую, и все напрасно. В статьях штюлингенских крестьян (6 апреля), например, из 62 статей не менее 20 говорят о несправедливостях, связанных с деятельностью суда и судей до фогтов включительно. Поэтому неудивительно, что автор, как и крестьяне, и представители радикального направления в Реформации, видит выход в том, чтобы в новом суде заседали старые, мудрые, хотя и не ученые люди, ибо святой дух дает больше мудрости старику, необученному человеку, чем молодому ученому.

Памфлет «О новом преобразовании» не отделяет будущее от настоящего, теорию от практики. Свое предсказание он связывает с неудачей Крестьянской войны, объясняя ее недостаточной последовательностью крестьян. Потерпевшие поражение крестьяне остаются главными творцами будущего. Ради них и придуманы все кардинальные изменения общественных отношений. О никчемности крупных городов автор говорит не потому, что он враг промышленного прогресса, как считает М. Штейнмец³⁵, а по той причине, что почти все крупные

³⁵ Steinmetz M. Hans Hergot und die Flugschrift Von der neuen Wandlung eynes christlichen Lebens. Leipzig, 1977, S. 41—43

города в ходе Крестьянской войны находились на стороне феодалов. Как иначе, если не предательство, должны были такую позицию оценить крестьяне? Кроме того, следует иметь в виду, что новые ростки капитализма вовсе не были сосредоточены в крупных городах.

Взгляды автора на государственную власть больше всего перекликаются с выше приведенными словами бальтрингенского отряда крестьян о том, что они, кроме господ бога, не признают иного господина, а его учение о божьем суде полностью совпадает с мнением крестьян Клеттгау, что судьями должны быть признаны только ветхий и новый заветы. Иначе говоря, автор памфлета высказал наиболее полно и обоснованно то, что думали крестьяне о будущем государственном устройстве, основанном на божественной справедливости. Памфлет с начала до конца пронизан духом Реформации и Крестьянской войны. В сущности вся борьба крестьян, как и Реформация в целом, была полна утопических мечтаний. Именно они служили мощным идейным импульсом борьбы против всего старого, феодального, ненавистного и косного. Не имея ясного представления о будущем, они твердо отстаивали демократическое начало. Выборность всех органов власти снизу доверху — таково было практическое решение вопроса о власти народом. Автор памфлета, сохраняя выборность всех правителей, устанавливает многоступенчатую избирательную систему. Народ, на первый взгляд, отстраняется, но контроль осуществляет святой дух. Именно он, по утверждению автора, живет в народе — сам народ является жилищем его. Поэтому совершенно не случайно, судьи — это простые, мудрейшие мужи из народа.

Оценивая отношение немецкого крестьянства к вопросу о власти, необходимо прежде всего отметить, что при весьма смутном представлении о будущем государственном устройстве, при всей противоречивости суждений о нем в крестьянских статьях и жалобах, при утопическом представлении о «божественном праве» и «божественной справедливости», они в своих практических действиях поступали исторически оправданно — все их действия были направлены против феодального строя. Во многих местах, где были созданы крестьянские отряды, феодалы лишались власти, у монастырей и церковных учреждений разных типов была полностью отнята земля и конфисковано их имущество, которое тут же использовалось в общих интересах, были разрушены

феодалынные замки, эти гнезда феодальной эксплуатации и угнетения, запрещалось выполнение феодальных повинностей, распускались феодальные войско и административный аппарат, крепостные крестьяне перестали считаться со своей зависимостью и т. д. Крестьяне создавали свои военные соединения, основывавшиеся на принципиально новых началах. Во всем этом и проявилась новая власть, власть широких слоев крестьян и горожан.

Каков был характер этой власти, что она представляла собой с точки зрения истории? Прежде всего и в мечтах, и на практике новая власть была антифеодальной, революционной. Она предполагала коренное изменение общественных отношений, на практике ломала старые общественные отношения, уничтожала католическую церковь со всеми ее учреждениями как наиболее прочный материальный и духовный оплот феодализма. Она нанесла огромный ущерб светским феодалам и подрывала власть светского дворянства на местах. Она заменяла монархическое, наследственное правление демократическими, выборными органами, прежде всего в войске. Крестьянство училось по-хозяйски подходить к проблемам экономики: захваченная военная добыча бралась на строгий учет, бывшие церковные и феодальные богатства, вплоть до замковых кирпичей, где это было нужно, превращались в деньги, используемые на укрепление военной мощи, мельницы не только не разрушались, а ставились под охрану; плуги и иной крестьянский инвентарь запрещалось трогать. Впервые в истории немецкого крестьянского движения во время Крестьянской войны в распорядке бильдхаузенских крестьян говорится о защите домов евреев, т. е. домов ремесленников и торгово-денежных людей. Более того, их обитателям разрешается присоединиться к «Христианскому соединению».

Кто были те, кто выступал носителями новой власти, кто выбирался на командные должности и советы? Среди капитанов вплоть до верховных военных капитанов отрядов было немало ландскнехтов и имелись отдельные дворяне. Среди прочих должностных лиц войска, выполнявших разные хозяйственные и иные функции, преобладали ремесленники и вообще горожане. Однако в советах «знамен» и отрядов заседали почти одни крестьяне. Следовательно, новые власти — это крестьяне, бюргеры и ландскнехты. Как правило, ланд-

скнехты — это те же крестьяне. Среди бюргеров преобладали ремесленники. Относительно состава крестьян существуют разные взгляды. Определенная часть историков считает, что среди них преобладали зажиточные крестьяне, что вполне возможно, так как они и раньше пользовались авторитетом и имели опыт в ведении общинных дел. Может быть, этим и объясняется общая канва умеренных требований. Но вряд ли следует игнорировать участие беднейших и средних слоев деревни. Ведь почти в каждом отряде и «знамени» шла острая борьба между умеренным и радикальным направлениями. И нередко одерживали верх радикально настроенные группы. Таким образом, вряд ли на данном уровне исследований возможно совершенно правильно ответить на этот вопрос. В целом можно констатировать, что новые власти формировались из крестьян и городских низов. При оценке состава власти нельзя забывать, что над всеми ее органами стояло собрание всех крестьян. Оно выбирало, смещало и контролировало всех деятелей. Вся власть находилась в руках крестьянского собрания и все инстанции служили этому органу. Большинство требований и мероприятий, известных по документам Крестьянской войны, выдвигалось и проводилось в жизнь в интересах крестьян. Весьма редко говорится о городах, а крупные города вообще рассматривались как возможные противники. Крестьяне нигде прочно и надолго не захватывали власть. Во всех документах говорится о переговорах с феодальными властями.

Все это дает нам право говорить о том, что в ходе Крестьянской войны крестьяне не шли дальше попытки противопоставить феодальным властям свою власть, которая действовала в интересах и от имени простого народа. Формировавшаяся новая власть может быть охарактеризована как революционная, антифеодальная, действовавшая от имени крестьян и простого народа в целом. Стихийно эта власть делала много правильных шагов, но в целом утопичность политических взглядов крестьян, постоянная внутренняя борьба, отсутствие твердого коллективного руководства, постоянная надежда на то, что кто-то должен решить все вопросы, пусть это будут «ученые знатоки евангелия» или еще кто-нибудь, с самого начала придавали этой власти временный характер. При рассмотрении вопроса о власти особенно ощущается стихийность и отсутствие руководства со стороны класса и партии. Это руководство мог-

ли бы осуществлять только классы, внутри которых не было таких противоречий, от которых страдало крестьянство, т. е. буржуазия или пролетариат. Однако в Германии не было еще зрелого класса буржуазии. Городское бюргерство было сильнейшим образом связано со своими корпорациями и городскими привилегиями, что мешало ему стать общенациональным руководителем в ходе Реформации и использовать Крестьянскую войну в борьбе с феодализмом. Не было еще и пролетариата. Плебейство городов, т. е. низшие слои городов, из-за привязанности к определенным городским порядкам также разъединенные территориально, горнорудные рабочие и мелкие ремесленники промышленных местечек не были едины ни в социальном, ни в политическом отношениях.

§ 4. Результаты Крестьянской войны

Результаты Крестьянской войны нельзя отделить от результатов Реформации, так как крестьянские восстания оказывали решающее влияние на позиции церкви. Поэтому первым результатом необходимо считать подрыв господства и авторитета католической церкви и римского папы. Если лютеровское реформационное движение с самого начала было направлено против религиозного господства католической церкви и папы и в дальнейшем оставляло решение вопроса о церковной собственности и имуществе князьям, то крестьяне, разрушая монастырские укрепления, конфискуя все церковное имущество, изгоняя и истребляя католическое духовенство, подорвали основу господства католической церкви в Германии. Более того, они во многих местах уничтожили саму католическую церковь. Как известно, католическая церковь в средние века была «высшей санкцией и высшим обобщением феодализма», поэтому подрыв ее могущества является одновременно сокрушительным ударом по всему феодальному обществу.

Во-вторых, необходимо отметить, что огромный удар был нанесен низшему и среднему слою класса феодалов — рыцарству — при уничтожении замков. Большая часть мелких и средних феодалов погибла в ходе Крестьянской войны. Старогерманское рыцарство от этого удара не сумело больше оправиться. Правда, этим, как и подрывом господства католической церкви,

сумели воспользоваться одни князья. Однако нельзя забывать, что рыцарству (за редким исключением) к западу от Эльбы не удавалось в течение последующего времени создавать свое собственное хозяйство с закрепощенным крестьянством в качестве работников, как это было сделано в Остэльбии. Такое положение зависело не только от событий Крестьянской войны, однако при любой попытке мелких феодалов возобновить наступление на крестьян последние грозились новой войной, что было довольно веским аргументом, чтобы заставить феодалов отказаться от своих намерений.

В-третьих, Крестьянская война имела огромное историческое значение. Она показала, какая мощная потенциальная сила таится в крестьянстве. Идеи и тактика Крестьянской войны стали арсеналом революционной борьбы трудовых масс не только в Германии, но и в ряде стран Европы. Немецкие анабаптисты, пытавшиеся еще долгое время высоко держать знамя антифеодальной борьбы, разносили во многих странах идеи самой смелой части крестьянско-плебейских кругов Германии.

В-четвертых, Крестьянская война в некоторых районах, хотя и на непродолжительное время, полностью освобождала крестьян от всех феодальных повинностей, вернула им альменду и давала возможность самим решать свои общинные дела. Во многих местах крестьянство сохранило свои сословные объединения, проявившие себя в ходе Крестьянской войны.

В-пятых, поражение крестьян, однако, нельзя недооценивать. Лучшие представители крестьян, их идейные предводители были либо физически уничтожены, либо вынуждены бежать. Большая часть боеспособной молодежи была перебита войсками Трухзесса, Филиппа Гессенского, Иоганна Саксонского, Антона Лотарингского и многих других руководителей реакционных феодальных отрядов. На крестьян, участвовавших в восстании или помогавших восставшим, была наложена контрибуция, подрывавшая их экономические возможности в первые годы после войны, в ходе которой и без того было разрушено немало крестьянских хозяйств.

ГЛАВА VI. «ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА» В ОСТЭЛЬБИИ. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И ЕГО АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА (XVI—XVIII вв.)

Наметившееся в конце XV в. различие в развитии феодализма между землями, расположенными к востоку и западу от реки Эльбы, в XVI в. стало реальностью, которая наложила свою печать на дальнейшую историю Германии. Если на Западе в течение XV—XVIII вв. не наблюдалось существенных изменений в организации феодального хозяйства и формах эксплуатации крестьян, то на Востоке в это время происходили глубокие экономические и социальные сдвиги внутри феодального хозяйства и общества, которые надолго закрепили здесь самые суровые методы феодальной эксплуатации крестьян.

Для развития остэльбской деревни с XVI по XVIII в. характерны три этапа. Первый длился в течение XVI в. и до начала Тридцатилетней войны. В это время наступление рыцарей на деревню разворачивалось медленно. Создавались рыцарские имения, крестьяне частично лишались земли и оттеснялись с хорошей земли на плохую, ущемлялась их свобода и ограничивались владельческие права. Второй этап начался вместе с Тридцатилетней войной и длился до середины XVIII в. В результате военных невзгод и ужесточения феодальных форм эксплуатации большая часть крестьян окончательно разорилась, и обнищавшие семьи массами покидали свои унаследованные наделы. К концу войны остававшиеся в деревнях крестьяне были фактически и юридически закрепощены. Обездоленным и закрепощенным крестьянам понадобилось около 100 лет для восстановления своего и господского хозяйства. Третий этап наступил с середины XVIII в. Он характеризуется исключительно быстрыми темпами развития земледелия. Благодаря интенсивному использованию новейших научных и технических достижений и созданию капиталистических форм хозяйствования начался подъем аграрного производства, приведший страну к аграрным реформам начала XIX в. Хотя Запад не следовал этому примеру, он находился под влиянием закрепившихся в Остэльбии феодально крепостнических отношений. Угроза нового закрепощения была велика и для крестьян к западу от Эльбы. Однако среди множества причин решающим тормозящим фактором стало здесь то, что

крестьяне в ходе Крестьянской войны нанесли духовенству и рыцарям (дворянству) такой удар, от которого им в последующее время не удалось оправиться. И тем не менее, крестьяне и здесь после своего поражения попали под власть самых сильных представителей феодалов — они стали феодально-подданными князей. Хотя эта форма и была мягче восточноэльбского крепостничества, она является своеобразным проявлением второго закрепощения.

§ 1. «Второе издание крепостничества» в XVI—XVII вв.

Понятие «второе издание крепостничества» применяется по отношению к обширному региону Восточной Европы, охватывавшему территорию от феодальных восточногерманских княжеств до феодального Русского государства. Название «второе издание крепостного строя» или «второе закрепощение» возникло в результате сопоставления форм крепостной зависимости в XVII—XIX вв. с более ранними формами крестьянской зависимости. После победы феодального строя в Европе, крестьяне повсюду находились в личной, поземельной, судебной и иных формах зависимости от феодалов. В X—XIII вв. господствовали «тяжелые» формы зависимости крестьян. Начиная с XIII в. крестьянам удавалось различными путями ослаблять свою зависимость от феодалов и во многих местах стать лично независимыми, как это было в Остэльбии в ходе и сразу после ее колонизации. «Второе закрепощение», происходившее с конца XV в. в этом районе, породило такие формы крепостной зависимости крестьян, которые, по выражению современников, ставили крестьянство на уровень античных рабов. В Остэльбии и прилегающих к ней районах оно завершилось до середины XVII в. и было юридически оформлено изданием ряда княжеских актов. Установленный таким образом крепостной строй просуществовал до XIX в., когда в результате законов «крестьянской реформы» он юридически был отменен. Однако и после последнего официального антикрепостного акта в 1851 г. в Остэльбии еще до XX в. сохранялись различные его пережитки.

Причины «второго закрепощения» крестьян в Остэльбии по своему характеру выходят за локально ограниченные рамки. Они были связаны с социально-экономи-

ческими сдвигами, происходившими в Европе и во всем мире со времени начала Великих географических открытий. Как известно, тогда начали оформляться новые рыночные связи, охватившие все европейские страны и вновь открытые земли. Соответственно происходило и новое общественное разделение труда, без которого были бы немыслимы новые рыночные связи, свидетельствовавшие о развитии капитализма. В результате большие и малые регионы начали специализироваться на производстве определенных товаров на рынок. Остэльская имела значительные земли, которые могли быть использованы для сельскохозяйственного производства, что давало этому краю возможность начиная с конца XV в. из десятилетия в десятилетие увеличивать производство и вывоз хлеба. К тому же она была расположена сравнительно недалеко от основных потребителей и имела хорошие подступы к Балтийскому морю — основной водной артерии между северо-западом и северо-востоком Европы. Вывоз шел в страны, где спрос на зерно увеличивался в результате быстрого развития капиталистических отношений и где скудные почвы при тогдашнем уровне техники и науки не давали возможности увеличивать сельскохозяйственное производство. Потребителями остэльского зерна были прежде всего Англия и Нидерланды, затем Норвегия и некоторые средиземноморские земли. Статистически не удалось еще выявить для Остэльской рост вывоза зерна за все интересующее нас время, однако к концу XVIII в. Англия, например, ежегодно импортировала до 300000 т зерна, основную часть которого составляла пшеница, привозившаяся из восточнопрусских портов.

Развитие товарного производства в земледелии Остэльской стимулировало образование крупных хозяйств. Во второй главе уже отмечалось, что к концу XV в. в Остэльской преобладали крестьянские хозяйства в одну гуфу, которая здесь насчитывала от 24 до 120 га. Причем «фламандская» гуфа, которой наделялись славянские крестьяне и нидерландские переселенцы, была в 2 раза меньше «немецкой». По формальному признаку — размерам посевной площади — крестьянские хозяйства были достаточно крупными, чтобы производить хлеб на продажу. Однако из-за отсутствия достаточного количества рабочих рук, тягловой силы, а также слабости общинных связей крестьянские хозяйства не были в состоянии на этом этапе использовать благоприятные

рыночные условия. Значительно более подготовленными к производству товарного зерна были хозяйства деревенских старост, рыцарей, княжеские и орденские поместья¹. Помимо того, что у них было больше пахотной земли, они пользовались трудом зависимых крестьян, особенно так называемых огородников, или коссетов; и собирали немало оброчного зерна.

Наибольшую активность в создании крупных хозяйств, производивших зерно на продажу, проявляли рыцари. Рыцарство Остэльбии в меньшей мере было потомственным дворянством. Основная часть его происходила из министриалов, т. е. служилых людей князей, высшего духовенства и духовных конгрегаций. Министриалы становились рыцарями в ходе завоевания и колонизации. Для них собственное хозяйство ради производства товарного хлеба стало смыслом жизни.

При создании крупных хозяйств рыцари встречались с большим числом трудностей. Прежде всего необходимо было добиться полной поддержки со стороны князей. Затем, расширяя свои имения или вотчины (*Grundherrschaft*) за счет крестьянских владений, необходимо было удерживать крестьян, не допускать их бегства, прикреплять их к земле и лично, чтобы таким образом создать условия для функционирования хозяйств за счет самой дешевой рабочей силы. Поскольку процесс создания крупных рыцарских имений и хозяйств — фольварков — происходил без инвестиций извне (для этого в Остэльбии не хватало городов с накопленным капиталом) и государственных дотаций, он с самого начала основывался на методах насилия. Рыцарство поэтому повсюду старалось заручиться не только поддержкой местных монархов, но и захватить судебную власть над крестьянами. Это давало им возможность использовать государственную систему в целях закрепощения крестьянства.

Занимавшиеся этим вопросом буржуазные историки ФРГ — В. Абель, Ф. Лютге и Г. Франц — видят в рыцарях настоящих спасителей Германии, которые опирались на добрые намерения и применяли только законные средства в своих действиях. Прежде всего рыцари, как утверждают эти историки, стали обладателями обезлюдевших во время «аграрного кризиса» XIV—XV вв. земель. Этих историков несколько не волнует, что XVI в.

¹ Речь идет о Тевтонском, или Немецком, ордене, обосновавшемся в Пруссии с 1226 г.

относится уже к более позднему времени и что Заэльбье меньше всего, по их же признанию, страдало от обезлюдения. Став обладателями обезлюдевших крестьянских наделов, рыцари выкупали у князей числившиеся за этими землями оброки и этим самым превращали их в свою собственность. После этого они уже свои собственные земли предоставляли крестьянам и другим категориям сельских тружеников (коссетам и огородникам) в виде небольших наделов, за которые новые владельцы обязывались нести барщину и платить оброки. Таким образом, в изображении буржуазных историков ФРГ рыцарство выглядит довольно мирным и благонравным. И только под влиянием исследований историков ГДР западногерманские историки вынуждены говорить о частичном насильственном присоединении крестьянских земель, о сго-не крестьян и т. п.

Следует отметить, что процесс создания крупных рыцарских имений и фольварков еще недостаточно исследован. Специальные исследования показали, что на первом этапе, т. е. в XVI — начале XVII в., сложилось большое количество рыцарских имений, хотя фольварочных хозяйств было сравнительно не так уж много. Для смежной с Остэльбией Саксонии К. Блашке подсчитал, что на 50 рыцарских имений, возникших в XVI в., приходилось не менее 500 исчезнувших крестьянских хозяйств, владельцы которых были согнаны с земли (*gelegt*). С 1480 по 1624 г. было основано и большое число рыцарских имений в Уккермарке. Со времен колонизации верховное право на землю принадлежало князьям, поэтому необходимо учитывать, что с момента выкупа рыцарями оброчных обязательств, числившихся за крестьянскими наделами, последние становились собственностью рыцарей и вышли из-под верховной власти князей. Трудно учесть весь комплекс причин, побудивших князей на такие уступки рыцарству. Однако делали они это не из одной классовой солидарности или только из-за необходимости укрепления своего представительства и власти на местах. Главной причиной была постоянная нужда в деньгах, которую испытывали князья. Свои верховные права на землю князья уступали рыцарям постепенно: вначале они за определенное вознаграждение в частном порядке разрешали рыцарям покупать или присоединять крестьянские наделы и общинные угодья, затем это стало обычным явлением, и наконец, вся общинная земля становилась собственностью рыцарей. В ряде княжеств

начале разрешалось отнимать наделы у своих «непослушных и неисправных» крестьян, но позже это стало правилом, так как определить, кто из крестьян «непослушный», мог только сам рыцарь. Вместе с землей рыцари приобретали и определенные судебные и административные права над крестьянами. Они становились деревенскими судьями и старостами, что окончательно закрепляло положение рыцарства в деревне.

Раньше всего были захвачены земли славянской части крестьянства, как это происходило в Оберлаузице еще в XVI в. Однако затем эта судьба не минула и земли немецких крестьян. Захват крестьянских земель происходил и в ходе реформации церкви. Так, в Померании и Бранденбурге конфискация князем земли у распущенных католических монастырей и церковных учреждений послужила подходящим условием для перехода к сгону крестьян, являвшихся до этого держателями церковной земли. Герцог Эрнст Людвиг, расширяя свой собственный домен за счет секуляризованных земель, беспощадно лишал крестьян держательских наделов. Там, где крестьяне Бранденбурга не были согнаны с секуляризованной земли, они превращались в государственных крестьян. Таким образом, на них распространялась особая форма крепостничества, которая не сопровождалась произволом, господствовавшим в рыцарских имениях.

Рыцарство, выторговав для себя временные и частные уступки, при очередных финансовых затруднениях вынуждало князей не только подтвердить свои частные решения, но и принять решения общего характера. Хорошо это видно на примере Бранденбурга, где великий курфюрст в 1563 г. на ландтаге подтвердил все привилегии рыцарства, по частям полученные до этого.

В ходе захвата земли рыцари становились властью в деревне, что давало им возможность не только присоединять земли крестьян к своим, но и создавать свои хозяйства — фольварки, нарушая тем самым сеньориальный принцип. Там, где это происходило, переставала существовать система грундгершффта, при которой крестьяне выступали держателями земли феодала. Фольварк — это рыцарское хозяйство, состоящее из рыцарского двора с жилыми и хозяйственными постройками, пахотной, луговой и пастбищной землей, на которой трудятся крепостные барщинники и принудительно наемные люди. Крестьяне, вытесненные с этой земли, как уже отмечалось, переселялись на худшие земли и часто наделялись

мелкими наделами коссетов или огородников. Поскольку они теперь занимали дворянские (рыцарские) земли, они освобождались от земельного налога, поступавшего раньше князю. Это в какой-то мере рассматривалось ими как компенсация за вводимые барщинные работы в рыцарском фольварке.

Одновременно ухудшались крестьянские владельческие права. Если немецкие колонисты считались наследственными чиншевиками (*Erbzinsbauern*), что должно было гарантировать при соблюдении определенных правил переход надела к их наследникам, то теперь закрепилось право срочного держания (*Lassrecht*). Следовательно, даже худшие земли должны были через определенные сроки возвращаться рыцарю, который мог отказываться от нового оформления держания либо изменять условия держания в свою пользу.

Рыцарские фольварки не были единственными крупными феодальными хозяйствами, ориентированными на рынок. На доменальных землях князей, орденового магистрата и различных церковных католических учреждений создавались свои хозяйства, которые мало чем отличались от рыцарских фольварков и где работали государственные крестьяне и немало принудительно наемных людей.

По мере роста рыцарских имений и фольварочного хозяйства ухудшалось сословно-правовое положение крестьян. Постепенно крестьяне Остэльтбии становились крепостными. На первых порах разными путями увеличивалось количество барщинных работ крестьян. Наиболее типично это происходило так: рыцарь создавал небольшие хозяйства, на которые он сажал огородников, или коссетов. Это могли быть дети соседских крестьян, которые по существовавшим наследственным правилам не могли рассчитывать на собственное крестьянское хозяйство. Постепенно такими становились также крестьяне, лишенные крестьянского надела. Наделы огородников или коссетов освобождались от налога князя на том основании, что они были собственностью рыцарей-дворян. За все это новые их владельцы обязывались выполнять барщину на земле фольварков.

Количество барщинных дней не было одинаковым. Оно колебалось от хозяйства к хозяйству и от области к области, что объясняется постепенным введением барщины. В среднем, однако, требовалось от трех до шести барщинных дней в неделю. Барщина не была и равно-

мерно распределена в течение года. Наибольшее количество дней требовалось в летнее страдное время. До 1617 г. в районе Грейфсвальда размеры барщинных дней выросли в два раза, и крестьянин в среднем должен был дополнительно к своему наделу обрабатывать еще до 4 га рыцарской земли.

Издавались и специальные законы о прикреплении крестьянина к земле. Подобный закон был введен в Пруссии в ходе Тридцатилетней войны, в 1626 г. В Померании первый подобный закон был издан еще в 1616 г., т. е. накануне Тридцатилетней войны. В условиях исключительно тяжелых — во время и сразу после войны — повсеместно в Остэльбии и некоторых смежных областях юридически было оформлено крепостное состояние крестьян. Последние законы в этом направлении были изданы саксонским князем в 1651 г. и мекленбургским в 1654 г. Установленный крепостной строй не был одинаковым для всех районов Остэльбии. Наиболее жесткие формы крепостничества были в районах наибольшего развития рыцарского фольварочно-барщинного хозяйства — в Мекленбурге, Передней Померании, Шлезвиг-Гольштейне, Западной Пруссии и Лаузице. Не столь жесткие формы приобрело крепостничество в Восточной Пруссии. Среднее положение между этими районами занимал Бранденбург.

Каковы же составные части крепостного состояния? Как правило, в буржуазной историографии о них говорят только вскользь, стараясь подчеркнуть, что их возникновение и существование было вызвано тем бедственным положением, в котором находились и крестьяне и феодалы. Прежде всего это запрет свободного перехода крестьянина от феодала к феодалу и ухода из деревни. Одновременно был запрещен свободный выбор профессии. Эти два пункта наиболее ярко свидетельствуют о реакционном характере всего законодательства о закреплении крестьян. Они тормозили приток свежей рабочей силы в город и промышленность, задерживали капиталистическое развитие деревни. Наряду с этим существовал пункт, унижавший крестьянина морально: были запрещены свободные браки между крепостными разных господ, феодал получил право устраивать по собственному усмотрению браки между своими крепостными людьми. Унизительным был также закон о принудительном наемном труде (*Gesindezwangsdienst*) совершеннолетних детей крепостных крестьян. В Пруссии вна-

чале был издан закон о преимущественном праве господина на труд крестьянских детей (Vormieterrecht). Затем, однако, и здесь установился принцип принудительного наемного труда крестьянских детей. По этому закону дети крепостных крестьян по достижении совершеннолетия должны были в обязательном порядке наниматься в хозяйство своего господина и работать в нем за заниженную плату. В Саксонии, например, их заработная плата была на 50—70% ниже, чем у вольнонаемных такой же квалификации. В отличие от вольнонаемных людей работники по принуждению обязывались каждый свой приход и уход с работы регистрировать. Наконец, феодалу было дано право любого из детей крепостных вернуть из города в деревню даже без того, чтобы его использовать в своем хозяйстве. Крепостное состояние распространялось на все крестьянство Остэльбии независимо от того, чьими землями оно пользовалось.

Таким образом, в результате «второго закрепощения» основными производителями в имениях оставались крестьяне и косеты или огородники. Все они были крепостные. К середине XVIII в., когда было достигнуто довоенное состояние в земледелии Остэльбии, в деревнях существовали феодальные владения в виде рыцарских имений и княжеских доменов, а также типа грундгерршафта, известных на западе Европы и в более раннее время — на востоке. В феодальных владениях типа грундгерршафта не было собственного хозяйства феодала или оно было незначительным. Крестьяне здесь выполняли оброчные обязательства и различные барщинные работы в пользу своего господина и князя. Подобные работы редко были связаны с хлебопашеством. Количественно феодальные владения типа грундгерршафта занимали меньшую часть земли Остэльбии, возможно, от 30 до 40%. Там, где рыцарские имения и домены имели свои фольварки, в деревне сохранялся минимум полнонадельных крестьянских хозяйств, занимавшихся хлебопашеством. Размеры таких хозяйств были значительны. В них имелся весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь и тягловый скот. Эти хозяйства обязывались выставлять работника, инвентарь и тягловую силу для барщинных работ. Для этой цели они держали специально упряжку лошадей и нанимали работника, т. е. дополнительные расходы их значительно увеличивались. В то же время рабочих рук, инструментов и тягловой силы в их хозяйстве стало меньше. Как правило, однако,

сам хозяин, его жена и дети на барщину не выходили. В большинстве районов Остэльбии после Тридцатилетней войны шесть дней барщины в неделю считались «обычаем страны».

Фольварк специализировался на производстве зерна, поэтому все остальные хозяйственные занятия исключались из него. Лен, конопля, огородные культуры, технические растения — все это находилось в ведении мелких хозяйств коссетов или огородников. Поэтому создание хозяйств коссетов и огородников на худших землях, которые раньше не распахивались, является своеобразной внутренней колонизацией и свидетельствует об огромном трудовом подвиге простого народа в условиях тяжелого крепостного режима.

§ 2. Крестьянство Германии к западу от Эльбы в XVI—XVII вв.

На западе от Эльбы в это же время не развились ни крупные феодальные имения, ни фольварки, не было и «второго закрепощения» в формах, характерных для востока. И это, бесспорно, требует объяснения, ибо в экономическом и правовом отношениях здесь не существовали такие преграды, которые могли бы совершенно исключить этот путь развития феодализма.

Выявляя причины такого развития, буржуазные историки ФРГ выдвигают на первый план политику территориальных князей, приравнивая к последним и имперских рыцарей и графов в Швабии и Франконии. На самом деле нельзя отрицать заинтересованность князей в сохранении крестьянства в качестве налогоплательщиков и резерва, откуда вербовались военные силы. Большинство князей с XVI в. издавало немало частных распоряжений и законов против захвата крестьянских наделов, передачи их рыцарям и горожанам. После разорительной Тридцатилетней войны князья в приказном порядке заставляли феодалов восстанавливать крестьянские хозяйства. Нередко они сами заставляли крестьян, оставивших свои наделы, вернуться к ним, угрожая штрафами и мобилизацией на военную службу. В своих доменах они строжайше запрещали ущемление крестьянских хозяйств. В Вюртемберге 20% крестьян сидели на домениальной земле, 50% крестьян подчинялись княжескому суду. По этим данным можно представить, какое влияние должна была иметь политика князя в собственном домене. Однако несмотря на запреты князей,

во многих местах существовали возможности роста крупных феодальных имений. Имелись даже исходные формы крупных хозяйств, особенно на юге. Известно также, что сгон крестьян с земли в Англии, например, производился вопреки всяким законам центральной власти, направленным на сохранение крестьянских хозяйств. Поэтому политику так называемой «крестьянской защиты» (Bauernschutzpolitik) вряд ли следует считать главной причиной иного пути развития земель к западу от Эльбы.

Причины эти следует искать в области социально-экономического развития. Прежде всего необходимо считаться с тем, что именно эта часть Германии со времени Великих географических открытий постепенно теряла свое положение в международных связях. Во всяком случае, она не могла участвовать в торговле хлебом в такой мере, как Остэльбия. Кроме прочих причин, следует отметить, что здесь имелся довольно емкий внутренний рынок. Многочисленные города, промышленные местечки и рудники потребляли хлеб по традиционным ценам, которые были в среднем на уровне мировых. Крестьянские хозяйства обеспечивали этот близкий рынок хлебом. Чтобы участвовать сверх этого еще в международном рынке, нужны были бы коренные изменения иного характера, чем на Востоке. Одной из причин своеобразия развития хозяйства западных земель являлось сильнейшее сопротивление крестьянства феодальной реакции до и во время Крестьянской войны. Там, где шла наиболее ожесточенная борьба, как отмечалось, были сломлены дворянство и католическое духовенство. Они перестали быть активно действующей силой, а ведь именно дворянство в лице рыцарства выступало в Остэльбии организатором «второго закрепощения» крестьян. Во многих местах сказались последствия реформации. Секуляризованные лютеранскими князьями земли не стали собственностью дворян, а оставались в руках князей, которые создавали за их счет новые крестьянские хозяйства. Во многих местах действовали и различные местные факторы, способствовавшие укреплению тех позиций, которые занимало крестьянство. Крестьянская гуфа к западу от Эльбы перестала быть просто крестьянской хозяйственной единицей, она превратилась в налогово-фискальную ячейку княжеского государства.

В обстановке конкретных условий к западу от Эльбы важнейшими сторонами для характеристики положения крестьян к середине XVIII в. можно считать: 1) Уста-

новление территориального подданства крестьян. В соответствии с ним крестьяне были вынуждены платить налог князю, выполнять в его пользу барщинные работы по содержанию дорог, строительству фортификационных укреплений, снабжению армии, перевозке артиллерии и другого воинского снаряжения и т. п. Все это поглощало большую часть крестьянского прибавочного труда и составляло существенный удельный вес в феодальной ренте. 2) Крестьяне были связаны с сеньорией (Grundherrschaft), куда они платили ренту со своего надела и в пользу которой они выполняли барщину, незначительную не только по сравнению с восточноэльбской, но и с той, которую они выполняли в пользу своего князя. 3) Крестьяне здесь не были прикреплены к своему наделу. Рассчитавшись с феодалом рентой или по истечении держательского срока, они могли уехать в другое место. Однако в отдельных местах юга Германии требовалось найти себе достойную замену. 4) Владельческие права крестьян были настолько прочны, что крестьянин мог продавать свой надел. Запрещалось только дробить его при этом или обременять слишком большой ссудой. 5) С XVII в. составляются кадастры в Верхнем Пфальце, Гессене, Брауншвейге, Вюрцбурге, Магдебурге, которые легли в основу твердых налоговых обложений. Фиксируются все виды отработок и оброков.

Размеры хозяйств и имущественное положение крестьян были к западу от Эльбы также иные, чем на востоке. Здесь даже феодальные хозяйства считались крупными при наличии от 100 до 200 га, а крестьянские хозяйства имели в среднем 30—70 га. В целом Запад Германии — регион мелких крестьянских хозяйств. Более крупные были расположены в Нижней Саксонии, Вестфалии, Гессене, Саксонии и Рейнской области, мелкие на юге и юго-западе. Большая часть крестьян, проживая в пределах грундгерршафта, считалась оброчными держателями. Определенная часть состояла из арендаторов крестьянских хозяйств (в Вестфалии и Нижней Саксонии) и бывших домениальных земель и хозяйств.

§ 3. Крестьянство Германии во второй половине XVIII в.

История крестьянства в дореформенный период находится в течение последних 15—20 лет в центре внимания марксистских исследователей ГДР и ряда немарксистских историков ФРГ.

Коренным образом изменились воззрения на роль крестьянства в период перед реформами XIX в. Если буржуазные историки XIX и начала XX в. считали остэльбское крестьянство «вялым, ленивым, злобным, коварным, медлительным, предвзято настроенным против прогресса», и даже марксистские историки 40—50-х годов не полностью еще избавились от такого впечатления, то внимательный анализ документов Бранденбурга, некоторых частей Мекленбурга и Саксонии показал, что такое мнение глубоко ошибочно. Выяснилось, что за редким исключением земля, особенно пахотная, повсюду фактически принадлежала главным образом крестьянам. Именно они в своих хозяйствах применяли значительно больше новшеств, чем прославленные буржуазными историками остэльбские юнкеры.

Несмотря на феодальную земельную монополию, во второй половине XVIII в. крестьянам Бранденбурга принадлежала главная часть пахотных, покосных и пастбищных земель — от 42,8% в Ноймарке до 73,2% в Альтмарке. Непосредственно в рыцарских фольварках находилось от 10,3% земли — в Альтмарке до 32,6% — в Ноймарке. Следует учитывать, что крестьяне своим инвентарем и тягловой силой возделывали также рыцарские фольварки. К тому же у крестьян находилось значительно больше пашни, чем у дворян. Как считал знаменитый агроном того времени А. Тэр, в Курмарке в крестьянских хозяйствах было сосредоточено $\frac{4}{5}$ всей пашни. Основная часть крестьянской земли в 1800 г. находилась в руках самых богатых крестьян, которым иногда принадлежало не меньше земли, чем юнкеру; 5—6 гуф, т. е. 400 с лишним га земли, находилось в руках крестьянина, считавшегося барщинно-обязанным крепостным. Такие крестьяне, как уже отмечалось, фактически сами на барщине не трудились, а держали специально для этого работников и соответствующий инвентарь и тягловую силу.

Только в Мекленбурге, крупнейшей цитадели рыцарского хозяйства, полнонадельных крестьянских хозяйств было мало. В Старгардской части Мекленбурга, например, рыцари еще до 1780 г. экспроприировали 85% всех крестьянских хозяйств, созданных в ходе колонизации. Во всем Мекленбурге преобладало малоземельное крестьянство — коскеты или огородники. В таких двух районах крепостничества, как Пруссия и Померания, основная часть земли фактически также числилась за крестьянами. Рыцарские фольварки здесь также обра-

батывались крестьянским инвентарем и тягловой силой.

С середины XVIII в. сельское хозяйство Остэльбии обнаруживало все новые успехи, которые свидетельствовали о проникновении капитализма в деревню. Крестьяне, широко применяя новые научные и технические достижения своего времени, осваивали залежные и пустующие земли, вводили в оборот новые высокоурожайные культуры, повышали производительность труда. Крестьянские хозяйства активно втягивались в производство товаров на капиталистический рынок. Во второй половине XVIII в. крестьяне в больших размерах, чем рыцари, сажали картофель, сеяли лен, клевер, морковь, свеклу, вайду, крапп, выращивали хмель. Из-за нехватки пастбищ крестьяне раньше переходили к пастбищно-стойловому содержанию скота. Объективно крестьяне Остэльбии содействовали приближению победы капитализма в земледелии не менее, если не больше, чем рыцари со своими фольварочно-барщинными хозяйствами. Развитие земледелия Остэльбии в конце XVIII — начале XIX в. свидетельствует о возможности развития капитализма по «американскому пути», т. е. революционным путем, предполагавшим полную отмену феодальной собственности на землю. Так называемые «освободительные реформы» XIX в. по существу положили конец этой возможности.

Значительно больше содействовали приближению капиталистического развития в аграрной сфере крестьяне к западу от Эльбы. Здесь крестьянство, как уже неоднократно подчеркивалось, находилось в более благоприятных условиях, чем в Остэльбии. Редко встречались барщинно-обязанные крестьяне, обрабатывавшие господские поля. Повсюду преобладала денежная рента. А в Ганновере в 1753 г., например, все виды натуральных оброков были превращены в денежную ренту, что еще в большей мере привязывало крестьянское хозяйство к развивавшемуся капиталистическому рынку. Почти повсеместно при наследовании крестьянского надела его нельзя было делить, что содействовало сохранению средних и крупных хозяйств, которые, однако, по размерам были значительно меньше, чем в Остэльбии. От наследника требовалось выполнение прежних рентных обязательств. В Северо-Западной Германии к 1750 г. повсеместно ликвидируются срочные держания и срочная аренда. Мейерские хозяйства, таким образом, стали вновь, как во времена роспуска вилликаций, наслед-

ственными. Если учесть, что они были по размерам не менее чем в 4 раза крупнее обычных крестьянских наделов, то становится понятным, каково значение акта о наследовании для развития капитализма. Крестьянин теперь мог вести свое хозяйство на основе расширенного воспроизводства, что обеспечивало каждому новому поколению арендаторов более крупный исходный материал.

Специальные исследования показали, что к западу от Эльбы в XVIII в. усилилась дифференциация крестьян и их задолженность кредиторам. Особенно быстро росло количество малоземельных и безземельных, вынужденных трудиться по найму или заниматься сельским ремеслом, в Саксонии. Здесь их количество вместе с уже имевшимися поденщиками доходило до 70%. Но и на северо-западе людей этой категории насчитывалось не менее 65%. На юге и юго-западе Германии их было меньше, здесь даже ощущалась нехватка в наемной рабочей силе. Количество вынужденных трудиться по найму было в Остэльбии не меньше, чем на Западе, однако среди них не имелось вольнонаемных людей, все они принуждались трудиться за заранее установленную низкую плату.

По подсчетам западногерманского историка Ф. В. Геннинга задолженность 75 крестьянских дворов в княжестве Падерборне была во второй половине XVIII в. такова, что 4 двора, владевших по 0,98 га в среднем, задолжали с каждого гектара земли 288,49 талеров. В то же время самые богатые 4 двора, которым в среднем принадлежало 21,85 га, задолжали всего 31,65 талеров с гектара. Такая поляризация крестьянства в деревне убедительно свидетельствует о том, кто находился на грани катастрофы и кто кого мог эксплуатировать. Остальные четыре имущественные группы этой деревни, владевшие от 5 до 20 га, имели среднюю задолженность с гектара в 62 талера, что позволяло им брать новую ссуду с целью улучшения своего хозяйства. Аналогичные результаты Геннинг получил и при анализе задолженности крестьян других деревень княжества Падерборн. Кредиторами выступали судьи и служащие суда, церковники, купцы, коробейники, мельники, крестьяне, и в очень редких случаях небольшие суммы давались займы наемными работниками.

В последней четверти XVIII в. происходили некоторые сдвиги и иного характера. Так, в Остэльбии сдавались в аренду фольварки со всеми обязательствами

крестьян, зависящих от них. Арендаторами выступали горожане, имевшие агрономическое образование и навыки. Сдавались на издольных началах хозяйства с обязательством заниматься определенным видом хозяйства (овцеводством, коневодством, животноводством). В то же время появлялись видные знатоки сельского хозяйственного производства, которые рекомендовали рыцарям разделить свои имения с целью отдачи их крестьянам за денежный и продуктовый оброки. В Мекленбурге, Бранденбурге, Померании, Пруссии и Шлезвиг-Гольштейне в конце XVIII в. продавались и перепродавались имения с целью наживы. Одновременно вырастали цены на крестьянские хозяйства. Полнонадельные и богатые крестьяне повсюду стали жить лучше. Современникам даже казалось, что «у крестьян денег больше, чем сена». К концу XVIII в. зажиточные и богатые крестьяне повсюду начали тяготиться принудительным севооборотом и общинными пастбищными порядками. По их настоянию проводились в отдельных случаях разделы земли, в результате которых такие крестьяне выделялись из деревни и общины, становясь гроссбауэрами на выделенной им земле.

Изложенное свидетельствует о том, что с середины XVIII в. прогрессивное развитие земледелия, особенно благодаря активизации хозяйственной деятельности крестьян, обнаруживает все больше черт капиталистического производства и капиталистических взаимоотношений между людьми. Германское сельское хозяйство в конце XVIII в. все больше приближалось к необходимости коренных изменений.

§ 4. Формы и характер антифеодальной борьбы крестьян в XVI—XVIII вв.

Борьба крестьян против феодальных притязаний на крестьянский прибавочный труд, общинные владения и владельческие права на землю после Крестьянской войны и до конца XVIII в. буржуазными историками никогда специально не исследовалась. До 70-х годов нашего века в историографии господствовало утверждение, что после Крестьянской войны наступило долговременное затишье в антифеодальной классовой борьбе крестьян. Однако эта точка зрения полностью опровергнута в результате ряда исследований и первых обобщающих статей историков ГДР. Под влиянием неопровержимых

доказательств даже западногерманский историк Г. Франц был вынужден включить в свою книгу о немецком крестьянстве раздел «Крестьянские восстания в XVII—XVIII вв.»². Этот раздел целиком построен на материале исследований историков ГДР, но в нем отсутствует их анализ причин и последствий крестьянской борьбы.

Исследования классовой борьбы для всего времени с XVI по XVIII в. до сих пор велись только в локальных масштабах и только по территории, которая в настоящее время является составной частью ГДР. Районы к западу от Эльбы (за исключением Тюрингии и Саксонии) целенаправленно не исследовались, хотя немало фактов классовой борьбы крестьян этой территории отражено в разных произведениях общего характера. Обобщающий материал имеется только по периоду от Крестьянской до Тридцатилетней войны.

Теперь доказано, что антифеодальная борьба продолжалась непрерывно и после поражения Крестьянской войны. Вместо открытых, вооруженных выступлений стали преобладать иные формы борьбы.

Сразу после поражения Крестьянской войны началось антифеодальное движение, известное у нас как анабаптистское, хотя современники и немецкие исследователи называют его движением крещенцев (Täuferbewegung). Часть руководителей этого движения находилась в личном контакте с Мюнцером. Однако прямая идеологическая связь между ними и Мюнцером остается недоказанной. Антифеодальным в их учении было непризнание светских и духовных феодальных властей. Отсюда они, однако, делали вывод, который в конечном итоге обрек их на политическую пассивность, — анабаптисты отказывались от ношения оружия и дачи клятвы властям. В то же время они отрицали существовавшие социальные отношения и требовали установления социальной справедливости, под которой понимали общность имущества и равные права в обществе. Сразу после поражения Крестьянской войны анабаптисты требовали от своих сторонников активной борьбы еще до наступления «конца этого мира», неоднократно ими предсказанного.

Часть из них, жестоко преследуемая в Германии, поселилась возле Аустерлица, организовала свою общину

² Franz G. Geschichte des deutschen Bauernstandes. Stuttgart, 1970, S. 179—197.

с общей собственностью на все имущество. С самого начала особое внимание уделялось ими воспитанию детей в духе своего учения.

Другая часть анабаптистов развернула активную антифеодальную деятельность на юге Германии в 1527—1529 гг. Однако здесь после ожесточенной внутренней борьбы в феврале 1527 г. на собрании в Шлейтхейме были приняты 7 статей Михаила Саттлера, в которых на первый план выдвигались чисто религиозные требования и впервые наглядно вырисовывался пацифизм, ставший впоследствии характерным для большинства последователей анабаптизма. На августовской встрече анабаптистов в том же году в Аугсбурге видные руководители из Франконии, Баварии и смежных районов добились решения, по которому должна была быть усилена пропагандистская деятельность в связи с предсказанным Г. Гуттом на следующий год концом мира. На самоотверженно проповедовавших свои идеи анабаптистов обрушился невиданный в мирное время феодальный террор, который в 1528—1529 гг. сломил их движение в Верхней Германии. Большинство выдающихся анабаптистских проповедников погибло мученической смертью, что послужило основанием для названия последней встречи в Аугсбурге «съездом мучеников».

Анабаптистское движение перебазировалось на север, где с 1526 по 1532 г. в ганзейских городах проводилась лютеровская реформация. Здесь анабаптисты установили тесный контакт со своими нидерландскими единомышленниками. Анабаптисты всеми силами защищали «Мюнстерскую коммуну» в 1534—1535 гг., которая только благодаря их активной и самоотверженной поддержке могла так долго существовать в феодальном окружении. Ее поражение содействовало постепенному замиранию активных, боевых тенденций среди анабаптистов Германии и переходу последователей анабаптизма к мирным средствам сопротивления феодализму.

Среди анабаптистов юга (1526—1529), севера (1526—1535) и Мюнстера (1534—1535) было немало крестьян, хотя само движение охватывало главным образом города. Крестьяне не только сочувствовали открытой борьбе, они смело отдавали свою жизнь за дело, которое им казалось справедливым. Движение анабаптистов было насквозь антифеодальным и все время наводило страх на феодалов. Однако, несмотря на разветвленность агитационной сети и самоотверженность их руководителей, ана-

баптисты не сумели превратить свою организацию в массовую. Отсутствовало в ней также внутреннее единство. Со второй половины 30-х годов XVI в. немецкие анабаптисты, оставаясь на антифеодальных религиозных позициях, отказываются от активных форм борьбы. Учитывая тесную связь анабаптизма с идеями Реформации и Крестьянской войны, его активные действия до конца 40-х годов можно считать последней, замирающей волной раннебуржуазной революции. Одной из причин поражения анабаптизма в Германии является оторванность его учения от конкретных нужд крестьянства. Отдельные всплески анабаптизма в разных местах Германии продолжались и позже, до второй половины XVI в.

После поражения Крестьянской войны по всей Германии наблюдалась апатия крестьян к вопросам религии и религиозным обрядам, участились случаи пренебрежительного отношения к священникам, богослужению и проповедям. В Тюрингии, на родине Лютера, во время проповеди крестьяне громко рассуждали: «Что проповедует этот беспутный поп о боге?.. Разве может кто знать, что такое бог и есть ли он вообще?! У бога есть свое начало и свой конец!»

Со времени поражения Крестьянской войны и до Тридцатилетней войны крестьяне Германии сопротивлялись процессу рефеодализации, под которой понимают стремление феодалов к усилению эксплуатации крестьян и власти над ними. На востоке крестьяне в это время сопротивляются главным образом увеличению барщины и усилению произвола, связанного с этим, на западе — росту княжеских налогов и отработок. Выступления крестьян были более организованы на западе от Эльбы, так как здесь в каждой деревне имелась самоуправляющаяся община с давнишними демократическими традициями. Почти нигде города не поддерживали крестьянскую борьбу, а в некоторых местах Южной Германии они не только отказывались помогать крестьянам, но и выступали на стороне феодалов против крестьян.

Оживление антифеодальной крестьянской борьбы наблюдалось в 60—90-х годах в Оберлаулице. Крестьяне здесь пытались заменить феодальные власти своей общинной организацией. В 1564 г. возникла в Шэнбрунне сплоченная самоуправляющаяся крестьянская община, которая просуществовала до 1567 г. Одновременно выступали против своей церковной власти крестьяне соседнего монастыря Марниенштерн. Однако эти волнения ох-

вашили буквально одну деревню. Только редко соседние деревни открыто солидаризировались с выступавшими деревнями. Более крупным было выступление крестьян в 1593 г., когда сразу поднялись десять деревень возле города Пульниц. На этот раз крестьяне действовали настолько сплоченно и настойчиво, что феодальный порядок мог быть восстановлен только в результате совместных действий феодалов и города.

Во второй половине XVI в. усиливается бегство крестьян из поместий феодалов Шлезвиг-Гольштейна в города Гамбург и Любек, а иногда и за пределы страны — в Данию. Одновременно появляется новая форма антифеодальной борьбы, ставшая для немецких крестьян весьма популярной. Используя некоторые противоречия внутри класса феодалов, главным образом между князьями и дворянством, крестьяне затевали судебные процессы со своими непосредственными господами. Для этого они обычно составляли коллективные жалобы и прошения, которые затем подавались в окружной суд, а если это не помогало, в княжеский суд или в виде апелляции в канцелярию самого князя. Следует отметить, что князь нередко поддерживал просьбу и жалобу крестьян, когда речь велась о злоупотреблениях какого-нибудь одного феодала и когда его действия выходили за пределы установленных или привычных норм эксплуатации. Однако князь неизменно становился на сторону феодала, когда крестьяне в своих жалобах затрагивали интересы класса феодалов в целом. В таком случае князь один или вместе с феодалами беспощадно подавлял сопротивление крестьян. Право крестьян жаловаться на феодалов было повсеместным. История его происхождения неизвестна. Тем не менее, с полным основанием можно сказать, что оно не было установлено без борьбы крестьян. В то же время оно сыграло положительную роль в повседневной классовой борьбе. Оно заставляло крестьян собираться на обсуждения своих требований, выдвигать руководителей и т. д. Во многих местах от подготовки к судебному процессу крестьяне легко переходили к открытым выступлениям. С другой стороны, возможность обращаться с жалобой на своего феодала к князю питала крестьянскую иллюзию о «добром князе» и тормозила открытые выступления против политической власти. Во второй половине XVI в. крестьяне Газельдорфа и Брейтенбурга (Шлезвиг-Гольштейн) судились в течение десятков лет со своим господином, обви-

няя его в незаконном повышении барщины и взимании нефиксированных оброков. Хотя им и не удалось добиться отмены новых требований феодала, при помощи суда они отстаивали свою личную свободу и добились согласия на выгодные владельческие права. Подобные судебные тяжбы велись и в других местах. Если говорить о всей Остэльбии, то крестьянству было здесь труднее организоваться из-за отсутствия общинных традиций и самой общины как самоуправляющейся организации.

Более благоприятными были условия борьбы крестьян к западу и северо-западу от Эльбы. В этой части Германии дворяне были слабее, значительно увереннее чувствовало себя бюргерство городов, князья были заинтересованы в сохранении крестьянских хозяйств, а крестьяне здесь объединялись в общины, опиравшиеся на традиции. Здесь особенно учащались обращения крестьян в суд с жалобами на феодальных господ. Споры велись преимущественно по вопросам пастбищ, так как феодалы старались их присваивать. На втором месте стояли спорные вопросы о владельческих правах крестьян. Каждый раз при конфликтах по этим вопросам крестьяне Саксонии и Ангальта, опираясь на свои общинные организации, выступали сплоченно. Так, крестьяне Ангальта в конце XVI в. отказались от выполнения всех новых видов барщины и одновременно начали судиться со своим феодалом по другим вопросам притеснения. По решению камерального суда не только их господин, с которым они судились, но и соседние феодалы были вынуждены согласиться на фиксацию повинностей. Известна также борьба 15 дворовых общин возле города Дортмунда в конце 80-х — начале 90-х годов XVI в. По решению городского суда для части деревень были утверждены их общинные права, что укрепило веру крестьян в перспективность и справедливость их борьбы.

В южных и западных районах Германии, за исключением Баварии и Вюртемберга, крестьяне отчаянно сопротивлялись увеличению княжеских налогов и поборов, опираясь на свои деревенские общины, революционные традиции и союзы с городскими низами. В результате они добились отказа дворян от увеличения барщины и оброков. Так же успешно они выступали против контрреформации, грозившей возвращением католической церкви ранее секуляризованной земли.

В 1596 г. вспыхнуло восстание крестьян в некоторых районах Баварии и швабском Альгау. В том же году в

имперских владениях Ротенфельс и Штрауфах крестьянам удалось заставить господина отказаться от намерения увеличить феодальные поборы и согласиться на фиксацию всех повинностей. Выступление крестьян Ротенфельса продолжалось до 1598 г., когда оно было подавлено объединенным феодально-княжеским войском.

В 1605 г. поднялись против епископа Аугсбурга его крестьяне в Реттенберге, расположенном рядом с Ротенфельсом. Вначале они сопротивлялись введению нового налога на вино, затем боролись против любых налогов, роста барщины, взимания посмертного побора и попыток в ходе контрреформации увеличить личную зависимость крестьян. Создав свой боевой союз, реттенбержцы вовлекали в него крестьян соседних деревень. Только объединенным силам епископа, эрцгерцога Австрии и ряда княжеств при поддержке императора удалось подавить это восстание в 1608 г.

Последнее большое волнение в Южной Германии перед Тридцатилетней войной происходило в Брейсгау. Толчком к нему также послужило повышение винного налога. Началось оно с объединения крестьян в 1612 г. в большую территориальную общину, которая объединила крестьян всей шварцвальдской долины. Объединенной массе крестьян удалось в течение двух лет вообще не платить налога. Вооруженные отряды крестьян тогда появлялись то в одном, то в другом месте. Раз они пытались заставить города Вальдсгут и Рейнсфельд присоединиться к ним, но в этом потерпели неудачу. Объединенным феодальным отрядам герцога Вюртембергского, маркграфа Баденского и других феодалов не сразу удалось подавить это выступление. Еще труднее было заставить побежденных крестьян исправно платить налоги и поборы.

Есть достоверные сведения о борьбе крестьян Курсаксена. Так, в 1540 г. было арестовано и брошено в тюрьму 35 «предводителей крестьян» из Обертельсдорфа возле города Лэбау и 14 крестьян из Петерсхайма возле города Ротенбурга. Сами события, связанные с этим террористическим актом, однако, неизвестны. В 60-х годах происходили волнения крестьян в Восточной Саксонии. В 1581 г. восстали тюрингские крестьяне деревень Гроссурлебена и Клейнурлебена. В этой же части в 1609 г. выступали против увеличения феодальных поборов барщинные подданные феодала фон Бюнау. В 1612 г. восстали крестьяне Клейнопица, а вслед за ни-

ми жители 6 деревень Фрауэнштейна отказались выполнять барщину.

Таким образом, везде, во всех районах, о которых мы располагаем сведениями, удалось обнаружить беспрерывные, антифеодальные движения крестьян за много лет до Тридцатилетней войны. Острие этой борьбы было направлено против рефеодализации, на Востоке — против усиления крепостничества, на Западе — против княжеских налогов и поборов.

С началом войны повсеместно значительно активизировалась борьба крестьян против феодалов, разнуданных действий феодальных войск и князей. Особое возмущение вызывали гнетущие постои солдат, разорявшие крестьянские хозяйства и наносившие им моральный ущерб. Крестьяне повсюду, где это было возможно, создавали свои небольшие отряды, действовавшие партизанскими методами против вооруженного врага. Несмотря на неоднократные призывы и строжайшие герцогские запреты, крестьяне Гарца не распускали свои отряды и не прекращали вооруженную борьбу.

На начальном этапе войны (1626 г.) произошло самое крупное событие классовой борьбы в Верхней Германии. Здесь во главе восстания стали известные в крае люди городов и деревень. Главный удар восставшие направили против феодальных оброков и налогов, выросших до недопустимых размеров в ходе войны. Хотя в восстании никаких религиозных требований не выдвигалось, лозунгом его стали слова: «За чистую аугсбургскую конфессию». Благодаря хорошей организации собственных отрядов, крестьянам удалось нанести ряд сокрушительных ударов по феодальному войску, которым командовал генерал Паппенгейм. Только совершив широко задуманную подрывную акцию, реакционные силы сумели разобщить крестьян, а затем и разбить каждый отряд в отдельности. В целом события 1626 г. в Верхней Германии оцениваются как славная страница революционной борьбы крестьян в союзе с городскими низами.

Любое восстание в ходе Тридцатилетней войны рассматривалось как антиправительственный мятеж и жестоко наказывалось. В официальной историографии того времени крестьянские восстания квалифицировались

разбоем. В 1632 г. шведский придворный историк Филипп Богислав из Хемница записал в своем военном дневнике, что шведские войска превратили в пепел несколько сот немецких деревень в отместку за «бесчинства и убийства», которые якобы учинили жители их в шведском войске. Поскольку других сведений нет, трудно сказать, в чем действительно провинилась такая масса людей. Однако следует полагать, что крестьяне вели справедливую борьбу против иностранных интервентов, грабивших страну.

Почти одновременно выступали крестьяне в Альгау. Первыми поднялись крестьяне общины Вейнгартена, затем к ним присоединились крестьяне общин Брегенца, Равенсбурга, Кемптена и др. Восстали также деревни Вюртемберга и Верхней Швабии. После отказа крестьян Фульды от выполнения барщинных работ в борьбу вмешался ландграф Гессена, который кровавыми методами восстановил «тишину и порядок».

Крупное выступление крестьян происходило в 1633—1634 гг. в Баварии. Прелюдией к нему послужили крестьянские беспорядки в землях бенедиктинского монастыря и области Тэльц, где своими бесчинствами прославились французские и испанские наемники. Солидаризируясь с крестьянами, поднялись жители Баварии. В районе между реками Изер и Инн был создан крестьянский отряд в 10 000 человек. Были избраны предводители, повсюду реквизировали порох и свинец, неприсоединившихся крестьян наказывали штрафами. Основное требование было направлено против бесконечных контрибуций, взимаемых воюющими сторонами. Кроме того, восставшие настаивали на сокращении и отмене разных видов барщинных работ, ликвидации охотничьего права, удалении воинских подразделений, конфискации и разделе части феодального имущества. И это восстание было потоплено в крови. В это же время крестьяне Остэльбии непрерывными действиями заставляли отряды шведской и императорской армии покидать многочисленные деревни.

Тридцатилетняя война, таким образом, вопреки мнению буржуазных историков, была заполнена острой и отчаянной борьбой крестьян против феодальной анархии, разбоя и войны. По методам это была разновидность партизанской войны, направленной против иностранных интервентов. В то же время она была антифеодальной по своему характеру. Даже тогда, когда крестья-

яне не выставляли никаких конкретных требований против своих феодалов, они направляли свои удары против беспорядков, порожденных самим существованием феодального строя. Крестьянская борьба, массовый уход крестьян из феодальных поместий были важной причиной прекращения Тридцатилетней войны.

Крестьянская антифеодальная борьба с конца Тридцатилетней войны до второй половины XVIII в. наиболее подробно изучена для Оберлаузица, где проживало смешанное немецко-славянское население. Хотя и имеются сведения о многочисленных фактах скрытых и открытых антифеодальных выступлений крестьян в других местах, они менее систематизированы и исследованы.

В Оберлаузице крестьяне непрерывно саботировали феодальные повинности: выходили поздно на работу, рано уходили с нее, устраивали длинные обеденные и другие перерывы, дольше, чем было нужно, кормили лошадей и волов, содержали в плохом состоянии свой рабочий инструмент, особенно телегу и плуг, выполняли работу неряшливо, преднамеренно выезжали на работу на худших лошадях или волах и т. д. и т. п. Одновременно усиливались открытые выступления против рефеодализации: убегали в одиночку, группами и целыми деревнями, подавали жалобы в судебные инстанции и прошения князю, отказывались всей деревней от выполнения новых видов барщины, создавали свои территориальные объединения и вооруженные отряды, выступали с оружием в руках, избивали представителей феодальной администрации и самих феодалов и т. д.

В конце Тридцатилетней войны и сразу после ее окончания доведенные до отчаяния солдатскими постоями, разнузданным поведением феодальных господ и их требованиями новых оброков и барщины, крестьяне либо продавали свое хозяйство по бросовым ценам, чтобы уходить в другие места, либо просто все бросали и убегали. Особенно широко распространились в Остэльбии так называемые «барщинные волнения». В 1648 г. крестьяне прусских деревень Обергрейц и Дёлау жаловались графу Реусс-Шлейцу на чрезмерно высокие налоги и солдатские постои. Когда, однако, тот не придал их жалобам никакого значения, они созвали соб-

рание всей общины, на котором решили больше не выходить на барщинные работы. Эта своеобразная «феодалная забастовка» продолжалась несколько лет. Только усиленному воинскому отряду удалось заставить крестьян возобновить работу на барщине. Аналогичный отказ крестьян выполнять барщинные повинности в прусском графстве Шенбург длился 30 с лишним лет (с 1650 по 1681 г.). За это время произошло несколько кровавых столкновений крестьян с феодальным войском. Особенно кровопролитной была битва при Еризау (Глаухау) в марте 1676 г. Несмотря на поражение своего отряда, крестьяне продолжали отказываться от выполнения барщины и закона о принудительном найме крестьянских детей. Одновременно крестьяне непрерывно судились со своими господами. Основные их силы были в 1681 г. сломлены вооруженными отрядами курфюрста и императора. Однако и после этого от крестьян поступали в суд жалобы на тяжелые формы барщины.

В Бранденбурге и Пруссии в XVIII в. усилилось движение крестьян против призыва рекрутов в армию, а также против практики доменальной администрации превращения наследственных держаний крестьян в срочные. Свою борьбу крестьяне нередко направляли здесь и против арендаторов княжеских доменов, которые повели свое наступление широким фронтом на крестьян. В округах Радене и Петерсхагене конфликт с арендатором доменальных владений перерос в восстание крестьян. Восставшим крестьянам в 1721 и 1722 гг. дважды удалось отразить наступление феодальных войск. Только при третьей попытке королевский отряд в 500 человек усмирил крестьян, которые, однако, добились наказания королем наиболее опасных арендаторов.

Самое крупное по размерам восстание крестьян в Пруссии происходило в 1717 г. в округе Коттбус. Здесь немецкие помещики угнетали крестьян-сорбов. Крестьяне на своем собрании единогласно решили саботировать барщину. Не менее 4000 крестьян перестали выходить на работу. Их требованиями был вынужден заниматься прусский король Фридрих-Вильгельм. К сожалению, ход и результаты этого восстания полностью не освещены в литературе.

В период между 1699 и 1735 гг. происходили серьезные крестьянские волнения во владениях Гогенцоллернов. Они были вызваны так называемой охотничьей барщиной и ужесточением крепостного режима в це-

лом. Крестьяне целыми деревнями покидали родные места. Скрываясь в лесах, они своими набегами расстраивали работу феодальной администрации.

В 1705—1706 гг. крестьяне Баварии выступили против войск австрийского герцога. Сигналом послужил приказ австрийского командования о призыве крестьян в свое войско. В ответ на это баварские крестьяне создавали вооруженные отряды, насчитывавшие по несколько тысяч человек. Они занимали замки и монастыри и мешали феодальной администрации исполнять свои функции. В ночь под рождество 1705 г. большой крестьянский отряд пытался захватить город Мюнхен. Здесь крестьяне, однако, потерпели поражение, за которым в январе 1706 г. последовали другие неудачи, что привело к поражению восстания. В народе долго еще помнили героев этого восстания. Слава о кузнеце из Кохеля продолжает жить в этих краях до настоящего времени. Баварское восстание наглядно показывает, что основные причины поражения крестьян были следующие: 1. Локальная ограниченность и раздробленность восстания. 2. Отсутствие твердых руководящих установок и несогласованность действий руководителей. 3. Предательство союзников-горожан и низшего дворянства. 4. Сплоченность и организованность феодальных сил.

В 1717 г. происходило крупное восстание крестьян Юго-Западного Шварцвальда, в котором принимали участие добытчики серы. Восстание начали крестьяне Гауэнштейна, которые страдали под двойной властью — княжеской (Габсбургов) и монастырской (аббата Сен-Блазиена), чьими крепостными они числились. Непосредственным поводом выступления послужила попытка аббата ужесточить условия крепостного режима. Движение возглавил Иоганн-Фридрих Альбиц, знакомый с требованиями крестьян до и во время Крестьянской войны. Соответственно этим требованиям он добивался образования свободного крестьянского государства, в котором были бы установлены равные права для мелких производителей. Несмотря на его скорую смерть, восстание продолжалось. После подавления выступления крестьян в 1719 г. время от времени в этом районе возникали новые восстания крестьян с теми же требованиями. Особенно сильными были движения в Шварцвальде в 1727—1729, 1738—1739 и 1744 и 1745 гг. Хотя феодалам в конечном итоге удалось подавить кре-

стьянские выступления, они вплоть до XX в. опасались новых волнений.

Как уже отмечалось, подробно исследованы крестьянские волнения XVII—XVIII вв. в Оберлаузице. В этом крае, как и Бранденбурге, Мекленбурге и Померании отмечаются две вспышки крестьянских выступлений. Первая происходила в последние годы Тридцатилетней войны и в течение последовавших за ней двух десятилетий. Наиболее распространенной формой сопротивления политике закрепощения было бегство. В нем участвовали больше всего деревенские бедняки, дети крепостных крестьян, слуги и работники фольварков, церковных и домениальных владений. Бежали частично недалеко, обычно к соседним феодалам, обещавшим более льготные условия. Однако большая часть бежала за пределы Оберлаузица в Саксонию, особенно в район Мейссена, Тюрингию, в архиепископство Магдебург, епископство Хальберштадт, графства Мансфельд и Реус, Нидерлаузиц, Бранденбург, особенно в Альтмарк, Померанию, Силезию, Лигниц и т. д. Бедняки бежали туда, где можно было найти работу на приемлемых условиях. Зажиточные крестьяне устремлялись в Саксонию, где они становились держателями или арендаторами крестьянских хозяйств на льготных условиях, не подвергаясь закрепощению.

Бежавшие крестьяне брали с собой весь живой и мертвый инвентарь: лошадей, быков, коров, весь мелкий скот, птицу, зерно, домашнюю утварь. 5 крестьянских семейств, бежавших из Пониккау, забрали с собой 7 лошадей, 8 волов, 14 коров, всю сбрую, телеги и утварь³. Бежавшая вслед за этими другая группа угнала 50 голов разного скота, 28 лошадей и волов. Брали не только то, что входило в их хозяйство, но и господское. Нередко бежавшие возвращались, чтобы сагитировать других крестьян на уход от ненавистного крепостника.

Судьба бежавших складывалась по-разному. Часть крестьян, располагая какими-то накоплениями, покупала хозяйства у более умеренных феодалов. Но таких было мало, большинство становилось владельцами небольших наделов коссетов и огородников. Некоторые строили небольшие хижины либо на земле новых феодальных господ, либо на крестьянских наделах. Их на-

³ Leszszynski J. Der Klassenkampf der Oberlausitzer Bauern in den Jahren 1635—1720. Bautzen, 1964.

знывали хэуслерами. Они, как и огородники, трудились за поденную плату либо занимались ремеслом. Те сельские жители, которые бежали в города, вливались в ряды городских плебеев. Наконец, какая-то часть становилась бродягами, слугами при княжеских дворах и наемниками. В любом случае их новое положение обеспечивало им личную свободу и более мягкие условия труда.

Считают, что в общей сложности с 1631 по 1720 гг. из одного Оберлауница бежало от 6 до 8 тысяч крестьянских семейств. Большинство крестьян бежало из рыцарских имений, где они особенно притеснялись. Уже с 40-х годов XVI в. рыцари повсюду ратовали за барщину, «обычную для края», т. е. за 6 барщинных дней в неделю. Кроме того, они вопреки обычаям вводили новые виды барщинных работ, удлиняли рабочий день барщинника, требовали с каждой семьи дополнительного работника, вводили новые поборы и оброки, увеличивали денежную ренту, настаивали на мельничном баналитете, заставляли крестьян покупать напитки, изготовленные ими как оброчные продукты, пользовались преимущественным правом купли крестьянских изделий, что давало им возможность дешевле платить за них, с другой стороны, преимущественное право продавать свои продукты крестьянам позволяло феодалам завышать цены. Особое недовольство крестьян вызывала круговая порука, по которой крестьяне одной деревни обязывались брать на себя повинности обезлюдевших наделов, а также ограничение владельческих прав, сужение прав на пастбища, леса и луга.

Бегство крестьян наносило феодалам существенный урон. Как уже говорилось, они теряли скот, инвентарь, утварь, сбрую, а главное самого работника, трудившегося на барщине и выполнявшего разные оброчные повинности. Бегство оказывало также отрицательное моральное воздействие на крестьян, не уходивших на сторону. Бежали в первую очередь именно барщинно-обязанные крестьяне, огородники и хэуслеры. Значительно реже бежали слуги и работники, а также только оброчно-обязанные крестьяне. Самая богатая деревенская верхушка стояла в стороне от этой формы борьбы и нередко участвовала на стороне господина в розыске и возвращении беглых людей.

Во всем Оберлаунице, как и во многих других частях Германии, крестьяне судились со своими господами.

Судебные процессы чаще всего велись из-за владельческих прав общины на пастбищные угодья, введения новых видов и норм барщинных работ, суровых форм принудительного наемного труда. Все эти процессы были направлены против «второго закрепощения».

Классовая борьба крестьян во всей Германии оживилась с особой силой в ходе Французской буржуазной революции. Однако исследована она больше всего для Саксонии⁴. Выходившие в Саксонии «Крестьянская газета» и «Байрейтские политические известия» регулярно информировали крестьян о событиях во Франции. В 1790 г. появились первые агитаторы, которые вначале с церковной кафедры, как это делал дьякон Дзельбна, предсказывали близость больших событий и изменений в крестьянской жизни.

В конце мая 1790 г. деревня Велен единодушно выступила против охотничьих княжеских законов. К ней почти сразу присоединились 15 общин, а затем все новые и новые. В ходе движения распространялись листовки, крестьяне истребляли «княжескую дичь», преследовали лесничих. Князь был вынужден запретить продажу крестьянам пороха. Движение, первоначально направленное против княжеских охотничьих прав, постепенно переросло в антифеодальное восстание. Крестьяне Охорна, Оберштейна, Бретинга и Хаусвальда не выходили больше на барщину. 3 августа 1790 г. ок. 600 крестьян, вооруженных топорами и мотыгами, разбивали на дворах рыцарский инвентарь, избивали служащих феодальной администрации; они выдвинули ряд требований.

В августе того же года была распространена революционная прокламация под названием «Proclamation», в которой говорилось об организации вооруженного выступления с целью уничтожения существующих порядков и установления справедливости. Выдвинутые в прокламации 8 требований по содержанию были политические. Одним из них было требование создания национальной гвардии. Несмотря на то что автор прокламации Христиан Гейслер действовал один и сразу после распространения нескольких экземпляров был арестован и посажен в тюрьму, прокламация переписывалась от ру-

⁴ Stulz P., Opitz A. Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der Französischen Revolution. B., 1956.

ки и получила широкое распространение. Ее читали крестьяне, ремесленники, солдаты, учителя, пасторы.

В августе 1790 г. развернулось также восстание крестьян в окрестностях Ломача — в наиболее плодородной области Саксонии. С самой весны этого года проводились собрания в деревне Цемен, а 3 августа жители деревни прекратили трудиться на барщине. От явки на суд по этому поводу они отказались. По их примеру отказались от барщинных работ и все жители округа Цемена, они стали сгонять со своих пастбищ господских овец. К 18 августа восстало еще 50 общин. Отряд в 700—800 крестьян занял Ошац и лишил власти окружного судью. Прибывшую артиллерийскую команду разоружили, а офицера арестовали. Около 500 крестьян штурмовали крепость Шлейниц. Другой отряд в 8000 крестьян штурмовал тюрьму в Мейссене, освободив оттуда всех крестьян. Во многих местах избивали представителей феодальной администрации. В последние дни августа восстание охватило территорию в 5000 км².

В действиях крестьян чувствовалась хорошая организация, отряды имели талантливых предводителей, соблюдалась строгая дисциплина. Восстание отличалось единством действий, соблюдалась конспирация, проводились ночные собрания и встречи. На этот раз дело дошло до захвата феодальной земли. Повсюду феодалы бежали. Крестьяне в конце августа во многих местах оставались единственной властью.

В подавлении движения крестьян с 24 августа участвовал армейский корпус, насчитывавший до 5600 человек. Затем к нему присоединилось еще не менее 3000 воинов. В обращениях к крестьянам феодалы грозились смертной казнью за продолжение борьбы, обещали помилование за отказ от борьбы и устанавливали высокие вознаграждения предателям.

30 августа было сломлено сопротивление главных частей крестьян, а в сентябре были разгромлены и остальные отряды. Новые попытки восстания крестьян Саксонии имели место в сентябре и октябре 1790 г., но все они были подавлены едва развернувшись.

Причины поражения крестьян здесь следующие:

1. При хорошей организации центральных сил не было связи с отрядами, выступавшими вдалеке от центра.
2. Сказалось плохое вооружение и отсутствие собственных военных руководителей.
3. Крестьянство Саксонии

сильно различалось по имущественному и юридическому положению, что мешало установлению единых требований. 4. Сказалось отсутствие контакта с городами.

После подавления восстания крестьяне продолжали бороться другими методами — саботажем и судебными процессами. В 1792 г. проводилось 389 судебных процессов в одной Саксонии. Распространялись анонимные письма и листовки революционного содержания.

По всей стране создавались крестьянские отряды, названные в литературе разбойными. Их действия были направлены против феодального произвола, княжеской администрации и в защиту крестьян.

Таким образом, несмотря на то что антифеодальная борьба крестьян далеко недостаточно еще исследована, в настоящее время выявлены основные формы борьбы и ее общий характер. Объективно вся борьба крестьян была направлена на уничтожение феодального строя, на создание новых отношений. В условиях, когда капитализм уже проник в деревню, крестьяне вели борьбу за более широкое использование новых возможностей. Они вели борьбу за революционный путь развития страны. Борьба крестьян приближала знаменитые аграрные реформы в королевстве Пруссии и княжествах Германии.

Введение	3
Глава I. Источники и историография истории крестьянства в эпоху позднего феодализма	7
§ 1. Источники	7
§ 2. Историография	11
Глава II. Производство и производительные силы в сельском хозяйстве Германии (конец XV — начало XVIII в.)	28
§ 1. Сельское хозяйство и аграрные отношения к западу от Эльбы в конце XV в.	29
§ 2. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Ост-эльбии в конце XV в.	36
§ 3. Сельское хозяйство и аграрные отношения к западу От Эльбы в XVI в. и до начала Тридцатилетней войны	39
§ 4. Сельское хозяйство и аграрные отношения к западу от Эльбы в ходе и после Тридцатилетней войны	54
§ 5. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Ост-эльбии (XVI—XVII вв.)	56
§ 6. Подъем сельскохозяйственного производства в Германии в XVIII в.	61
Глава III. Соседская община (XIV—XVIII вв.)	67
§ 1. Община-марка в XIV—XVIII вв.	68
§ 2. Деревенская община	80
§ 3. Дворовая община	91
Глава IV. Борьба против феодалов до Крестьянской войны 94	94
§ 1. Крестьянские движения в Германии в XIV в. и до 60-х годов XV в.	95
§ 2. Выступление под руководством Ганса Бегайма и крестьянские заговоры конца XV — начала XVI в.	99
§ 3. Реформация Мартина Лютера и крестьянство Германии в 1517—1523 гг.	108

§ 4. Крестьянство перед самым началом Крестьянской войны	114
Глава V. Крестьянская война	120
§ 1. Крестьянская война и Реформация	120
§ 2. Военная организация, вооружение и военная тактика крестьян	125
§ 3. Вопрос о власти в ходе Крестьянской войны	137
§ 4. Результаты Крестьянской войны	156
Глава VI. «Второе издание крепостничества» в Остэзльбии. Положение крестьянства и его антифеодалная борьба (XVI—XVIII вв.)	158
§ 1. «Второе издание крепостничества» в XVI—XVII вв.	159
§ 2. Крестьянство Германни к западу от Эльбы в XVI—XVII вв.	167
§ 3. Крестьянство Германни во второй половине XVIII в.	169
§ 4. Формы и характер антифеодалной борьбы крестьян в XVI—XVIII вв.	173

Вильгельм Евгеньевич Майер

**КРЕСТЬЯНСТВО ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО
ФЕОДАЛИЗМА**

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина. Редактор Н. В. Павлова.
Младший редактор О. Т. Ускова. Художник В. В. Гарбузов.
Художественный редактор Т. А. Коленкова. Технический редактор
Н. Н. Желудкова. Корректор Н. Е. Рудомазина

ИБ № 4754

Изд. № ИСТ-365. Сдано в набор 20.09.84. Подп. в печать 12.12.84.
А-06169. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарнитура литератур.
Печать высокая. Объем 10,08 усл. печ. л. 10,29 усл. кр.-отт.
уч.-изд. л. 10,85. Тираж 5000 экз. Заказ № 1250. Цена 35 коп.

Издательство «Высшая школа»
101430, Москва, Неглинная ул., д. 29/14

**ПО «Чертановская типография» Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Мосгорисполкома.**
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а